Л. А. Некрасовъ,
Президентъ Математическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

МОСКОВСКАЯ ФИЛОСОФСКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

И ЕЯ ОСНОВАТЕЛИ.

(Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Московскаго Математическаго Общества 16 марта 1904 г., въ память Николая Васильевича Бугаева).

510
48
1798

МОСКВА.
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.
1904.

θA
9

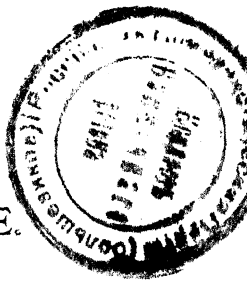
„Проф 38"

БИБЛИОТЕКА
Института Философии
Ком. АКАДЕМИИ.

Изданіе Математическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Математическій Сборникъ. Т. XXV.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1317
26



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Основатели Московскаго Математическаго Общества и въ ихъ числѣ *Николай Васильевичъ Бугаевъ*, по ихъ широкому и глубокому научно-философскому мірозерцанію и по ихъ образцовому служенію академическимъ учрежденіямъ, заняли мѣсто въ ряду высокихъ академическихъ авторитетовъ точнаго знанія. Владѣя *азбукой наукъ*, какъ своею главною спеціальностью, которую они усвоили въ совершенствѣ и искусно примѣняли къ дѣлу, они стояли выше узкихъ спеціальныхъ увлеченій, которыя отклоняютъ многихъ образованныхъ людей съ прямой дороги *истиннаго* гуманизма (активнаго, соединяющаго міросозерцаніе съ дѣйствіемъ).

Установить правильный взглядъ на ихъ авторитетъ и выяснить сущность ихъ геометрическо-этическаго и моральариѳметическаго (аритмологическаго) міросозерцанія и значеніе его для научнаго образованія и для *высшаго* дедуктивно-индуктивнаго научнаго изслѣдованія вопросовъ, обнимающихъ психофизіологію, физіологію и физику міра, государства, общества и ихъ частей, представляется намъ дѣломъ большой важности. По мѣрѣ нашихъ скромныхъ силъ мы пытаемся въ настоящей статьѣ исполнить это дѣло съ возможною полнотою. Вотъ почему эта статья, посвященная основателямъ Московскаго Математическаго Общества, разрослась при ея напечатаніи, превратившись изъ небольшой произнесенной 16 марта 1904 года рѣчи въ цѣлую книгу.

Придавая важное значеніе дѣлу, опыту и опытнымъ наукамъ, основатели Математическаго Общества являются противниками

рабскаго преклоненія нѣкоторыхъ ученыхъ предъ фактомъ. Они выступили въ числѣ первыхъ протестантовъ противъ этого порабощенія современной научной мысли и точно разъяснили значеніе созерцанія и воли, вооруженныхъ предпосылочными объективными и субъективными (авторитетными и неавторитетными) міросозерцаніями и болѣе или менѣе точными теоріями, которыя сознаніе, живущее своимъ чистымъ процессомъ и внутреннимъ опытомъ, комбинируетъ съ явленными внѣшними фактами при мотиваціи предстоящихъ дѣйствій. Историческія и соціалфизическія закономѣрности зависятъ столько же отъ теоретическихъ активныхъ иниціативъ сознающихъ существъ, сколько и отъ являемыхъ фактовъ. Творческія сознательныя иниціативы, *вѣчно сущія*, отличаютъ міровую психо-физіологію отъ физіологіи и физики, внося въ закономѣрность живой вселенной и ея частей особые (психоаритмологическіе) разрывы механическаго и аналитическаго процесса и порывы съ рядами предшествующихъ фактовъ. Колебанія эти происходятъ по отношенію къ всеобъемлющему *объективному* міросозерцанію (къ Истинѣ, какъ живому основанію дѣйствія), отраженному въ субъективныхъ міросозерцаніяхъ человѣчества.

Будучи учителями учителей высшихъ и среднихъ школъ, основатели Математическаго Общества были знатоками научно-педагогической закономѣрности и честными противниками педагогической рутины, застоя и схоластики. Ихъ научное міросозерцаніе представляетъ спеціальный интересъ для тѣхъ, кто имѣетъ отношеніе къ педагогикѣ и народному образованію. Педагогическія нормы ихъ высоки по уровню требованій, которымъ не могутъ удовлетворять методы беллетристическаго образованія, упражняющаго учениковъ лишь словесно-этическими опытами и устраняющаго геометрическую координацію

этической мысли учащихся. Уровень образованія зависитъ, думали они, отъ качества и объема математическихъ понятій, вводимыхъ въ систему *общаго* образованія. Метрическіе элементы мысли, опредѣляющіе мѣрою, оцѣнкою и мѣрнымъ силлогизмомъ функціи, ихъ раздѣленіе (по физическимъ условіяхъ и по духу), соотвѣтствіе, положеніе, тактъ и гармонію и гармоническое объединіе (по физическимъ условіямъ и по духу), входятъ во всѣ важнѣйшія понятія и въ науку о природѣ и обществѣ. Эти элементы опредѣляютъ тѣ функціи сознанія, его власти и его права, отъ которыхъ зависятъ соціальныя и міровыя возможности и правомочія, правомѣрности и закономѣрности.

Наука и научно-обоснованная практика стали азбукой и соціалгрмматикой тѣхъ націй и государствъ, которыя какъ историческія собирательныя личности (сложныя монады), не желаютъ быть затертыми во взаимномъ соревнованіи и, наоборотъ, желаютъ мужественно и доблестно отстоять въ свободопротиворѣчивомъ міровомъ и соціальномъ процессѣ свое родовое сплоченное бытіе и родовое самосознаніе. Основатели Московскаго Математическаго Общества поднимали это самосознаніе на высшія ступени, распространяя высшія научныя и философскія знанія и вообще служа дѣлу, имѣющему общечеловѣческое, общегосударственное и народное значеніе.

Оцѣнка ихъ міросозерцанія и ихъ жизненнаго примѣра и завѣта государствомъ и обществомъ особенно желательна въ наше время всевозможныхъ этическихъ противорѣчій и совершающагося нынѣ остраго мірового противорѣчія, когда исторія опять выдвинула великую родовую задачу русскаго государства, поставленнаго между Дальнимъ Востокомъ и Западомъ. Эти явленія зовутъ насъ къ подъему солидарности, къ собиранію массовыхъ силъ вокругъ старыхъ

святыхъ знаменъ, умноженному всѣми пріобрѣтеніями новой науки, моральтехники и техники.

Считаемъ должнымъ упомянуть объ особенностяхъ изложенія и стиля, которымъ написана предлагаемая статья. Для выраженія математическаго содержанія принциповъ міроустройства и устройства соціальныхъ организмовъ общеупотребительный языкъ оказывается невполнѣ подходящимъ. Переводъ этого содержанія на общеупотребительный языкъ сопряженъ съ затрудненіями, почти непреодолимыми, что и вынуждаетъ математиковъ либо замыкаться въ своей спеціальности, отказываясь навсегда отъ общедоступнаго изложенія важныхъ жизненныхъ метрическихъ понятій, либо прибѣгать къ сложнѣйшимъ оборотамъ научной, философской, политической, общественной и церковной рѣчи, къ повтореніямъ и тяжелымъ терминамъ, непріятнымъ для читателей, привыкшихъ къ бойкому стильному языку словесниковъ-беллетристовъ и діалектиковъ-эмпириковъ. Мы, поэтому, рѣшились выпустить въ свѣтъ эту статью не безъ колебаній, въ которыхъ взяло верхъ убѣжденіе, что внутреннее содержаніе важнѣе внѣшней формы и что міросозерцаніе основателей Московской математической школы, которымъ вдохновлено содержаніе этой статьи, блещетъ внутреннею красотою даже и при той формѣ, какая здѣсь предлагается.

П. Некрасовъ.

15 сентября,
1904 года.

МОСКОВСКАЯ ФИЛОСОФСКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ЕЯ ОСНОВАТЕЛИ.

(Рѣчь *) президента Московскаго Математическаго Общества **П. А. Некрасова,** произнесенная въ засѣданіи 16-го марта 1904 года, въ память Николая Васильевича Бугаева).

Содержаніе рѣчи: 1. Вступительныя слова о связи Николая Васильевича съ дѣятельностью Московскаго Математическаго Общества.—2. Союзъ основателей Московскаго Математическаго Общества и его цѣль.—3. Древніе принципы точнаго познанія и принципы мыслителей западной Европы.—4. Характеръ глубоко проникающаго человѣческаго логоса.—5. Объ оцѣнкѣ логоса союза основателей Московскаго Математическаго Общества и его цѣлей въ связи съ прошлымъ общечеловѣческаго и русскаго сознанія.—6. Критика началъ геометріи по взглядамъ основателей; участіе всѣхъ свойствъ и способностей духа въ познавательномъ процессѣ.—7. Роль чистой и прикладной математики въ изученіи закономѣр ностей.—8. Разнообразіе трудовъ союза основателей въ области чистой математики и ея приложеній къ изученію природы и къ познанію политической и общественной закономѣрности.—9. Практическая учено-учебная и морально-техническая дѣятельность членовъ-основателей.—10. „Необходимость философскихъ основаній для многообразнаго раздѣленія и для объединенія и синтеза.—11. Неудачныя рѣшенія проблемы о функціяхъ и философско-математическихъ принципахъ, координирующихъ въ сознаніи многообразное раздѣленіе и объединеніе вещей; отношеніе основателей къ лучшимъ попыткамъ рѣшенія этой проблемы.—12. Существо взглядовъ основателей на рѣшеніе проблемы о функціяхъ и философско-математическихъ основаніяхъ, опредѣляющихъ физическія и психофизіологическія закономѣрности.—13. Сопоставленіе взглядовъ основателей со взглядами Паскаля, Фермата, Лейбница и Лапласа; психо-аритмо-механическій процессъ.—14. Предѣльный аритмологизмъ и мѣрное разграниченіе процессовъ ощущенія и чистаго сознанія (созерцанія).—15. Мѣрная неопредѣленность міровыхъ закономѣрностей, выражаемая произвольными постоянными и произвольными функціями суммированія и интегрированія; отношеніе этой неопредѣленности къ апріоріи, эмпиріи, ожиданію, свободѣ и мотивацiи.—16. Лапласъ, какъ авторъ классическаго изложенія теоріи вѣроятностей, долженъ быть причисленъ къ психо-аритмологамъ; недоразумѣнія по этому вопросу.—17. Аналитическая логика есть лишь частный случай всеобщей или психоаритмологической логики, обнимающей мѣрныя сужденія и мѣрныя ожиданія и оцѣнки.—18. Жизненное значеніе психоаритмологическаго силлогизма.—19. Статистическій методъ.—20. Геометрическо-этическая координація сознанія посредствомъ воображаемаго $n+1$-мѣрнаго морально-биполярнаго пространства, принимая вѣроятность за абсциссу.—21. Моралькинематика; агностическія явленія и мотивація въ морально-биполярномъ многомѣрномъ пространствѣ. — 22. Время, какъ абсцисса въ многообразной морально-бипопярной координаціи. Исторія и ея дедукціи и индукціи; заблужденія философско-исторической мысли.

*) Рѣчь печатается въ распространенномъ объемѣ.

Необходимость религіознаго элемента въ вопросахъ о происхожденіи міра, живой природы и человѣка. Некатегорическіе масштабы для исчисленія временъ и образовъ прошедшаго, относящихся къ человѣчеству и живой природѣ.—23. Жизнь и критика чистаго сознанія; вдохновеніе. Критика чистаго сознанія въ примѣненіи къ историческому сужденію, пониманію и усвоенію историческихъ свидѣтельствъ о происхожденіи человѣческой культуры и ея высшихъ этическихъ началъ. Благодатныя начала. Богочеловѣческое свидѣтельство и его культурно-историческое вліяніе. Историки-пророки; спеціальныя исторіи.—24. Сопоставленіе взглядовъ Кетле и Н. В. Бугаева на свободу воли; другіе взгляды на этотъ вопросъ. Два царства: царство права и закона и царство лжи.—25. Интеллектуальныя различія и неравенства; этическая классификація людей; народное образованіе, педагогика и другія явленія, связанныя съ интеллектуальными различіями и неравенствами. Церковь, Академія и Государство. Понятіе объ истинно-раціональномъ государствѣ.—26. Координированіе аритмологическаго міросозерцанія посредствомъ монадологіи. Человѣкъ, родъ, племя, государство, міръ и Тріединство, какъ монады. Какъ слагалось у основателей живое этическо-критическое убѣжденіе?—27. Матеріальное и экономическое начало въ жизни природы и человѣка; условность закона сохраненія энергіи; аритмологическая экономія; образовательнопромышленная школа. Отношеніе государства къ идеалу и къ матеріальной національной силѣ.—28. Отношеніе государства, какъ сложной монады или личной свободосвязи къ индивидууму и къ міру. Недоразумѣнія по этому поводу индетерминистовъ и неопозитивистовъ-кантіанцевъ. Метрическіе элементы въ понятіяхъ о правѣ и долгѣ и правомѣрный процессъ въ государствѣ и въ человѣчествѣ.—29. Раздѣленіе властей и ихъ гармоническое равновѣсіе и объединеніе суть условія свободосвязнаго правомѣрнаго государственнаго процесса. Принципы Монтескье, Руссо, Сіэса, Б. Констана и другихъ суть пониженіе принциповъ правомѣрнаго идеально-реальнаго государства, созданныхъ исторіей Англіи, Голландіи и Россіи. Духъ реформы Петра Великаго и ея развитіе на почвѣ русскихъ историческихъ началъ. Гносеологическо-статистическое обращеніе къ воплощенной мірской совѣсти. Органическая координація взаимоотношеній и взаимодѣйствій политическихъ и бытовыхъ автономій и статистическое управленіе функціональными многообразіями.—30. Организація и реформа многообразій народнаго образованія и статистическое управленіе народообразовательнымъ дѣломъ.—31. Каѳедра педагогики; объединеніе университетскихъ факультетовъ; Нормальная Школа; юридическій факультетъ.—32. Гармоническая согласованность совѣсти, мысли и дѣла союза основателей Московскаго Математическаго Общества съ древними и новыми началами критики чистаго сознанія и съ началами русскаго самосознанія. Вдохновенность учительскаго сознанія союза основателей.—33. Особыя заслуги Николая Васильевича Бугаева.

1. Въ то время какъ вся Россія возбуждена событіями грозной войны, и войска наши проливаютъ свою драгоцѣнную кровь, защищая на полѣ брани честь и достояніе своей ро-

дины,—въ это поглощенное интересами войны время Московскому Математическому Обществу пришлось созвать почитателей скончавшагося въ маѣ *) Николая Васильевича Бугаева, чтобы почтить его, какъ героя мира и мирнаго труда.

Почитатели покойнаго услышатъ здѣсь много основаній къ тому, чтобы съ особымъ вниманіемъ чтить память этого выдающагося профессора и дѣятеля математической науки и философіи. Я съ своей стороны попытаюсь характеризовать по мѣрѣ моихъ силъ связь Московскаго Математическаго Общества съ высокоодаренною личностью и плодотворною дѣятельностью Николая Васильевича и выразить, поскольку это необходимо для сказанной цѣли, значеніе задачъ и трудовъ самого Математическаго Общества.

Въ лицѣ Николая Васильевича сошелъ со сцены одинъ изъ такихъ дѣятелей Московскаго Математическаго Общества, оцѣнка котораго является въ то же время подведеніемъ итоговъ почти всей прошлой дѣятельности этого Общества. Вотъ почему я долженъ обобщить вопросъ, связавъ съ личностію Николая Васильевича характеристику направленія прошлой дѣятельности нашего Общества, которая тѣсно примыкаетъ къ исторіи человѣческой мысли и человѣческой культуры.

Московское Математическое Общество, состоящее при старѣйшемъ русскомъ университетѣ, является ученою математическою школою, которая, трудясь надъ тщательною разработкою чистой и прикладной математики, вмѣстѣ съ тѣмъ выпустила изъ своего питомника большое число профессоровъ, учителей и ученыхъ практическихъ дѣятелей. Много силъ Николая Васильевича потрачено было на созданіе этой школы, которая была столько же научная, сколько и философская.

Мало сказать, что Николай Васильевичъ былъ членомъ-основателемъ и затѣмъ нѣсколько лѣтъ президентомъ Математическаго Общества. Онъ былъ въ то же время его душею, отражая съ особенною полнотою и цѣлостностію весь духъ этого Общества,—тотъ духъ или разумъ, который былъ вло-

*) 29 мая 1903 года.

женъ въ эту учено-общественную организацію ея основателями и въ ихъ числѣ самимъ имъ.

2. Говоря о связи Николая Васильевича съ Московскимъ Математическимъ Обществомъ, нельзя въ то же время не вспомнить и о *всей* группѣ основателей этого Общества. Поименный списокъ этой замѣчательной плеяды, давшей Математическому Обществу его духовное бытіе, печатается въ каждомъ томѣ издаваемаго Обществомъ журнала на видномъ мѣстѣ. Вотъ эти драгоцѣнныя для науки имена: Н. Д. Брашманъ, А. Ю. Давидовъ, Ѳ. А. Бредихинъ, Ѳ. А. Слудскій, В. Я. Цингеръ, М. Ѳ. Хандриковъ, Н. В. Бугаевъ, Н. Н. Алексѣевъ, А. В. Лѣтниковъ, кн. С. С. Урусовъ, К. М. Петерсонъ, Е. Ѳ. Сабининъ, С. А. Юрьевъ, П. Л. Чебышевъ. Союзъ этихъ лицъ, возникшій въ одинъ изъ наиболѣе оживленныхъ періодовъ пробужденія русскаго сознанія и усиленія университетской научной дѣятельности *), задался цѣлію содѣйствовать поднятію въ русской наукѣ того познанія міровыхъ вещей и явленій, которое называется *точнымъ*. Члены этого союза изслѣдовали *закономѣрность*, существующую во вселенной, а именно: *физику* міра и міровую *психофизіологію*; они твердо вѣрили въ тотъ древній (древне-еврейскій и древне-греческій, Пиѳагоровскій) основной принципъ всякаго точнаго знанія, что Творецъ «*все расположилъ мѣрою, числомъ и вѣсомъ*» (Прем. Солом. XI, 21). Члены-основатели Математическаго Общества принадлежали къ тѣмъ вообще рѣдкимъ людямъ, которые проникнуты наиболѣе совершенными математическими принципами точнаго познанія. Они стремились внести духъ математическаго тщательнаго изслѣдованія въ русскую науку, которая въ то время еще являлась отставшею въ области точнаго познанія отъ науки западно-европейской. Наука эта была въ то же время въ ихъ глазахъ однимъ изъ средствъ поднять практическое умѣнье въ разныхъ отрасляхъ дѣла, вызываемаго потребностями жизни.

Всѣ основатели Московскаго Математическаго Общества уже оставили поле учено-общественной дѣятельности, и лишь небольшая часть ихъ, высоко нами чтимая, живетъ вдали отъ

*) Въ 1864 году.

дѣлъ. Поэтому нашимъ долгомъ является полнѣе оцѣнить ихъ совмѣстную работу, провожая въ вѣчность наиболѣе дѣятельнаго основателя. Нашъ долгъ подробно раскрыть и выяснить, по мѣрѣ силъ, въ общедоступной формѣ ихъ завѣты и ихъ задачи для будущаго, выраженные частію спеціальнымъ языкомъ, частію сжатыми философско-математическими терминами.

3. Мыслители западной Европы, послѣ средневѣковаго умственнаго застоя, обратились къ древнимъ принципамъ точнаго познанія,—принципамъ, прошедшимъ чрезъ сознаніе мудрецовъ древне-восточной, затѣмъ древне-классической, древне-христіанской и арабской культуры. Они значительно углубили и расширили эти принципы. Дѣло ихъ получило свое выраженіе въ традиціяхъ Декарта, Паскаля, Ньютона, Лейбница и вообще всѣхъ наиболѣе глубокихъ философовъ-математиковъ, астрономовъ, физиковъ, химиковъ, физіологовъ, психологовъ, біофизиковъ и соціалфизиковъ такъ называемаго новаго и новѣйшаго періода исторіи человѣчества. Углубленные принципы точнаго познанія и изощреннаго знаніемъ дѣйствія, образовавшіеся отъ соединенія старыхъ принциповъ съ особыми новыми *искусственными* пріемами исчисленія, расширяли математическіе методы изслѣдованія закономѣрности міровыхъ взаимоотношеній и взаимодѣйствій. Разница между *естественною* и *искусственною* способностію человѣческаго разума судить, взвѣшивать, мѣрить и исчислять очень сильно возрасла. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрасли средства техники и соціальной техники, умѣнья примѣнять физическія и моральныя познанія къ устроенію политической и общественной жизни.

Естественныя способности исчисленія велики не только у человѣка, но и у животнаго, которое по инстинкту прекрасно какъ бы взвѣшиваетъ предстоящія ему препятствія и съ удивительною гибкостью ума и воли цѣлесообразно преодолѣваетъ ихъ. Муравей, пчела, бобръ и разные другіе представители животнаго царства прославились своими инстинктивными какъ бы математическими способностями, своимъ врожденнымъ чувствомъ мѣры или, вѣрнѣе, чутьемъ, кото-

рое сдѣлало ихъ способными къ возведенію изумительныхъ построекъ для своего жилья и вообще къ цѣлесообразному устроенію своей индивидуальной и общественной жизни. Человѣкъ же, имѣя богатыя врожденныя и естественныя способности исчисленія и соразмѣреннаго съ цѣлями дѣйствія, можетъ сверхъ того изощрять эти способности искусственно, и соотвѣтствующіе этому искусству математическіе принципы уже въ сѣдой древности были очень велики у мудрѣйшей части человѣчества. Однако новая математика сумѣла расширить свое искусство до такой степени, что новый искусственный исчислительный процессъ нынѣ чрезвычайно превосходитъ по богатству содержанія и выводовъ древнюю математику, старыя геометрію, ариѳметику и алгебру. Прикладная же математика изощряла практическое умѣнье (технику) и расширила поле практической дѣятельности человѣка.

Новые математическіе пріемы мышленія и взвѣшеннаго мыслію и опытомъ дѣйствія развиваютъ логику и творческій человѣческій логосъ. Они способствуютъ сближенію выводовъ съ ихъ отдаленными началами и тѣмъ самымъ совершенствуютъ критерій точнаго познанія, усиливаютъ средства пополненія интеллектуальныхъ недостатковъ, зависящихъ отъ слабости врожденныхъ и естественныхъ элементовъ сознанія точности или истинности познаваемаго,—элементовъ, которые неизбѣжно проникаютъ во всю теорію познанія и въ томъ числѣ въ опредѣленія и аксіомы геометріи и вообще математики. Разумнымъ искусствомъ естественныя и врожденныя критическія и практическія способности не должны парализоваться, а, напротивъ, должны лишь совершенствоваться. Развивая свой умъ въ области искусственнаго математическаго критерія, человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ вооружалъ себя все болѣе и болѣе совершенствовавшимися инструментами наблюденія и орудіями дѣйствія. Инструментами и орудіями въ области соціальной и моральной техники являлись политическія и общественныя учрежденія. По основамъ своимъ методъ точнаго познанія и техника точнаго дѣйствія, цѣнимые въ математиче-

ской теоріи и практикѣ, остаются при всѣхъ усовершенствованныхъ искусственныхъ средствахъ естественными, натуральными, и въ этой натуральности точнаго познанія и дѣйствія заключается его сила и его отличіе отъ схоластическаго и позитивнаго искусственнаго знанія.

4. Глубоко проникающій человѣческій логосъ всегда богатъ тонко развитыми математическими элементами. Оцѣнка всего сущаго связана съ этими элементами. Поэтому глубоко проникающій логосъ является не діалектическимъ только (соотвѣтствующимъ лишь слову) и не діалектическо-эмпирическимъ (соотвѣтствующимъ слову и дѣлу), а математическо-діалектическо-эмпирическимъ. Сознанію этого логоса присуще болѣе или менѣе развитое *чувство мѣры*, которое объединяетъ внутреннія и внѣшнія оцѣнки и которое можно назвать внутреннимъ «*мѣрно судящимъ глазомъ*». Языкъ этого логоса и его силлогизмъ, сохраняя внутреннюю красоту, группируютъ вещи въ разнообразные ряды при помощи различныхъ умозрительныхъ и эмпирическихъ мѣрилъ и вырабатываютъ для дѣйствія мысли и воли достаточное основаніе. Совершеннѣйшая форма этого силлогизма содержитъ одновременно разныя оцѣнки, какъ-то: оцѣнку возможности тезиса и антитезиса, оцѣнку нашихъ влеченій къ тезису и къ антитезису, оцѣнку тѣхъ средствъ и жертвъ, которыя мы приносимъ для достиженія тезиса или антитезиса, какъ желаемой цѣли, оцѣнку нашего уваженія къ проводникамъ тезиса или антитезиса, какъ долга, и т. п. Объ этомъ математическо-діалектическо-эмпирическомъ логосѣ еще Сирахъ сказалъ: «слова благоразумныхъ взвѣшиваются на вѣсахъ» (Прем. Сираха, XXI, 28).

Мѣрные силлогизмы этого логоса обнимаютъ индукцію, обусловливаютъ дедукцію и входятъ въ законы мѣрнаго логическаго мышленія. Мышленіе это въ свой чередъ обусловливаетъ ходъ благоразумной рѣчи и благоразумныхъ дѣлъ, а потому ряды словъ и дѣлъ благоразумнаго человѣка закономѣрны. Качество и послѣдовательность этой *личной* закономѣрности въ ея болѣе и менѣе длительномъ цѣломъ повѣряютъ и опредѣляютъ

достоинство человѣка, его мудрость, добросовѣстность и правдивость. Безъ послѣдовательной повѣрки этой закономѣрности возможна лишь болѣе или менѣе некатегорическая оцѣнка людей, такъ какъ слова и дѣла, оторванные отъ этой закономѣрности, часто служатъ для обмана, лицемѣрія и лести. Въ практической жизни при встрѣчѣ людей другъ съ другомъ невсегда возможно имѣть точное понятіе о личныхъ закономѣрностяхъ встрѣтившихся. Взаимоотношенія людей, по этому, всегда предполагаютъ болѣе или менѣе нѣкоторый рискъ, называемый взаимнымъ довѣріемъ, и, съ другой стороны, приговоръ объ окончательныхъ результатахъ риска. Чрезмѣрное довѣріе и чрезмѣрное недовѣріе лицу легкомысленны, пока не накопились данныя. Наиболѣе же полные матеріалы для суда и приговора о качествахъ и достоинствахъ человѣка накопляются лишь подъ конецъ его жизни и по смерти. Прежде смерти не слѣдуетъ чрезмѣрно восхвалять достоинствъ человѣка. (Сравн. Прем. Сираха, XI, 28).

5. Въ человѣческой жизни и въ ея исторіи, какъ и въ точномъ познаніи, оцѣнка авторитета или достоинства логоса людей и ихъ союзовъ играетъ существенную роль. Вотъ почему намъ приходится оцѣнивать логосъ союза основателей Московскаго Математическаго Общества и сравнивать его съ другими авторитетами, отыскивая между ними связь и находя ей начало на Западѣ въ геніи Декарта, а у насъ въ геніи Ломоносова и продолжателей его дѣла.

Декартъ, отвергшій не только спутанность средневѣковой схоластики, но и односторонній діалектическо-эмпирическій логосъ Бэкона, призналъ всестороннее научно-философское значеніе лишь за математическо-діалектическо-эмпирическимъ познаніемъ, и новая математика въ разумномъ соединеніи ея съ словомъ и дѣломъ оправдала его ожиданія. Она приблизила логосъ человѣка къ доступному для него совершенству и къ возможности лучшаго уразумѣнія творческаго мірового Логоса.

До возникновенія Московской математической организаціи въ русской точной наукѣ были уже славныя имена Ломоно-

сова, Остроградскаго, Лобачевскаго, Щепкина, Зернова, Буняковскаго и другихъ, находившихся въ тѣсномъ общеніи съ выдающимися европейскими представителями точнаго познанія и математической науки.

Основатели Московскаго Математическаго Общества сознавали необходимость дальнѣйшаго расширенія русской организаціи, которая должна была усвоять нашей наукѣ и жизни новые математическіе принципы точнаго познанія, вытекающіе изъ древнихъ принциповъ, не уничтожающіе ничего положительнаго въ старинѣ и открывающіе новый просторъ для дѣятельности врожденнаго чувства мѣры, для положительнаго или точнаго научно-философскаго изслѣдованія и для разумнаго взвѣшеннаго цѣлесообразнаго благотворнаго дѣйствія. И вотъ этому-то изощренному духу познанія, проведенію его въ русское сознаніе и стали служить высокопросвѣщенные, пользующіеся заслуженною извѣстностью основатели Московскаго Математическаго Общества и въ ихъ числѣ незабвенный Николай Васильевичъ.

Не легка эта задача: проведеніе духа точнаго познанія въ человѣческую среду всегда и вездѣ встрѣчаетъ на пути разнообразныя препятствія, состоящія главнымъ образомъ въ подчиненіи и образованныхъ людей духу ложнаго познанія, различнымъ кумирамъ, противодѣйствующимъ истинному точному познанію, засаривающимъ сучьями и бревнами внутренній «мѣрносудящій глазъ», открывающій путь познанія и дѣйствія. Людямъ, принявшимъ на себя долгъ распространенія точнаго знанія и умѣнія, приходится съ великимъ трудомъ расчищать тотъ правильный путь, который можно назвать здравою положительною теоріей познанія и дѣйствія. Основатели Математическаго Общества стремились преодолѣть эти препятствія силою логическаго убѣжденія, искуснымъ разъясненіемъ того, что точное познаніе и обоснованное имъ дѣйствіе не совмѣстимы съ служеніемъ неразумнымъ началамъ и кумирамъ, съ увлеченіемъ какою бы то ни было односторонностію. *Положительность* познанія, присущая духу точнаго изслѣдованія, состоитъ, думали они, въ той *полной точности*, которая опредѣляется все-

стороннимъ согласіемъ *внутренняго* сознанія истинности познаваемой вещи съ сознаніемъ истинности всѣхъ относящихся къ ней *внѣшнихъ* конкретныхъ данныхъ. Эта точность въ основѣ своей имѣетъ всегда очевидность, но не одну только *сенсуалистическую* (чувственную, эмпирическую) очевидность, а и *критическую*, которая, вырабатываясь чистымъ сознаніемъ, является продуктомъ сопоставленія и синтеза многочисленныхъ простыхъ элементовъ и въ то же время вноситъ въ нихъ гармоническій порядокъ. Критическая синтетическая очевидность пріобрѣтается всегда лишь съ большимъ трудомъ, и ее нужно отличать отъ очевидности такъ называемыхъ «популярныхъ» quasi—точныхъ познаній.

6. Въ ряду предметовъ точнаго познанія геометрія занимаетъ первое мѣсто по простотѣ математическихъ основаній критики ея началъ. Она, по признанію всѣхъ философовъ и математиковъ, легче всего можетъ послужить для раскрытія природы точнаго критическаго познанія. Нашъ членъ-основатель В. Я. Цингеръ изъ критики началъ геометріи выяснилъ особенную роль внутренней иниціативы познающаго духа. Въ то время какъ нѣкоторые математики, астрономы и физики, познакомившіеся съ изслѣдованіями Лобачевскаго по неэвклидовой геометріи, пытались діалектическо-эмпирическимъ путемъ доказать, что конкретное пространство является эвклидовскимъ, а нѣкоторые изъ очень извѣстныхъ естествоиспытателей присоединяли къ этому пространству таинственное «четвертое» измѣреніе, открываемое, будто бы, эмпирически посредствомъ медіумическихъ явленій,—въ это время крайнаго преклоненія предъ фактомъ, какъ условіемъ точнаго познанія, В. Я. Цингеръ обнаружилъ несостоятельность діалектики и эмпиризма въ рѣшеніи вопросовъ объ основаніяхъ геометріи. Ему удалось обнаружить въ діалектикѣ эмпириковъ *ложные круги* и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, что уже на первыхъ ступеняхъ математически координированнаго познанія внѣшней реальности внутреннее согласіе духа на признаніе геометрическихъ достовѣрностей обусловлено *произвольнымъ* расположеніемъ его избрать или не избрать эвклидову

геометрію за точку отправленія при оцѣнкѣ внѣположности вещей или геометрической ихъ координаціи. Если, слѣдовательно, даже геометрическое познаніе должно считаться не съ однимъ только наблюденіемъ, но и съ внутреннимъ глазомъ, мѣрно и автономно судящимъ, то это внутреннее мѣрило вещей должно играть не менѣе важную законодательную роль и въ остальныхъ координаціяхъ познаваемаго міра. Чистый эмпиризмъ и даже съ присоединеніемъ къ нему діалектики долженъ быть признанъ, поэтому, существенно недостаточнымъ для точнаго познанія *).

Геометрическія системы Эвклида и Лобачевскаго одинаково способны служить для координированнаго практическаго по-

*) Противъ положительности узкаго эмпиризма и діалектической игры словъ въ позитивномъ знаніи, относящемся къ рѣшенію вопросовъ объ основаніяхъ геометріи, *В. Я. Цингеръ* искусно возражалъ въ бесѣдахъ съ своими учениками, а также въ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ Политехническомъ Музеѣ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Спутанность понятій, относящихся къ воспріятію пространства, перешла даже къ такимъ серьезнымъ ученымъ, какъ астрофизикъ Цольнеръ, физикъ Круксъ, химикъ Бутлеровъ и другіе, развивавшіе идею эмпирическаго рѣшенія вопроса о неэвклидовой геометріи и искавшіе объясненія медіумическихъ явленій въ таинственномъ четвертомъ измѣреніи. Эти мистическо-эмпирическіе взгляды на пространство изложены въ статьѣ Бутлерова: „Четвертое измѣреніе пространства и медіумизмъ“ (Русскій Вѣстникъ. Февраль. 1878. Москва).

Впослѣдствіи *В. Я. Цингеръ* формулировалъ важнѣйшіе изъ своихъ взглядовъ въ статьѣ: „Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи“, напечатанной въ „Дневникѣ IX Съѣзда русск. естествоиспытателей и врачей“ (Москва. 1894) и въ 22 книгѣ: „Вопросы философіи и психологіи“. Элементарное конкретное истолкованіе геометріи Лобачевскаго вмѣстѣ съ изложеніемъ соотвѣтствующихъ взглядовъ В. Я. Цингера представлено въ моей книгѣ: „Приложеніе алгебры къ геометріи“ (изд. 2, §§ 40—41. Москва. 1897). Эти вопросы болѣе подробно съ философской стороны разсматриваются въ книгѣ проф. *Г. Челпанова*: „Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апріорности и врожденности“ (часть II, „Представленіе пространства съ точки зрѣнія гносеологіи“. Кіевъ. 1904). *Пуанкаре* нынѣ высказалъ почти тѣ же взгляды (см. „Наука и гипотеза“, переводъ съ французскаго, подъ редакціей *Н. А. Умова*. Москва. 1904).

знанія пространства, являясь лишь его теоретическими предпосылками (умозрительными схемами). Отъ геометрическаго познанія перейдемъ къ познанію вообще. Координація всякаго практическаго познанія опирается на теоретическія предпосылки. Ниже мы разсмотримъ общую координацію познанія при помощи теоріи познанія, построенной по типу воображаемаго многомѣрнаго пространства. Теперь же пока ограничимся слѣдующимъ замѣчаніемъ.

Нѣтъ познанія безъ предпосылокъ теоріи познанія, координирующей матеріалы знанія въ систему. Избрать хорошую теорію познанія значитъ намѣтить себѣ хорошій путь получать знанія. Возможныхъ теорій познанія много, и въ выборѣ той или другой теоріи познанія, какъ въ выборѣ пути, играетъ роль *воля*, которая, такимъ образомъ, участвуетъ въ познавательномъ процессѣ.

Воля подчиняется то *разуму*, то *чувству* и *темпераменту*, а потому всѣ свойства и способности духа и тѣла вовлекаются въ познавательный процессъ. Просвѣщенная благая воля ставитъ себя въ связь съ высшею теоріей познанія и несетъ съ собою истину и благо. Воля, отдавшаяся плохой теоріи познанія, служитъ въ той или другой мѣрѣ заблужденію и кумирамъ.

Отъ доброй воли и способностей познающаго зависитъ раскрыть широко свой познающій глазъ или съузить его. Вмѣстѣ съ тѣмъ и закономѣрности вселенной можно изучать по произволу въ широкомъ полѣ зрѣнія или узкомъ.

7. Никакая закономѣрность не можетъ быть опредѣлена безъ математическаго элемента, являющагося при правильномъ примѣненіи естественнымъ противникомъ безпорядка, спутанности, *хаоса*. Ни эмпирическія, ни діалектическія закономѣрности не могутъ представлять ничего положительнаго, если они чужды правильной математической координаціи. Такъ называемые эмпирическіе законы, трактующіе разныя формы физическихъ, психофизическихъ, біофизическихъ и соціалфизическихъ закономѣрностей, мыслимы лишь при подразумѣваемыхъ точныхъ математическихъ основаніяхъ для этихъ мѣрностей. Равнымъ образомъ законы діалектическіе (императивы), если они диктуются

благою волею создать соціальную закономѣрность, какъ политическій и гражданскій порядокъ, имѣютъ смыслъ лишь при убѣжденіи, что они воспринимаются чувствомъ мѣры индивидуумовъ, взвѣшивающимъ случаи, когда тотъ или другой императивъ долженъ быть примѣненъ къ дѣлу.

Отводя важную роль математикѣ, не слѣдуетъ однако умалять значенія *слова*, какъ средства выражать идеи и понятія, и *опыта*, какъ средства ощущать, открывать и провѣрять связь вещей и пріобрѣтать умѣнье или навыкъ дѣланія, трудоспособность. Математикамъ не слѣдуетъ забывать, что односторонній математическій логосъ, руководящійся лишь *чистою* математикою, представляетъ, подобно одностороннему діалектическому и эмпирическому логосу, свои заблужденія и опасности, которыхъ нужно остерегаться представителю точнаго познанія. Поэтому, тщательно и заботливо развивая чистый математическій процессъ, необходимо постоянно помнить, что такъ называемая чистая математика даетъ лишь одностороннюю логическую и гносеологическую форму, служащую для количественнаго выраженія закономѣрности, и что содержаніе этихъ закономѣрностей обусловлено понятіями, идеями и представленіями, связанными съ конкретными (физическими, моральными и пр.) факторами. Было бы злоупотребленіемъ чистою математикою, если бы кто-либо конкретное существо не только моральныхъ понятій, но и болѣе простыхъ физическихъ вещей сталъ опредѣлять и доказывать чистымъ математическимъ процессомъ. Существо каждой вещи должно стараться *понять* изъ всей совокупности внутреннихъ и внѣшнихъ документовъ, относящихся къ этой вещи.

Чистое математическое познаніе нужно причислить къ вышеупомянутымъ весьма цѣннымъ, но одностороннимъ простымъ элементамъ познанія, требующимъ синтеза его съ прочими внутренними и внѣшними элементами сознанія. Плодотворный результатъ получается лишь послѣ *синтеза*.

Точное познаніе, являющееся результатомъ синтеза и, между прочимъ, проникнутое математическимъ выводомъ, представляетъ собою не чистую, а *прикладную* математику. Таковы

физика, астрономія, физическая химія, біофизика, соціалфизика и ихъ отдѣлы. Основатели Московскаго Математическаго Общества не замыкались лишь въ область чистой математики. Они высоко цѣнили прикладную математику во всѣхъ ея отрасляхъ и учили синтезу, заключенному въ *прикладномъ* математическомъ процессѣ. Наука въ ихъ пониманіи и въ ихъ разработкѣ была столько же идейною и теоретическою, сколько и практическою, получавшею примѣненіе въ разныхъ ученыхъ, учебныхъ, общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ.

8. Рядомъ съ обширными, разносторонними и иногда блестящими трудами по геометріи, анализу, теоріи чиселъ, теоріи функцій и рядовъ, теоріи вѣроятностей и теоретической механикѣ, основатели Московскаго Математическаго Общества непосредственнымъ своимъ трудомъ и вліяніемъ на своихъ ближайшихъ учениковъ вызвали въ свѣтъ рядъ изслѣдованій физической природы. Въ этихъ трудахъ разсматривались движеніе и равновѣсіе твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ тѣлъ, фигура земли, ея вращательное движеніе, вліяніе измѣненій элементовъ земного сфероида на его поверхность, строеніе и движеніе солнца и планетъ, линіи спектра и яркость небесныхъ тѣлъ, колебанія кометнаго ядра и кометныхъ хвостовъ, падающія звѣзды, земной магнитизмъ, магнитныя, электрическія, термическія и капилярныя явленія и т. д. Живая природа и человѣческая жизнь глубоко затрогивались въ изслѣдованіяхъ Московской математической школы. Эти изслѣдованія при удивительной ихъ глубинѣ не отличались количественнымъ объемомъ вслѣдствіе спеціализаціи факультетовъ; тѣмъ не менѣе математическіе методы изслѣдованія живой природы и соціальной жизни людей глубоко интересовали основателей этой школы. Достаточно напомнить труды А. Ю. Давидова по приложеніямъ теоріи вѣроятностей къ изслѣдованію явленій общественной жизни, могущіе поспорить съ блестящими страницами изслѣдованій Кетле, и труды В. Я. Цингера по ботаникѣ (по систематикѣ флоры губерній Московскаго учебнаго округа). А нашъ членъ-основатель

П. Л. Чебышевъ углубилъ и упростилъ до элементарности разработку основаній теоріи среднихъ величинъ, имѣющей очень важныя примѣненія къ изслѣдованію явленій въ области біофизики и соціальной физики, изслѣдующей моральныя закономѣрности въ области политической и общественной жизни.

9. Основатели Московскаго Математическаго Общества не были лишь учеными теоретиками, такъ какъ выступали въ роли дѣятелей различныхъ учрежденій, въ которыя они вносили духъ своего глубокого пониманія вещей и особую моральную дисциплину, поднимавшую общее серьезное солидарное дѣловое настроеніе и общій интересъ къ дѣлу. При добрыхъ отношеніяхъ къ сотрудникамъ они оставались разумно твердыми и справедливыми и неуступчивыми въ своихъ здравыхъ принципахъ. Имена А. Ю. Давидова, В. Я. Цингера, Ѳ. А. Слудскаго и Н. В. Бугаева вписаны въ исторію Московскаго университета по ихъ роли декановъ физико-математическаго факультета, просвѣщенно руководившихъ много лѣтъ практикою и административною техникою этого высшаго учено-учебнаго учрежденія, распространявшаго вокругъ себя такъ много познаній и умѣній. А. В. Лѣтниковъ нѣкоторое время управлялъ Московскимъ Техническимъ училищемъ, оставивъ въ немъ память о своей нравственной дисциплинированности. Тотъ же А. В. Лѣтниковъ, а затѣмъ Ѳ. А. Слудскій и В. Я. Цингеръ были устроителями внутренней жизни извѣстной Московской средней коммерческой школы (Александровской) и внесли въ нее духъ твердости, разумности, солидарности и дисциплины. Ѳ. А. Бредихинъ былъ реформаторомъ и руководителемъ двухъ астрономическихъ обсерваторій (Московской и Пулковской). Въ біографіяхъ основателей Московскаго Математическаго Общества найдется много указаній на практическую дѣятельность ихъ въ разныхъ другихъ учрежденіяхъ, союзахъ и обществахъ. Своими качествами людей, разумно принципіальныхъ, въ мѣру твердыхъ и въ мѣру снисходительныхъ они, такъ сказать, заражали своихъ сотрудниковъ и учениковъ, изъ числа которыхъ многіе и теперь дѣйствуютъ по ихъ примѣру, трудясь въ государственныхъ и общественныхъ

практическихъ учрежденіяхъ какъ въ качествѣ почтенныхъ рядовыхъ дѣятелей, такъ и въ роли руководителей. Московское Математическое Общество, куда основатели приносили свои наиболѣе глубокія ученыя думы и познанія для совмѣстнаго обсужденія и разработки, испытывало на себѣ этотъ благотворный практическій духъ разумнаго соединенія учености и теоретической образованности съ живымъ интересомъ и нравственною дисциплиною.

10. Разнообразныя чистыя и прикладныя математическія знанія и практическія умѣнія основателей Математическаго Общества требовали отъ нихъ не только практическаго, но и *философскаго* синтеза, безъ котораго эти познанія и умѣнія были бы лишь разрозненными обрывками. Этотъ философскій духъ, объединяющій разрозненность на основаніи строгой объективной критики, внесли въ описываемую математическую школу опять ея основатели, въ особенности же В. Я. Цингеръ и Н. В. Бугаевъ.

Философскій синтезъ познаній, опирающійся на синтезъ впечатлѣній и на врожденную способность нашего духа, называемую здравымъ смысломъ и вытекающую изъ цѣлостности духа, не долженъ, конечно, терять изъ вида значенія простыхъ элементовъ сознанія и его дѣятельности, простѣйшихъ спеціальныхъ талантовъ и спеціальныхъ познаній и навыковъ. Самое достоинство и развитіе синтеза зависитъ отъ качества и развитія этихъ простыхъ элементовъ. Отсюда вытекаетъ важное значеніе спеціализаціи и изощренія спеціальностей. Но спеціальныя знанія и умѣнія, отдѣльно взятыя, суть лишь *условно* точныя, обнимающія лишь тотъ или другой ограниченный отдѣлъ явленій вселенной,—и лишь полное *многообразіе* такихъ спеціальностей, приведенное въ координированный строй, можетъ дать гармоническое познаніе всей вселенной. Философско-математическій синтезъ долженъ имѣть въ виду это гармоническое познаніе, координированное по спеціальнымъ отдѣламъ въ правильныхъ математическихъ рамкахъ. При наличности такой координаціи возможна спеціальная работа надъ частью, не теряющая изъ вида цѣлаго, что особенно важно

для коллективнаго осуществленія общихъ цѣлей отдѣльными работниками. Задача философскаго синтеза познаній, поэтому, очень важна; но она далеко еще не закончена и встрѣчаетъ при разрѣшеніи много недоразумѣній. Взятыя изъ цѣлаго координированнаго строя, спеціальныя задачи познанія, поглощая вниманіе человѣка, необходимое для тщательнаго ихъ рѣшенія, къ сожалѣнію невольно отвлекаютъ его отъ смежныхъ областей. Въ силу этого сознаніе легко можетъ спутываться по отношенію къ тому, что лежитъ за границами его сосредоточеннаго вниманія. Даже выдающіеся мыслители могутъ впадать въ такое состояніе. Правда, эти аберраціи вниманія и мысли не слишкомъ опасны, пока соблюдена условная точность по отношенію къ рѣшенію спеціальной задачи. Строго выполняя *критическій* философскій синтезъ такихъ спеціальныхъ рѣшеній, можно бываетъ въ работѣ спеціалиста отдѣлить его аберраціи отъ ясно сознанныхъ истинъ и воспользоваться лишь положительными плодами его труда. Выполненіе такого критическаго синтеза условно точныхъ познаній однако представляетъ трудную задачу, и этой трудности нужно приписать неудачи тѣхъ философовъ, которые брались за дѣло безъ достаточной силы.

11. Такая именно неудача постигла философскую работу О. Конта. Математически координированное критическое познаніе болѣе всего не терпитъ спутанности, такъ какъ прямая цѣль этой координаціи состоитъ въ томъ, чтобы извлечь сознаніе изъ состоянія аберраціи мысли. Между тѣмъ Контъ, выполнявшій въ своей позитивной философіи синтезъ того, что было сдѣлано его предшественниками со времени Декарта, взялъ у представителей точнаго знанія, какъ Кондорсе, Даламберъ, Лапласъ и пр., ихъ аберраціи, т. е. слабыя стороны ихъ трудовъ. Синтезъ этотъ оказался въ главныхъ и существенныхъ чертахъ плохо координирующимъ познаніе вселенной, некритическимъ, спутаннымъ, стоящимъ ниже того, что было сдѣлано предшественниками Конта. Правда, воззрѣнія Конта были выше еще болѣе спутанныхъ воззрѣній Руссо, противъ которыхъ онъ справедливо боролся. Тѣмъ

не менѣе философія Конта и позитивная наука взяли подъ свое покровительство предразудки и очень сильно засаривали ими внутренній «мѣрносудящій глазъ». Философамъ-математикамъ приходилось, поэтому, считать позитивную философію Конта стоящею внѣ критики и продолжать дѣло философской и математической координаціи точныхъ спеціальныхъ знаній, имѣя въ виду тѣхъ представителей чистаго и прикладного математическаго познанія, которые не были слишкомъ сильно вовлечены въ это теченіе.

Московская философско-математическая школа старалась выполнить свою философскую работу строго критическимъ путемъ. Она выбрала не только правильную математическую теорію точнаго познанія и точнаго практическаго умѣнія, но и такую классификацію математическихъ дисциплинъ, въ которую естественно и правильно вкладываются всѣ мыслимыя дѣйствительныя и возможныя взаимоотношенія и взаимодѣйствія во вселенной, не противорѣча другъ другу по существу и по логическимъ нормамъ.

Значеніе всей совокупности задачъ и трудовъ основателей Московской математической школы лучше всего уясняется при разсмотрѣніи ихъ взглядовъ на общую міровую формулу, вытекающую изъ ихъ философско-математическаго синтеза и обнимающую различные виды закономѣрностей міровыхъ взаимоотношеній и взаимодѣйствій и, между прочимъ, выражающую съ математической стороны связь міровъ физическаго и интеллектуальнаго (духовнаго) *).

*) Эти вопросы были предметомъ моего реферата: „Логика мѣрныхъ некатегорическихъ сужденій и ея отношеніе къ мірамъ физическому и интеллектуальному (къ психологіи, аритмологіи и механикѣ соціальныхъ и міровыхъ взаимоотношеній)“, сдѣланнаго въ засѣданіяхъ Математическаго Общества 16 декабря 1903 г. и 17 февраля 1904 года и содержащаго дальнѣйшее разъясненіе вопросовъ, затронутыхъ нами въ статьѣ: „Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. (Пересмотръ основаній соціальной физики Кетле)“, которая была читана въ Математическомъ Обществѣ еще при жизни Н. В. Бугаева и въ его присутствіи, а затѣмъ напечатана была въ издаваемомъ Обществомъ журналѣ (см. „Матем. Сборникъ“, т. XXIII. Москва. 1902). Тѣ же

Мышленіе, мѣрное сужденіе и исчисленіе, между прочимъ, съ древнѣйшихъ временъ созерцательно раздвояютъ вселенную въ отношеніи характера закономѣрностей на міры *физическій* и *интеллектуальный*. Міръ интеллектуальный связанъ

вопросы обсуждались въ Психологическомъ Обществѣ и въ полемикѣ, которую мы вели съ почтенными оппонентами на страницахъ журнала: „Вопросы философіи и психологіи“ (см. книги 68, 69 и 70. Москва. 1903), гдѣ помѣщены замѣчанія и возраженія кн. *Д. Н. Цертелева*, *П. В. Преображенскаго*, *В. А. Гольцева*, *Г. Г. Аппельрота*, *Е. А. Андреева*, *П. И. Соколова* и *Б. К. Млодзѣевскаго* (кн. 68, стр. 548—559, и кн. 69, стр. 774—775) и гдѣ нами напечатаны: 1) „Тезисы къ сочиненію: „Философія и логика науки...““ и „Рѣчь о тезисахъ и задачахъ этого сочиненія“ (кн. 68, стр. 532—547), 2) „Отвѣты на замѣчанія и возражанія относительно философскихъ и логическихъ основаній соціальной физики“ (кн. 68, стр. 573—598) и 3) „Логика мудрыхъ людей и мораль. (Отвѣтъ В. Гольцеву)“ (кн. 70, стр. 902—927). Вопросами этими заинтересовались и другіе ученые авторы. Укажемъ слѣдующія статьи:

1) Проф. *Алексѣя И. Введенскаго*: „Подчинены ли проявленія человѣческой дѣятельности опредѣленнымъ законамъ?“ (Московск. Вѣдом. № 302, 2 ноября 1902 г.).

2) Проф. *С. Глаголева*: „Факторы соціальныхъ явленій“. („Вѣра и Разумъ“, № 1 за 1903 г. Харьковъ).

3) Проф. *П. Тихомирова*: „Математическій проектъ реформы соціологіи на началахъ философскаго идеализма“. („Богословскій Вѣстникъ“, № 2 за 1903 годъ. Сергіевъ-Пасадъ).

4) Проф. *Алексѣя И. Введенскаго*: „О нравственномъ міропорядкѣ. (Одна изъ назрѣвшихъ задачъ теоретическаго богословія).“ („Вѣра и Церковь“, № 1, за 1903 г. Москва).

5) А) Проф. *В. А. Алексѣева*: „Die Mathematik als Grundlage der Kritik wissenschaftlich-philosophycher Weltanschauung“. (Учен. Записки Юрьевскаго Унив. 1903).

В) „Ueber die Entwickelung des Begriffes der höheren arithmologischen Gesetzmässigkeit in Natur—und Geisteswissenschaften. Dem Gedächnis des Professors N. W. Bugajew († $\frac{29\ \text{Mai}}{11\ \text{Juni}}$ 1903) gewidmet“. (Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie und Sociologie. Leipzig. 1904. H. 1. Резюме въ Учен. Зап. Юр. Ун. 1904).

С) „Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія. Посвящается памяти знаменитаго русскаго аритмолога-философа Н. В. Бугаева“. (Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. Томъ VII. 1904).

съ міромъ физическимъ, такъ какъ интеллектъ по своей иниціативѣ можетъ направлять доступную ему физическую энергію (силу), руководясь своими *идеями* и *идеалами*. Какова эта связь? Какъ смотрятъ на эту связь представители Московской философско-математической школы въ лицѣ ея основателей и какое отношеніе ихъ взглядовъ ко взглядамъ другихъ представителей точнаго познанія?

Вопросъ о связи міровъ физическаго и интеллектуальнаго, поставленный Декартомъ въ прямое соотношеніе съ математическими принципами познанія, представляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ философіи и точнаго познанія. То или другое отношеніе къ этому вопросу, требующему для своего рѣшенія глубокаго синтеза, задѣвающаго вѣчныя основныя гипотезы о сущности матеріи и духа, характеризуетъ достоинство направленія мыслителей и научно-философскихъ школъ.

Путь, на который основатели Московскаго Математическаго Общества стали по отношенію къ этому вопросу, исходилъ, какъ мы уже сказали, изъ принциповъ Декарта. Но отъ главнаго Декартовскаго пути пошли разныя боковыя дороги, ведшія къ разнымъ заблужденіямъ, переплетавшіяся между собою и вліявшія неблагопріятно на магистральную вѣтвь. Спинозизмъ въ философіи самого основателя и послѣдователей этого крупнаго теченія, развивавшаго Декартовскую философскую традицію, примѣняя лишь аналитическій и геометрическо-аналитическій методъ, вытѣснилъ принципы истинной свободы и оставилъ міру только одну фатальную необходимость или психомеханизацію. Свободныя взаимоотношенія духовно-разумныхъ существъ, ихъ творческая разумная иниціатива и ихъ нравственная за нее отвѣтственность стали трактоваться многими философами, какъ иллюзія, какъ преходящее недоразумѣніе, зависящее, будто бы, лишь отъ несовершенства нашего знанія и противорѣчащее самой сущности познаваемаго и даже опыту соціальной жизни. Знаменитые философы, психологи, естествоиспытатели, соціологи и математики часто отдавали и теперь отдаютъ ту

или другую дань увлеченія этому заблужденію, корни котораго можно найти и въ заблужденіяхъ болѣе древней философіи. Эти взгляды по своимъ практическимъ результатамъ не отличались ни отъ греко-римскаго фатализма, ни отъ абсолютизма магометанскаго (арабскаго) научно-религіознаго міровоззрѣнія.

Однако главное теченіе, идущее отъ Декартовской традиціи, не впадало безусловно въ эти заблужденія и не теряло изъ вида истинной формулы связи физическаго и интеллектуальнаго міровъ. Паскаль, Ферматъ, Лейбницъ, Бейзъ (Bayes), Бернулли, Зюссмильхъ, Бюффонъ, Кондорсе, Лапласъ, Кювье, Кетле и многіе другіе философы-математики и естествоиспытатели, развивавшіе исчисленіе безконечно малыхъ и конечныхъ разностей, механику, теорію чиселъ, біофизику и соціалфизику, шли въ главныхъ чертахъ по болѣе широкому Декартовскому пути. Изучая аналитическую закономѣрность, связанную съ условіями физической и психофизической необходимости, они вмѣстѣ съ тѣмъ ясно понимали другую закономѣрность, а именно морально-ариѳметическую, относящуюся къ области *мѣрной* свободы, къ области творчества, нормируемаго и координируемаго посредствомъ нравовъ, привычекъ, обычаевъ, права, обязанности и долга.

12. Основатели Московскаго Математическаго Общества, касавшіеся философскихъ сторонъ изучаемыхъ при помощи метематики проблемъ, держались этого послѣдняго широкаго направленія и содѣйствовали разъясненію въ немъ многихъ весьма важныхъ вопросовъ. Оцѣнивая значеніе необходимости, они отстаивали и свободу духа, но подчиняли ее *мѣрности*, заключенной въ самомъ мышленіи и въ чувствѣ, не уничтожающей автономіи духа сплошною психомеханизаціей и не подавляющей слѣпымъ произволомъ уравновѣшенности или гармоніи нравственныхъ взаимоотношеній.

Раздѣленіе вещей по родамъ и видамъ, ихъ *обособленное* (отдѣльное, неслитное) бытіе и свойства и, съ другой стороны, ихъ *объединеніе* (связь, нераздѣльность) во взаимодѣйствіяхъ и взаимоотношеніяхъ,— однимъ словомъ — вся *психологія* и

вся *механика* міровыхъ фатальныхъ и автономныхъ взаимоотношеній и взаимодѣйствій подчинены той мѣрности, для изученія которой предлагается широкая математическая рама (схема, форма), состоящая изъ гармоническаго сліянія двухъ существенно различныхъ и одинаково важныхъ частей математики: 1) анализа *непрерывныхъ* измѣненій и 2) аритмологіи (теоріи чиселъ), какъ особаго анализа *прерывныхъ* измѣненій. Эти двѣ части математики дополняются третьею математическою дисциплиною, которую называютъ теоріей *вѣроятностей* и которую я предложилъ бы называть *всеобщею* точною логикою или, полнѣе, психоаритмологическою логикою *мѣрныхъ* (категорическихъ и некатегорическихъ) *сужденій* и *мѣрныхъ* (категорическихъ и некатегорическихъ) *ожиданій* (оцѣнокъ ожидаемыхъ и желаемыхъ или нежелаемыхъ вещей и явленій).

Въ эту философско-математическую схему, предполагающую личныхъ живыхъ носителей мѣрилъ, вооруженныхъ не только внѣшнимъ, но и внутреннимъ измѣряющимъ глазомъ, свободно укладывается вся мыслимая *конкретная* закономѣрность міровыхъ взаимоотношеній и взаимодѣйствій, построенная по закону достаточныхъ аналитическихъ и аритмологическихъ основаній. Элементы этой математической схемы, охватывающей физическія и моральныя явленія, вложены у каждаго въ его мыслящемъ сознаніи, въ его чувствѣ мѣры и въ его волѣ.

Аритмологіи (теорій прерывныхъ функціи и чиселъ), надъ которою трудился Николай Васильевичъ, и теоріи вѣроятностей, которую вмѣстѣ съ приложеніями развивали А. Ю. Давидовъ, П. Л. Чебышевъ и В. Я. Цингеръ, приходится играть большую роль въ математическомъ выраженіи гармонической закономѣрности. Роль эта проходитъ чрезъ всѣ фазисы исторіи точнаго познанія, и важное значеніе ея, глубоко оцѣненное въ трудахъ Московской математической школы, заставляетъ меня особенно остановиться на этомъ вопросѣ.

Въ отдѣленіи аритмологіи отъ анализа положено истинное начало строгой философско-математической классификаціи.

Детальное развитіе этой классификаціи принадлежитъ живой расцѣнивающей логикѣ, здравому смыслу, опыту и разумной волѣ. Эта детальная классификація, ведущая къ выясненію всего міроваго *многообразія* отдѣловъ и царствъ природы и духа, вырабатывается философіей и наукою подъ условіями охватить по возможности всѣ подвижныя различія и оттѣнки этого живого многообразія. Поэтому детальная научно-философская классификація должна быть дана въ живыхъ теоретическихъ и практическихъ подраздѣленіяхъ, выработанныхъ подъ вліяніемъ исторіи познанія и хода обстоятельствъ и имѣющихъ измѣняться въ будущемъ по законамъ мысли и воли; эта детальная классификація не должна быть предлагаема въ какой либо чрезмѣрно категорической, абсолютно закрѣпленной формѣ, кристаллизовавшейся, напримѣръ, такъ, какъ это сдѣлала Аристотелевская, а въ наше время позитивная детальная классификація. Вмѣсто общей тѣсно закрѣпленной классификаціи, равносильной психомеханизаціи, нужна нѣкоторая твердая аналитическая основа, на которой должна быть возведена живая аритмологическая классификація и координація, подобная кинематической и оставляющая мѣсто для воли и для этическихъ началъ. Колебанія и смѣна въ жизненномъ теченіи идей, идеаловъ, цѣлей и т. д. не гармонируютъ съ крайнею категоричностью детальной научнофилософской классификаціи, требуютъ нѣкоторой доли некатегоричности и не допускаютъ мысли, чтобы истинная философія и наука взяли на себя смѣлость объявить свою непогрѣшимость въ этомъ отношеніи, исключающую необходимость въ вѣроятностяхъ, въ чаяніяхъ и ожиданіяхъ непредвидѣннаго.

13. Интересно прослѣдить, какъ при этихъ основахъ истинной классификаціи устанавливается измѣненіе прежнихъ взглядовъ на связь міровъ физическаго и интеллектуальнаго,— взглядовъ, важное значеніе которыхъ для оцѣнки философско-математическихъ направленій мы уже отмѣтили выше. Мы будемъ имѣть въ виду воззрѣнія тѣхъ крупнѣйшихъ философовъ-математиковъ, которые не впадали, подобно Аристотелю и Спинозѣ, въ крайнюю психомеханизацію.

Паскалю и Фермату принадлежитъ, такъ сказать, первый ясно выраженный философско-математическій протестъ противъ психомеханизаціи. Документомъ этого протеста являются основанныя ими строгія математическія начала теорій вѣроятностей и чиселъ. Но мѣсто этихъ важныхъ математическихъ элементовъ познанія связи міровъ физическаго и интеллектуальнаго не было указано вполнѣ ясно до настоящаго времени и, хотя по этому вопросу многое было уже намѣчено и предрѣшено, однако здѣсь почти у всѣхъ строителей философско-математическаго и научно-прикладного синтеза встрѣчаются болѣе или менѣе важныя недоразумѣнія.

Лейбницъ предложилъ для выраженія связи этихъ міровъ особое объясненіе, въ основу котораго положена имъ гипотеза о предустановленной гармоніи. Эта гармонія не была *категорически* предустановленною или психомеханическою, такъ какъ Лейбницъ допускалъ свободу воли монадъ, ими самими мотивируемую. Но глубокая мысль Лейбница была не чужда многихъ неясностей, оставленныхъ въ наслѣдство послѣдующимъ философамъ-математикамъ. Лапласъ выразилъ эту связь болѣе ясно и опредѣленно. Онъ разсматривалъ Психологію на границѣ ея съ Физіологіей, относя психологическіе процессы къ жизни особаго *сѣдалища мысли* или *чувствилища*, которое не только сознаетъ, мыслитъ и чувствуетъ, но и *физически* вибрируетъ, взаимодѣйствуя съ окружающимъ міромъ и распоряжаясь мыслемѣрно физическою энергіей *). Психи-

*) Лапласъ выражается такъ: „На границѣ видимой Физіологіи начинается другая Физіологія, явленія которой, гораздо болѣе разнообразныя сравнительно съ явленіями первой, подобно имъ подчинены законамъ, которые чрезвычайно важно знать. Эта физіологія, которую мы называемъ Психологіей, есть несомнѣнно продолженіе видимой физіологіи. Нервы, волокна которыхъ теряются въ мозговой субстанціи головного мозга, проводятъ туда впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ, и оставляютъ тамъ постоянныя впечатлѣнія, которыя видоизмѣняютъ неизвѣстнымъ образомъ *чувствилище* или сѣдалище мысли. Чувства *внѣшнія* не могутъ ничего раскрыть относительно природы этихъ видоизмѣненій, удивительныхъ по безконечному разнообразію и по различію и порядку, которые они сохраняютъ въ маломъ пространствѣ, ихъ заключающемъ,—видо-

ческіе и механическіе процессы объединяются въ этомъ сѣдалищѣ мысли, какъ въ одномъ цѣломъ. Но и послѣ этого Лапласовскаго понятія о взаимодѣйствіи міровъ физическаго и интелликтуальнаго оставались большія неясности и недоразумѣнія въ разъясненіи математическаго характера этого психическаго и механическаго объединенія. Лапласъ недостаточно ясно и не безъ противорѣчій съ самимъ собою выдвинулъ въ своихъ принципахъ психологіи *прерывность*, т. е. *аритмологическій* элементъ, свойственный психологическимъ функціямъ.

Такъ какъ интеллекту принадлежитъ способность дѣлать въ своемъ теченіи мыслей перерывы, скачки и переходы, ведущіе къ мысленному сближенію отдаленныхъ вещей, къ раздѣленію близкихъ вещей и къ почину или творчеству, которое является результатомъ этой гибкости мысли; то объединеніе психическихъ и механическихъ элементовъ въ жизни чувствилища нельзя считать вообще лишь за непрерывно дѣйствующій *психомеханизмъ*; это сліяніе образуетъ *психо-аритмо-механизмъ*, въ которомъ заключены важныя особенности. Психо-аритмо-механизмъ функціонируетъ по другимъ законамъ исчисленія, нежели механизмъ и психо-механизмъ. *Прерывность* и *инициатива* психо-аритмо-механическаго дви-

---

измѣненій, о которыхъ нѣкоторое понятіе даютъ столь разнообразныя свѣтовыя и электрическія явленія. Но примѣняя къ наблюденіямъ *внутренняго* чувства, которое одно только можетъ ихъ замѣтить, тотъ методъ, который употребляли при наблюденіяхъ внѣшнихъ чувствъ, можно будетъ внести въ теорію человѣческаго разумѣнія такую же точность, какъ и въ другіе отдѣлы натуральной философіи“ (*Laplace*, „Théorie analytique des probabilités“. Introduction, p. CXIII. 3-ème édit. Paris. 1820). Здѣсь же Лапласъ въ сжатомъ очеркѣ намѣчаетъ принципы, обнимающіе синтезъ зрительныхъ ощущеній съ осязательными (этотъ синтезъ Лапласъ пріурочиваетъ къ чуствилищу и называетъ его *вторымъ изображеніемъ* видимаго предмета, отличнымъ отъ перваго изображенія, получающагося на сѣтчаткѣ глаза) и вообще синтезъ внѣшнихъ впечатлѣній съ внутреннею жизнію чувствилища, съ основаніями его дѣйствія, т. е. съ активнымъ вліяніемъ смѣны идей, представленій, иллюзій, галлюцинацій, привычекъ, страстей, вѣрованій и т. д.

женія чувствилища или сѣдалища мысли для своего изученія требуютъ исчисленія, которое называется *аритмологическимъ*. Въ этомъ интеллектуальномъ существѣ (сѣдалищѣ мысли) мышленіе и дѣйствіе восполняютъ другъ друга, привходя одно въ другое, представляя собою то дѣятельное познаніе, то сознательное дѣйствіе. Но этотъ живой аритмологизмъ (психоаритмологизмъ) существуетъ на почвѣ длящейся *непрерывности* бытія мыслящаго «я», что порождаетъ необходимость примѣнять одновременно къ изслѣдованію жизни этого существа принципы и *аналитическаго* исчисленія, обнимающаго *механику*.

Многія психическія функціи прерывны. Сонъ и бодрствованіе, вниманіе и невниманіе, забвеніе и вспоминаніе, неожиданные скачки въ ассоціаціяхъ и перцепціяхъ, колебанія мысли, сердца и воли между «да» и «нѣтъ»—все это во многихъ случаяхъ относится къ области чувствуемыхъ внутреннимъ наблюденіемъ и одновременно сознаваемыхъ фактовъ прерывности психическихъ функцій. Ощущеніе и чистое сознаніе (созерцаніе) этихъ фактовъ идутъ параллельно. Упражненіе и привычка измѣняютъ отношеніе чистаго сознанія къ ощущенію этихъ фактовъ. При первыхъ психоаритмологическихъ шагахъ и урокахъ напряженіе ощущенія бываетъ рѣзкимъ, вызывающимъ иногда психическую и физіологическую боль. Но отъ упражненія сила ощущенія ослабѣваетъ при сохраненіи сознанія. Важны опыты постепеннаго, по мѣрѣ упражненія, погасанія усилій ощущенія при сохраненіи ясности чистого сознанія. Многіе изъ прерывно-ритмическихъ психическихъ процессовъ чувствилища сознательнымъ упражненіемъ могутъ переходить изъ медленныхъ въ быстрыя (какъ смѣнное перенесеніе вниманія съ одной буквы на другую при чтеніи или письмѣ) и могутъ переходить даже въ нечувствительный, какъ бы автоматическій процессъ психики, лежащій у порога ощущенія, но находящійся однако въ полномъ обладаніи сознанія, могущаго его по произволу прервать, возобновить, усилить. Этотъ процессъ въ предѣлѣ является процессомъ почти чистаго сознанія, отрѣшеннаго отъ процесса ощущенія и

неправильно относимаго къ области безсознательнаго (сенсуалистами, смѣшивающими прекращеніе ощущенія съ прекращеніемъ сознанія). Но быстрый прерывный процессъ и въ этой предѣльной стадіи является сознательнымъ и притомъ не психомеханическимъ, а психоаритмологическимъ. Перейдемъ теперь отъ жизни обособленнаго чувствилища и его чистаго сознанія къ міровой жизни.

Такъ какъ въ основныхъ свойствахъ чувствилищъ объединены не только аналитическія (психо-механическія), но и психо-аритмологическія свойства и такъ какъ, съ другой стороны, личныя и предметныя *обособленія* ведутъ опять къ *прерывности* и къ аритмологическому счету, а чисто физическій процессъ природы опредѣляется механическими законами, принадлежащими къ аналитическимъ, непрерывно дѣйствующимъ въ пространствѣ и времени, то *всѣ міровыя взаимоотношенія и взаимодѣйствія* съ математической ихъ стороны *сводятся къ психологіи, психоаритмологіи (всеобщей логикѣ), аритмологіи и анализу (механикѣ)*.

Въ каждомъ одушевленномъ пунктѣ вселенной психо-аритмомеханическій процессъ течетъ лишь психомеханически, пока интеллектуальный субъектъ своими либо сознательно-чувствительными, или же сознательными, но нечувствительными оттѣнками движенія чувствилища не измѣнитъ психомеханическаго хода вещей въ психоаритмологическій, прервавъ прежнее направленіе и избравъ новое по своей иниціативѣ.

Если всѣ факторы индивидуальной, соціальной и міровой гармоніи, отъ которыхъ зависятъ соотвѣтствующія взаимоотношенія и взаимодѣйствія, оказываются психо-аритмо-механическими, то и самый методъ познанія соціальныхъ и міровыхъ закономѣрностей долженъ быть психо-аритмо-механическимъ, т. е. основаннымъ на психологіи, всеобщей логикѣ и математикѣ въ ея обѣихъ самостоятельныхъ частяхъ, называемыхъ анализомъ (включающимъ механику) и аритмологіей.

14. Физическій аритмологизмъ еще возможно подводить подъ механическія нормы, какъ это дѣлаютъ въ теоріи газовъ. Психоаритмологизмъ, есть живой артимологизмъ, неподдающійся механическимъ нормамъ, т. е. математическому анализу. Все

мѣрносвободное связано такъ или иначе съ психоаритмологическимъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать роли такихъ взаимодѣйствій и взаимоотношеній, которыя, подобно впечатлѣнію кажущейся сплошной непрерывности физическаго тѣла, состоящаго однако, по мнѣнію физиковъ и химиковъ, изъ отдѣльныхъ молекулъ и атомовъ, лишь *кажутся* непрерывными или сплошными; а на самомъ дѣлѣ являются прерывными. Такую прерывность, переходящую за предѣлы нашей чувствительности, будемъ называть *предѣльнымъ аритмологизмомъ*.

Принципъ предѣльнаго аритмологизма лишь при допущеніи погрѣшности, иногда почти исчезающей, сближаетъ прерывное съ непрерывнымъ, аналитическое съ аритмологическимъ. Прерывное и непрерывное, какъ два начала, существующія совмѣстно въ бытіи и свойствахъ вещей, во многомъ рѣзко различны и въ этой предѣльной стадіи.

Вершины, напримѣръ, правильнаго n—угольника, вписаннаго въ кругъ, въ предѣлѣ при возрастаніи n до безконечности почти сплошь покроютъ окружность круга, и для глаза будетъ казаться, что этотъ прерывный рядъ вершинъ покрываетъ непрерывно всю окружность круга. Однако, по существу этотъ рядъ вершинъ останется даже и въ предѣлѣ прерывнымъ. Правда, математическая фикція, разсматривающая прерывныя функціи, измѣняющіяся при переходѣ отъ вершины къ вершинѣ скачками (дифференціалами), какъ непрерывныя, во многихъ вопросахъ приводитъ иногда, въ первыхъ дифференціаціяхъ, къ вѣрнымъ результатамъ и бываетъ годна для полученія предѣльноаритмологическихъ выводовъ аналитическимъ путемъ. Но при болѣе высокихъ и тонкихъ дифференціаціяхъ обнаруживается въ подобныхъ случаяхъ несостоятельность смѣшенія предѣльной аритмологіи съ анализомъ непрерывныхъ измѣненій.

Время, три измѣренія пространства, вѣроятность и всѣ другія оцѣнки чистаго сознанія, имѣющія свой длительный размахъ, поставляемый сознаніемъ въ опредѣленныя границы (для времени отъ $-\infty$ до $+\infty$, для вѣроятности отъ 0 или невозможности до 1 или достовѣрности и т. д.), могутъ быть

подраздѣлены соотвѣтсвующими пунктуаціями, которыя въ ощущеніи раздѣльно чувствуются лишь до извѣстныхъ предѣловъ близости намѣченныхъ пунктовъ. За этими предѣлами пунктуаціи сливаются для ощущенія какъ бы въ непрерывныя цѣпи, но понимаются какъ прерывные предѣльно-аритмологическіе ряды въ чистомъ сознаніи.

Въ атомистическихъ теоріяхъ физики и химіи, въ монадологическихъ теоріяхъ одушевленнаго міра, въ ходѣ сужденій и мысли (въ чистомъ сознаніи), въ вибраціонныхъ движеніяхъ чувствилищъ (сѣдалищъ мысли и чистаго сознанія) могутъ быть эти достойные вниманія ученыхъ и философовъ случаи, въ которыхъ имѣютъ мѣсто тонкіе оттѣнки, обнимающіе различныя предѣльныя сближенія непрерывнаго (аналитическаго) съ прерывнымъ (аритмологическимъ) и дающія основанія богатымъ теоріямъ аритмологическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ почти аналитическаго характера. Математика, развитая въ своемъ анализѣ, помогающемъ аритмологіи, представляетъ много особыхъ средствъ для глубокихъ и совершенно отрѣшенныхъ отъ ощущенія созерцаній и для вывода предѣльно-аритмологическихъ закономѣрностей, расположенныхъ въ пограничной съ анализомъ области. Этими средствами созданы отдѣлы математики, которые извѣстны подъ названіями: ученій объ исчезающихъ величинахъ, асимптотическихъ вычисленій, теорій функцій весьма большихъ чиселъ и исчисленія вѣроятностей массовыхъ явленій. Эти отдѣлы можно назвать предѣльноаритмологическимъ исчисленіемъ *), имѣющимъ разнообразныя примѣненія и являющимся однимъ изъ важныхъ документовъ того, что математическое мышленіе способно переходить въ опытъ чистаго сознанія, дѣйствующаго на чувства изъ своей внутренней области,—опытъ, существенно отличный отъ сенсуалистическаго опыта, связаннаго съ физіологическою организаціей человѣка.

*) Вопросы о предѣльной аритмологіи живо интересовали Н. В. Бугаева, и объ этихъ его интересахъ остались у меня незабвенныя личныя воспоминанія. На собственномъ моемъ диспутѣ Николай Васильевичъ, какъ мой оппонентъ и снисходительный учитель, обратился ко мнѣ съ

Въ числѣ этихъ примѣненій важное мѣсто занимаютъ тѣ, которыя относятся къ выраженію нѣкоторыхъ жизненныхъ механикоподобныхъ закономѣрностей. Закономѣрности эти обнимаютъ психологическія явленія, кои Лейбницъ и Лапласъ подводятъ подъ принципъ *нечувствительныхъ оттѣнковъ*, имѣющій мѣсто въ области *волевыхъ* явленій и *эмоцій*, въ непрерывныхъ, повидимому, движеніяхъ, вызываемыхъ идеями, мыслями, волею и душевными чувствованіями. Сознаніе и воля, являясь функціями душевной жизни, могутъ при помощи этихъ предѣльно аритмологическихъ закономѣрностей управлять движеніемъ душевнаго строя въ жизни чувствилища и руководить движеніемъ частей нашего тѣла. Дѣйствія эти часто происходятъ какъ бы непрерывно, а между тѣмъ воля можетъ прервать ихъ во всякій моментъ или дать имъ другое по цѣлямъ направленіе. Этимъ и обнаруживаются предѣльноаритмологическія свойства этой психофизіологической дѣятельности, когда она кажется непрерывной, какъ-бы аналитической. Эти акты истинный критическій раціонализмъ относитъ къ области чистаго сознанія, которое дѣйствуетъ въ привычкахъ, дисциплинахъ и нравахъ какъ простыхъ и дикихъ, такъ и развитыхъ и образованныхъ людей. Микроскопы анатома, гистолога, физіолога и бактеріолога не могутъ проникнуть въ предѣлы этой области, а тѣмъ болѣе раскрыть природу процессовъ чистаго сознанія. Эта обширная и интересная область психики всегда будетъ принадлежать исключительному вѣдѣнію созерцающаго и мѣрносудящаго математика, психолога, философа и моралиста.

Въ *логическихъ* категорическихъ сужденіяхъ теоріи вѣроят-

вдохновенной рѣчью о необходимости изучать аритмологическія и предѣльноаритмологическія явленія и развивать соотвѣтствующія части математики. Эта рѣчь Николая Васильевича осталась, вѣроятно, въ памяти присутствовавшихъ. Лично на меня и на мою дальнѣйшую математическую работу она имѣла большое дѣйствіе.

Къ области предѣльной аритмологіи относятся важнѣйшія части моихъ изслѣдованій: 1) „Исчисленіе приближенныхъ выраженій функцій весьма большихъ чиселъ“ (Мат. Сборн., т. XXI) и 2) „Новыя основанія ученія о вѣроятностяхъ суммъ и среднихъ величинъ“ (Ibidem, т. XXI—XXIII).

постей и статистики различаются, съ одной стороны, *абсолютныя* достовѣрности и, съ другой стороны, *нравственныя* достовѣрности, входящія какъ элементъ въ психологію вѣры. Тѣ и другія достовѣрности отличаются другъ отъ друга нечувствительно. Во всѣ некатегорическія статистическія различія классовъ и оцѣнокъ логики мѣрныхъ сужденій и мѣрныхъ ожиданій также могутъ входить нечувствительныя для судящаго ума предѣльно-аритмологическія разницы, принадлежащія лишь оцѣнкамъ чистаго сознанія.

Въ дѣйствительной массовой жизни соціальныхъ организмовъ, какъ въ объединенномъ цѣломъ, существуетъ коллективное соціальное сознаніе (политическій логосъ) и дѣйствуетъ его психо-аритмо-механика. Въ этой дѣятельности могутъ происходить предѣльные аритмологическіе процессы, къ которымъ примѣняются вышеупомянутые пріемы исчисленія, обнаруживающаго соотвѣтствующія соціальныя закономѣрности, кажущіяся для соціальнаго сознанія какъ бы непрерывными или аналитическими. Дѣйствіе соціальнаго суверреннаго сознанія на соціальный организмъ можетъ по этимъ законамъ направлять его жизнь къ опредѣленнымъ цѣлямъ.

Вниманіе, распоряженіе которымъ находится во власти чистаго сознанія, можетъ до нѣкоторыхъ предѣловъ расширять область чувственнаго воспріятія. Чувство подъ вліяніемъ вниманія можетъ замѣтить то, что отъ него ускользало.

Границы жизни чистаго сознанія, дѣйствующаго нечувствительнымъ процессомъ, зависятъ отъ личныхъ свойствъ. Психоаритмологическій скачекъ, являющійся весьма чувствительнымъ для сознанія одной личности, можетъ быть для другого лица, совершающаго точно такой же скачекъ, почти нечувствительнымъ. Предѣльноаритмологическій процессъ для одного субъекта можетъ быть непредѣльноаритмологическимъ для другого. Соціальная песчинка, которую представляетъ собою человѣкъ въ государствѣ, можетъ переживать свою живо ощущаемую видимую бурю, которая въ то же время можетъ исчезать въ сознательной жизни цѣлаго государства.

Границы области доступнаго ощущенію зависятъ еще отъ

близости ощущаемыхъ объектовъ къ субъекту. Дальнее принадлежитъ сферѣ, въ которую ощущеніе часто не можетъ простираться и о которой можетъ мыслить лишь чистое сознаніе. Мысль астронома можетъ, напримѣръ, уноситься далеко за предѣлы не только солнечной системы, но и видимыхъ звѣздъ.

Сфера примѣненія предѣльнаго аритмологизма и предѣльнаго психоаритмологизма съ ея глубокими, недоступными ощущенію, но доступными чистому сознанію явленіями не исключаетъ существованія во многихъ міровыхъ отношеніяхъ и взаимодѣйствіяхъ также и непредѣльнаго аритмологизма, обнимающаго разныя міровыя коллизіи, пертурбаціи, катастрофы и перевороты, создаваемыя интеллектуальными вліяніями. Эти непредѣльные аритмологическіе процессы возможны въ жизни какъ индивидуальной, такъ и соціальной. Реформаторамъ соціальной жизни приходится всегда считаться съ аритмологизмомъ, дѣлая выборъ между предѣльно аритмологическою реформою и реформою непредѣльно аритмологическою. Выборъ этотъ иногда зависитъ вполнѣ отъ воли реформаторовъ, и одни изъ нихъ предпочитаютъ совершать реформы предѣльно-аритмологическимъ путемъ, постепенно и почти непрерывно ведущимъ къ цѣлямъ намѣченнаго прогресса, хотя и медленнаго, но зато достигаемаго безъ жертвъ, потрясеній и съ соблюденіемъ полной экономіи всѣхъ общественныхъ силъ; другіе же реформаторы, не обладая терпѣніемъ и желая съ возможною быстротой достигнуть намѣченной ими цѣли, не мирятся съ предѣльноаритмологическою закономѣрностью и избираютъ путь крупныхъ переворотовъ, преодолѣвая время, пространство, матеріальныя препятствія и сопротивленіе чувства и воли, не скупясь на жертвы, и пріобрѣтаютъ славу великихъ людей, если благія цѣли ихъ бываютъ достигнуты.

15. Итакъ, общая міровая формула, выражающая закономѣрности вселенной, должна быть психо-аритмо-механическою. Мы хотимъ теперь, слѣдуя урокамъ Николая Васильевича, показать, что этой формулѣ міровыхъ закономѣрностей свойственна *мѣрная неопредѣленность*, которая даетъ просторъ автономіямъ

разумныхъ существъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ развитія психики.

Чтобы усмотрѣть мѣрныя неопредѣленности, присущія психо-аритмо-механической формулѣ закономѣрности вселенной, необходимо имѣть въ виду такъ называемые *обратные* математическіе процессы, которые помогаютъ открыть эти особенности. Въ числѣ такихъ взаимно обратныхъ математическихъ процессовъ *широкое* значеніе имѣютъ *дифференціальный* процессъ, съ одной стороны, и *интегральный* процессъ, съ другой, и эти-то два взаимнообратныхъ процесса, проникающіе во всѣ глубочайшія детали и во всѣ широчайшія суммарныя области міроустройства, связаны одинъ съ другимъ, какъ сейчасъ увидимъ, именно мѣрною неопредѣленностію. *Измѣненія* данныхъ функцій, какъ аналитическихъ (непрерывныхъ), такъ и аритмологическихъ (прерывныхъ), оцѣниваются ихъ послѣдовательными *приростами*, называемыми *дифференціалами*. Наоборотъ, по даннымъ диффиренціаламъ можно судить о самихъ функціяхъ, и это обратное математическое сужденіе составляетъ *интеграцію*. Каковы эти интегральныя функціи? При совершенно опредѣленныхъ дифференціалахъ прерывныхъ и непрерывныхъ функцій интеграціи приводятъ къ такъ называемымъ *произвольнымъ постояннымъ*, а въ болѣе сложныхъ случаяхъ къ *произвольнымъ функціямъ*. Въ чисто механическомъ и даже въ психомеханическомъ процессѣ эти произвольныя количества исключаются (устраняются) посредствомъ нѣсколькихъ наблюденій (à posteriori) и при помощи начальныхъ данныхъ (à priori). Но въ психо-аритмо-механическомъ процессѣ эти неопредѣленныя количества, въ силу ихъ зависимости отъ интеллектуальныхъ автономныхъ факторовъ, *не разрѣшаются вполнѣ никакимъ числомъ наблюденій и начальныхъ данныхъ:* эмпиріи и апріоріи здѣсь уже недостаточно. Эти произвольныя количества остаются, такъ сказать, по существу произвольными (въ смыслѣ различныхъ ожиданій и различныхъ возможностей для воли распорядиться ими по усмотрѣнію), т. е. сохраняютъ такую неопредѣленность, которая зависитъ отъ индивидуальной и коллективной *свободной воли*, ру-

ководящейся тѣми или другими иниціативами, цѣлями и мотивами. Неопредѣленности этого рода суть возможности для воли, и воля, индивидуальная или коллективная, какъ факторъ даннаго процесса, можетъ выборомъ своимъ автономно разрѣшать эти неопредѣленности, пользуясь своею способностію превращать *возможное* въ *состоявшееся* и дѣлая свой выборъ по *закону достаточнаго основанія*, т. е. на основаніи *мотивацій*, слагающейся изъ категорическихъ и некатегорическихъ данныхъ, коими располагаетъ мотивирующая мѣрносвободная мысль.

Въ психо-аритмо-механической вселенной логическая форма сужденія о мѣрно-неопредѣленныхъ вещахъ есть лишь *гипотеза* (предпосылка, предположеніе, ожиданіе, теорія) познающаго, покрываемая соотвѣтствующими мѣрными некатегорическими сужденіями: вѣроятностями и оцѣнками ожиданій; а дѣйствующій логосъ, руководясь мотивами, можетъ вліять на эту неопредѣленность еще и зависящими отъ его разума и воли соглашеніями, просьбами, доказательствами, убѣжденіями совѣсти, предувѣдомленіями, страхомъ, угрозами, силою и разными активными цѣлесообразными средствами, способными внутреннимъ и внѣшнимъ импульсомъ измѣнять сравнительную оцѣнку и вѣсъ вещей и самыя достовѣрности и вѣроятности осуществленія тѣхъ или другихъ гипотезъ и направлять къ даннымъ настроеніямъ и цѣлямъ дѣйствующіе факторы.

16. Изучать категорически детерминированный (физическій и психомеханическій) міръ, конечно, легче, нежели изучать этотъ некатегорически детерминированный или мѣрнонеопредѣленный міръ. Въ самыхъ глубокихъ произведеніяхъ, относящихся къ изученію этого міра, можно, какъ сказано выше, найти у европейскихъ и русскихъ мыслителей отдѣльныя неудачныя положенія. Такъ, Лапласъ въ своемъ знаменитомъ философскомъ введеніи въ теорію вѣроятностей высказалъ среди глубокихъ разсужденій о связи міровъ физическаго и интеллектуальнаго одно неудачное и притомъ общее опредѣленіе міровыхъ взаимоотношеній, выраженное въ слѣдующей знаменитой фразѣ: «Разумъ, постигшій въ опредѣленное время всѣ силы, одушевляющія природу, взаимныя отношенія всѣхъ существъ,

наполняющихъ ее, если бы онъ сверхъ того былъ достаточно громаденъ, чтобы обнять эти данныя анализомъ, заключилъ бы въ одной формулѣ и законы движенія вселенной, и полетъ легчайшей пылинки; для этого высшаго разумѣнія не существовало бы ничего неизвѣстнаго, и какъ будущее, такъ и прошедшее было бы открыто предъ его очами». Положеніе это противорѣчитъ автономнымъ проявленіямъ, происходящимъ подъ дѣйствіемъ свободной воли духовно-разумныхъ существъ. Оно при допущенной Лапласомъ свободѣ воли есть очевидный промахъ Лапласа, воспроизведенный, къ сожалѣнію, въ прекрасной книгѣ В. Я. Буняковскаго по теоріи вѣроятностей, но исправленный отчасти Кетле *), а главнымъ образомъ Московскою философско-математическою школою. Въ этой фразѣ Лапласъ и Буняковскій, противорѣча самимъ себѣ, какъ стоящимъ на почвѣ аритмологическаго мышленія, отдали дань увлеченія аналитическому мышленію, которымъ они владѣли также съ великимъ мастерствомъ. Всепроникающій разумъ здѣсь низведенъ до Бога абсолютистовъ, какими являются Магометъ и Спиноза. Высшій разумъ, обладающій могучею энергіей и волею, не нуждается для разумнѣйшаго веденія мірового хозяйства въ такомъ дѣйствіи, которое *пожираетъ* свободную волю прочихъ обособленныхъ интеллектовъ. Возможность такого абсолютизма Божества слѣдуетъ принять лишь за мѣру Его могущества, равнаго всемогуществу, но не за мѣру Его премудрости и благости.

Лапласъ, Кетле и Буняковскій, имѣвшіе въ своихъ трактатахъ по теоріи вѣроятностей главнымъ и прямымъ объектомъ изслѣдованія моральныя и вообще психоаритмологическія оцѣнки, по всей справедливости вовсе не могутъ быть относимы къ детерминистамъ-психомеханикамъ. Свободу воли они при-

*) О соотвѣтствующихъ взглядахъ Лапласа и Кетле, допускавшихъ свободу воли, сдѣланы разъясненія на стр. 74—75 нашей монографіи: „Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности“ (Мат. Сборн., т. XXIII. 1902), а также въ нашей полемикѣ, напечатанной въ журналѣ: „Вопросы философіи и психологіи“ (кн. 68 и 70).

знаютъ, и мотивація, которой подчиняютъ они эту волю и изъ-за которой Шопенгауэръ и другіе считаютъ эту свободу за несвободу, сама слагается изъ некатегорическихъ, мѣрносвободныхъ сужденій. Свободная воля, такъ же какъ и ея мотивація, есть все та же мѣрносвободная мысль, но только активная. Туды Кетле, эмпирически изслѣдующаго закономѣрности моральныхъ явленій, разсматриваютъ эти закономѣрности не какъ психомеханическія, а какъ психоаритмологическія, обнаруживая мѣрность въ произвольныхъ автономныхъ дѣйствіяхъ, въ совмѣстимыхъ моральныхъ *противорѣчіяхъ* дѣйствій индивидуальной и коллективной воли.

Моральныя оцѣнки (нравственныя *ожиданія*), развитыя съ особенною тщательностію В. Я. Буняковскимъ, шедшимъ по слѣдамъ Д. Бернулли и Бюффона, открываютъ широкое поле *произвола* (въ смыслѣ различныхъ теоретическихъ возможностей) въ этой области для мѣрно судящаго разума и для мыслемѣрно дѣйствующей воли. Произволъ этотъ виденъ изъ самаго состава избранныхъ В. Я. Буняковскимъ общихъ функцій и, еще болѣе, изъ его общихъ опредѣленій.

17. Эти мыслители уже потому не могли быть детерминистами—фаталистами, что они были творцами всеобщей или психоаритмологической логики, которую мы теперь попытаемся характеризовать въ главнѣйшихъ ея чертахъ. Типичный силлогизмъ абсолютно категорической (аналитической) логики данъ въ слѣдующей схемѣ:

1. *Всѣ люди смертны.*
2. *Сократъ—человѣкъ.*
3. *Слѣдовательно, онъ смертенъ.*

Силлогизмъ же всеобщей или психоаритмологической логики, взятый въ отвлеченіи его отъ моральной оцѣнки и содержащій лишь мѣру возможности факта, свойственнаго обособленному предмету бытія, мы имѣемъ въ слѣдующемъ схематическомъ примѣрѣ:

1. *Въ данной странѣ изъ тысячи рожденныхъ дѣтей N лицъ, по достиженіи возраста t лѣтъ, совершаютъ дѣйствіе A (напримѣръ, вступаютъ въ бракъ).*

2. *Родилось въ этой странѣ дитя, Сократъ.*

3. *Слѣдовательно, Сократъ можетъ совершить фактъ A по достиженіи возраста t лѣтъ, и вѣроятность этого возможнаго событія опредѣляется N шансами изъ тысячи шансовъ.*

Этотъ сложный силлогизмъ взятъ еще не во всей его полнотѣ, такъ какъ въ немъ отсутствуетъ моральная оцѣнка ожиданія факта *A*, каковой фактъ, пока онъ остается нашей гипотезой, назовемъ тезисомъ силлогизма.

Заключеніе этого мѣрнаго статистическаго силлогизма—не категорическое, имѣющее тезисомъ своимъ численно выраженную возможность совершенія факта A Сократомъ при извѣстныхъ условіяхъ. Если въ этомъ силлогизмѣ число *N* получаетъ частное значеніе, равное тысячѣ (*N*=1000), то указанный психоаритмологическій силлогизмъ обращается въ категорическій Аристотелевскій силлогизмъ. Но кромѣ этого частнаго случая остается множество другихъ случаевъ, когда *N* менѣе тысячи и, слѣдовательно, этотъ силлогизмъ является уже некатегорическимъ. Отсюда ясно, что вообще *силлогизмъ аналитической логики есть лишь частный случай психоаритмологическаго силлогизма*, взятый изъ множества такихъ случаевъ.

Несмотря на некатегоричность, подобные силлогизмы, связываемые нами съ моральными оцѣнками факта, играютъ важную роль, не только гносеологическую, но и психо-динамическую, если тезисъ затрогиваетъ ожидаемые интересы (рискъ) лицъ. Логика этихъ сужденій имѣетъ свои умозаключенія и доказательства, свои дедукціи и индукціи. Эта логика нормируетъ мышленіе мудрецовъ. Имѣя ее въ виду, мы различаемъ *высокій* раціонализмъ отъ *пониженнаго* раціонализма и думаемъ, что высокій раціонализмъ (Декарта, Паскаля, Ньютона, Лейбница, Зюссмильха, Бюффона, Бейза, Лапласа, Кювье, Кетле, Остроградскаго, Лобачевскаго, Буняковскаго, Бредихина, Чебышева, Бугаева, Цингера, Давидова и другихъ) руководится при изслѣдованіи свойствъ интеллектуальнаго міра психоаритмологическою логикою и связанными съ нею мѣрными аритмологическими законами мышленія и дѣйствія. Пониженный же раціонализмъ (Бэкона, Спинозы, Локка, О. Конта,

Стюарта Милля, Спенсера, Дарвина, Геккеля, Ломброзо и другихъ почтенныхъ представителей эмпиризма и ирраціональнаго эволюціонизма) урѣзываетъ изъ этой логики и изъ жизни и функцій чистаго сознанія весьма существенное, то пополняя *агностицизмомъ* тѣ пробѣлы познанія, которые человѣкъ въ случаяхъ сомнѣнія обязанъ покрывать некатегорическими сужденіями и ожиданіями, то возводя недостовѣрное и даже невѣроятное и невозможное въ число своихъ субъективныхъ достовѣрностей, въ число, будто-бы, «точныхъ выводовъ науки». Общеизвѣстными образцами урѣзанной логики являются логика Аристотеля, владѣвшая умами схоластиковъ, и логика Стюарта Милля, владѣющая многими современными умами и родственная логикѣ схолостиковъ, слѣдовавшихъ Аристотелю.

18. Приведенный выше примѣръ силлогизма всеобщей логики есть образецъ такого некатегорическаго или аритмологическаго силлогизма, какой бываетъ результатомъ тщательнаго примѣненія статистическаго метода къ фактамъ различныхъ категорій. Опыты жизни и чувство мѣры научаютъ насъ болѣе простому и легкому построенію въ умѣ некатегорическихъ силлогизмовъ. На перронѣ желѣзнодорожнаго пути написано, напримѣръ, предостереженіе публикѣ: «остерегайтесь воровъ», и эта надпись вызываетъ въ умахъ не только некатегорическій силлогизмъ о рискѣ быть обворованнымъ, но и динамическія выраженія предосторожности. Уголовная репрессія вызываетъ некатегорическое мышленіе въ умахъ лицъ, наклонныхъ къ преступности, и сдерживаетъ ихъ динамическій порывъ въ этомъ направленіи.

Ожиданіе факта смерти категорическое, а ожиданіе момента смерти и многихъ ея обстоятельствъ некатегорическое,—и этой некатегоричности, стоящей предъ человѣческимъ сознаніемъ, уже достаточно, чтобы сознаніе ввело въ свою жизненную логику некатегорическое сужденіе и оцѣнку некатегорическаго ожиданія. Некатегорическія сужденія, задѣвающія наиболѣе цѣнимые человѣкомъ ожиданія и интересы, какъ матеріальные, такъ и нравственные, способны переходить въ катастрофическое психодинамическое дѣйствіе.

Такое дѣйствіе, бываетъ связано съ сужденіемъ лица объ отнятіи у него соотвѣтствующихъ вѣроятностей и бываетъ иногда равносильно даже смертному приговору. Для выясненія этого вопроса представляетъ большой интересъ статистика и описаніе условій самоубійствъ. Окончательную судьбу нѣкоторыхъ самоубійцъ рѣшаетъ утрата ими вѣроятностей привычнаго матеріальнаго обезпеченія, и, напримѣръ, крупные банковые крахи, обездоливающіе многихъ людей, сопровождаются обыкновенно увеличеніемъ самоубійствъ. Потеря вѣры въ личное счастіе также убиваетъ людей (Ромео и Джульетта). Для многихъ хорошихъ людей рѣшающее значеніе имѣетъ потеря вѣры въ осуществленіе нравственныхъ цѣлей жизни, и зависящія отъ этого самоубійства могли бы показаться безпричинными, если бы объ этихъ внутреннихъ причинахъ не свидѣтельствовали оставленныя по смерти письма и дневники. «Вы запишете меня,—увѣдомляетъ свою близкую наставницу одна дѣвица, бросившаяся въ Волгу, — въ сумасшедшія; но это неправда; я чувствую, что не буду никому полезной, не вижу цѣли жизни и жить мнѣ скучно». Съ другой стороны люди, уставшіе жить, больные; нервные, страдающіе, переносятъ тягости жизни, если вѣрятъ въ ея цѣли и нравственный смыслъ.

19. Послѣдовательный мораль-ариѳметикъ или психо-аритмомеханикъ въ своихъ теоретико-познавательныхъ опредѣленіяхъ живо сознаетъ вѣроятность, какъ оцѣнку своихъ возможныхъ колебаній между «да» и «нѣтъ» и вообще какъ мѣру возможности желаемаго и ожидаемаго; онъ понимаетъ эту оцѣнку какъ необходимую *независимую* координату въ числѣ прочихъ независимыхъ координатъ воображаемой имъ вселенной. Такова необходимая предпосылка аритмологическаго міросозерцанія, заставлявшая всегда аритмологовъ и мораль-ариѳметиковъ признавать важную роль теоріи вѣроятностей въ логикѣ, теоріи познанія и теоріи взаимодѣйствія, а также въ жизненной практикѣ. Теорію и практику, соотвѣтствующую этой критической и математической предпосылкѣ, психо-аритмо-механикъ развиваетъ въ *статистическій методъ*,

связанный съ понятіемъ объ упомянутой координатѣ. Этотъ методъ вноситъ въ исторію, въ науку объ обществѣ, въ практическую дѣятельность и въ политику психоаритмологическій элементъ.

Теоретическая разработка понятія о статистическомъ методѣ есть лишь подготовленіе къ практическому статистическому методу, который требуетъ активнаго приспособленія къ ходу обстоятельствъ. Безъ этого приспособленія статистическій методъ можетъ давать для непосредственной практики непригодный запоздалый матеріалъ, не имѣющій цѣнности для выработки практическаго мотива, пріуроченнаго къ данному моменту дѣйствія.

Съ другой стороны живыя *своевременныя* развѣдки на основаніи практическаго статистическаго метода чрезвычайно важны во всѣхъ серьезныхъ дѣлахъ: военныхъ, торговыхъ, промышленныхъ, земскихъ, общихъ административно-государственныхъ, общихъ законодательно-государственныхъ и т. д. Своевременность практической статистической развѣдки имѣетъ большую цѣну для развѣдывающихъ и покрываетъ съ избыткомъ расходы на содержаніе статистиковъ, развѣдчиковъ, агентовъ, коммиссіонеровъ и конторъ, если они во время служатъ своими данными для мотивації срочнаго практическаго дѣйствія. Ожиданія и ихъ вѣроятности, время и своевременность въ практическихъ дѣлахъ не только перелагаются на деньги, но переходятъ въ умноженіе жизненныхъ силъ.

Каждый человѣкъ есть по природѣ теоретическій и практическій статистикъ и развѣдчикъ, дѣйствующій какъ для своего обихода, такъ и для ближнихъ и для общественной пользы. Дѣтскія игры уже у порога жизни научаютъ этой естественной всеобщей практической жизненной логикѣ. Разумный спортъ въ разнообразныхъ его видахъ ведетъ къ упражненію, развивающему эту логику. Новая школа стремится правильно развить своими школьными упражненіями и занятіями эту способность въ ученикахъ, не давая исключительной цѣны ихъ діалектическому логосу и стараясь выработать въ нихъ бодрый, стойкій, жизнеспособный теоретическій и практическій мыслемѣрный логосъ.

20. Принимаемая представителями высокаго раціонализма всеобщая или психо-аритмологическая логика совершенно иначе понимаетъ теорію познанія и законы мышленія и дѣйствія, нежели абсолютно категорическая (аналитическая) логика. Самый законъ противорѣчія или понятіе объ абсурдѣ и бездоказательности въ психоаримологической логикѣ опредѣляется иначе, нежели въ логикѣ категорическихъ сужденій. Въ послѣдней логикѣ противорѣчія (тезисъ и антитезисъ) *всегда* бываютъ несовмѣстимы, а въ первой логикѣ бываетъ *два* рода противорѣчій: противорѣчія совмѣстимыя (въ повторяемыхъ *обособленныхъ* процессахъ) и противорѣчія несовмѣстныя или логически недопустимыя (въ одномъ и томъ же процессѣ). Въ этой логикѣ (въ психоаритмологической логикѣ) и въ дѣйствіяхъ руководимой ею мысли и воли есть *неопредѣленность*, но только неопредѣленность *мѣрная*, которая, опираясь на свойственное разуму *чувство мѣры*, открываетъ просторъ для мыслемѣрнаго *творчества*, а съ другой стороны для *морали* и *права*, приводящихъ неопредѣленность некатегорическихъ сужденій, состояній и настроеній интеллектуальнаго міра къ построенію этической опредѣленности (къ свободоволевой организаціи блага). Мы хотимъ теперь логически выяснить природу этой особой опредѣленности или координаціи, которая вполнѣ возможна, несмотря на существованіе вышеуказанныхъ совмѣстимыхъ противорѣчій и на отсутствіе въ аритмологическомъ міросозерцаніи аналитической опредѣленности. Эта всеобщая точная *этическая* координація аритмологическаго міросозерцанія тѣсно связана съ понятіемъ о Безусловномъ Существѣ и Его Разумѣ или Премудрости, опредѣляющей объективныя мѣрила моральныхъ категорическихъ и некатегорическихъ оцѣнокъ при субъективномъ свободоволевомъ отношеніи къ Ней міра духовно-разумныхъ существъ. Не будемъ пока касаться вопроса о томъ, какъ эта Премудрость раскрываетъ Себя человѣчеству, которое стремится постигнуть Ея опредѣленія.

Некатегорическія положенія вещей открываютъ два наклона для умозаключенія или силлогизма: къ тезису и къ антите-

зису, два наклона для чувства: къ любви и къ ненависти, два наклона для воли: къ добру и къ злу, и т. д. Такимъ образомъ, во всѣхъ мѣрносвободныхъ взаимоотношеніяхъ и взаимодѣйствіяхъ различается какъ бы биполярность, относящаяся къ моральнымъ оцѣнкамъ. Въ этой биполярности можно различать положительную и отрицательную стороны.

Чтобы полнѣе представить себѣ общую координацію аритмологическаго міросозерцанія при помощи психоаритмологической логики и обосновать на этой координаціи соотвѣтствующую теорію точнаго познанія и точно взвѣшеннаго (обоснованнаго) дѣйствія, слѣдуетъ подражать геометру, координирующему пространство и изучающему въ немъ движеніе (кинематическія явленія); для этого необходимо представить себя какъ бы въ многомѣрномъ ($n+1$ — мѣрномъ) пространствѣ. Число $n+1$ есть число разнородныхъ сознанныхъ мѣрилъ или оцѣнокъ, къ которымъ относятся, между прочимъ, время, три измѣренія обыкновеннаго пространства, вѣроятность и разныя моральныя оцѣнки личныхъ авторитетовъ (общихъ и спеціальныхъ), вещей, явленій и ожиданій. Оцѣнки эти суть какъ бы координаты элементовъ (точекъ) этого пространства *). Плоскостями являются въ разсматриваемомъ пространствѣ n—мѣрныя многообразія.

---

*) Говоря здѣсь о многомѣрномъ воображаемомъ пространствѣ, какъ формѣ теоретико-познавательной координаціи, мы разумѣемъ просто лишь многообразіе сознаваемыхъ физическихъ и моральныхъ оцѣнокъ, относящихся къ элементамъ нашего міросозерцанія. При этомъ мы далеки отъ мысли толковать въ собственномъ смыслѣ о четырехмѣрномъ и болѣе многомѣрномъ пространствѣ, какъ это дѣлали Цольнеръ и Бутлеровъ, связывавшіе существованіе четвертаго измѣренія съ медіумическими явленіями. Интеллектуальныя вибраціи чувствилищъ, способныхъ къ многообразнымъ оцѣнкамъ посредствомъ чистаго сознанія и его чувства мѣры, и ихъ взаимодѣйствія не только при помощи словъ и видимыхъ внѣшнихъ символовъ, но и посредствомъ извѣстныхъ въ области гипнотизма внушеній и нервныхъ симпатическихъ и телепатическихъ дѣйствій, распространяющихся невидимо, подобно индукціи на разстояніи или подобно волнамъ, идущимъ къ безпроволочному телеграфу, даютъ возможность безъ „четвертаго“ измѣренія объяснять всѣ добросовѣсныя медіумическія явленія и дѣйствія.

Обратимъ особое вниманіе на координацію частей этого пространства, зависящую отъ измѣненія вѣроятности, какъ существеннаго элемента психоаритмологической логики. Примемъ вѣроятность за *абсциссу* этого пространства. Разсматривая распредѣленіе плоскостей этого пространства, которыя характеризуются тою или другою величиною вѣроятности, мы можемъ начать счетъ этихъ плоскостей отъ плоскости абсолютныхъ или аналитическихъ достовѣрностей, т. е. отъ области физическихъ и психоаналитическихъ взаимоотношеній и взаимодѣйствій. Эту плоскость обозначимъ буквой A и назовемъ міромъ анализа. Значеніе этой плоскости велико по тому что на нее опирается координація всего разсматриваемаго многомѣрнаго пространства. Взаимоотношенія, лежащія въ этой плоскости, соотвѣтствующей абсолютному категоризму сужденій, обнимаемому аналитической логикой, умъ легче всего обсуждаетъ, какъ это подтверждается не только богатымъ развитіемъ философскаго и математическаго анализа, но и стремленіемъ многочисленныхъ политиковъ и законодателей, а также философовъ и ученыхъ императивно и мысленно внѣдрить въ эту плоскость весь соціальный строй и міръ, который однако не укладывается лишь въ одно это многообразіе. Но умъ и логика мудрѣйшей части человѣчества съ древнѣйшихъ временъ способны были подниматься высоко надъ этою плоскостью сужденій, взаимоотношеній и взаимодѣйствій, какъ это доказывается древнею литературою и памятниками.

Вторую плоскость B въ разсматриваемомъ $n+1$—мѣрномъ многообразіи или пространствѣ можно опредѣлить данною вѣроятностью, безконечно близкою къ аналитической достовѣрности (къ 1, если аналитическую достовѣрность принять за единицу) и принадлежащею къ такъ называемымъ нравственнымъ достовѣрностямъ. Эта плоскость B безконечно мало отклоняется отъ плоскости A и вмѣстѣ съ нею выдѣляетъ въ $n+1$—мѣрномъ пространствѣ тонкій слой, который можно назвать предѣльно-аритмологическимъ міромъ. Въ этомъ слоѣ или мірѣ нрав-

ственныхъ достовѣрностей и нравственнаго (предѣльно-аритмологическаго) категоризма есть уже мѣрная духовная свобода, положительная и отрицательная. Близость всѣхъ положеній этого слоя къ плоскости A даетъ возможность опираться при изслѣдованіи его свойствъ на выводы анализа; но, строго говоря, здѣсь учетъ долженъ быть предѣльноаритмологическимъ, въ которомъ анализъ лишь помогаетъ упрощать аритмологію, но не замѣняетъ ее. Эти упрощенія подобны тѣмъ, кои разсматриваются механиками въ задачѣ о весьма малыхъ колебаніяхъ системы около заранѣе извѣстнаго положенія ея равновѣсія, а также въ задачѣ о малыхъ возмущеніяхъ какого либо заранѣе извѣстнаго движенія.

Третья, четвертая и т. д. плоскости въ разсматриваемомъ $n+1$ мѣрномъ пространствѣ будутъ все болѣе и болѣе удаляться отъ плоскости A, по мѣрѣ уменьшенія ихъ координаты, т. е. вѣроятности, характеризующей соотвѣтствующую плоскость. Эти плоскости послѣдовательно выдѣляютъ слои, все болѣе и болѣе удаляющіеся отъ области анализа и примѣненія его безусловно категорической логики въ сторону все менѣе и менѣе категорическихъ сужденій, ожиданій, привычекъ, вѣрованій и мотивацій для воли. Послѣдовательныя удаленія эти приведутъ насъ, наконецъ, въ плоскость M, которая соотвѣтствуетъ вѣроятности, равной $\frac{1}{2}$, и въ которой всѣ тезисы также вѣроятны, какъ и антитезисы. Дальнѣйшее уменьшеніе вѣроятности приведетъ къ повторенію, въ обратномъ однако порядкѣ, прежнихъ плоскостей разсматриваемаго $n+1$— мѣрнаго пространства, ибо дальнѣйшее уменьшеніе вѣроятности *тезиса* отъ $\frac{1}{2}$ до 0 есть увеличеніе вѣроятности *антитезиса* отъ $\frac{1}{2}$ до достовѣрности, равной 1.

Многомѣрное аритмологическое пространство, свойства котораго мы намѣтили и которое мы считаемъ обнимающимъ, между прочимъ, нравственныя оцѣнки, не есть только отвлеченная фантазія. Каждый конкретный интеллектуальный субъектъ, морально оріентируясь во вселенной, строитъ для себя

и для своихъ нуждъ, по мѣрѣ своихъ интеллектуальныхъ способностей, понятіе объ этомъ многообразіи, въ которомъ для него свѣтятъ свои ослѣпительныя звѣзды и солнца. Каждый въ этомъ воображаемомъ морально-биполярномъ пространствѣ отводитъ лично для себя особый уголъ или, вѣрнѣе, особую траекторію своего личнаго бытія, а однородно настроенные субъекты, влекомые другъ къ другу особою симпатіей, основанной на этомъ моральномъ созвучіи, созидаютъ себѣ путь совмѣстными усиліями.

21. Какъ въ обыкновенномъ трехмѣрномъ неподвижномъ пространствѣ можно вообразить подвижное пространство (подвижное тѣло) и соотвѣтствующее кинематическое преобразованіе координатъ, такъ и въ разсматриваемомъ многомѣрномъ пространствѣ возможно мыслить моральное движеніе и преобразованіе. Въ неподвижномъ многомѣрномъ пространствѣ, мыслимомъ какъ объективное пространство, *внѣшнее* относительно субъекта, движется его субъективное пространство того же рода, въ которомъ содержатся оцѣнки интеллектуальнаго субъекта съ его субъективной точки зрѣнія. Плоскости $A, B, \ldots M$, и все пространство въ колеблющейся субъективной оцѣнкѣ занимаютъ различныя подвижныя и перспективныя положенія относительно неподвижнаго пространства. Эти субъективныя опредѣленія соединяются съ мотивами воли и ведутъ самихъ субъектовъ по объективнымъ путямъ неподвижнаго пространства, часть которыхъ зависитъ отъ автономіи субъектовъ съ ея отвѣтственными послѣдствіями. Отчасти же эти субъективныя опредѣленія содержатъ заблужденія, зависящія отъ разныхъ обстоятельствъ (препятствій для мѣрносудящаго глаза и недостатковъ направляющей координаціи). На указанныхъ объективныхъ путяхъ разные субъекты сталкиваются своими практическими интересами, и эти столкновенія вызываютъ практическія взаимодѣйствія субъектовъ. Разумъ участника такой коллизіи соединяетъ свои внутренне-теоретическія и практическія предпосылки съ явившимися ему объективными практическими данными и изъ этого практическаго синтеза выводитъ мотивъ для дѣйствія воли.

Теоретико-познавательные математическіе принципы являются, слѣдовательно, неизбѣжными жизненными предпосылками для координированной практической *дѣятельности*, входя въ точную психоаритмологическую мотивацію дѣйствій воли, въ технику сознательнаго дѣйствія. Мотивъ или достаточное основаніе дѣйствія воли есть синтезъ не только практическихъ средствъ и навыковъ, но и теоретическихъ познавательныхъ принциповъ мотивирующаго лица.

Бутлеровъ и Цольнеръ искусно обрисовали зависимость мотиваціи отъ математическихъ познавательныхъ началъ и условій. Эту характеристику они выразили сопоставленіемъ теоретическаго существа, способнаго познавать лишь двухмѣрное пространство, съ существомъ, постигающимъ трехмѣрное пространство *). Для перваго существа, являющагося агностикомъ третьяго измѣренія, всѣ функціи, опредѣляющія доступныя ему пространственныя закономѣрности, и максимумы и минимумы этихъ функцій, принимаемые въ соображеніе при мотиваціи этимъ существомъ своихъ взвѣшенныхъ по цѣлямъ дѣйствій, зависятъ лишь отъ двухъ независимыхъ оцѣнокъ (координатъ); у второго же существа аналогичныя функціи являются зависящими отъ трехъ независимыхъ перемѣнныхъ и даютъ болѣе широкіе предѣлы максимумовъ и минимумовъ, принимаемыхъ въ соображеніе при мотиваціяхъ.

Психомеханикъ есть агностикъ, который въ указанномъ выше $n+1$—мѣрномъ пространствѣ игнорируетъ вѣроятность. Онъ не сознаетъ этой координаты, допуская свободу и вѣроятность лишь какъ убѣжища невѣдѣнія. Вѣруя однако, что міръ тѣмъ не менѣе не есть нѣчто хаотическое, неурегулированное никакою нормою, психомеханикъ логически детерминируетъ вселенную, пользуясь лишь Аристотелевскою логикою и анализомъ, агностически подводя подъ эти теоретико-познавательныя предпосылки также и свою эмпирію. Вся вселенная представляется ему какъ большой психомеханизмъ.

*) См. вышеуказанную статью *Бутлерова*.

Опытная психологія, изслѣдующая психику (нравы, привычки и образъ жизни) не теоретическихъ, а дѣйствительныхъ существъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ интеллектуальности, подтверждаетъ важную роль агностики и агностическихъ уклоненій, имѣющихъ мѣсто въ оцѣнкахъ, производимыхъ этими существами. Дѣти, дикари и представители животнаго царства проявляютъ эти свойства. Страусъ, говорятъ, прячетъ голову въ песокъ, думая, что невидимость того предмета, отъ надлежащей оцѣнки котораго онъ уклонился, равносильна несуществованію этого предмета. Эти и имъ подобные агностическіе пробѣлы и подтасовки въ оцѣнкахъ представляютъ явленія, интересныя для философа, психолога и ученаго, а также для практическихъ дѣятелей: педагоговъ, судей, врачей, администраторовъ и т. д. Свойства памяти и забвенія, разсѣяніе вниманія при его сосредоточенности въ одномъ данномъ направленіи, разныя формы и степени усыпленія (натуральнаго, гипнотическаго, наркотическаго), абстракціи или отвлеченія, предразсудки, предубѣжденія, страсти, привычки къ поверхностному, небрежному отношенію и небрежному дѣйствію, вообще дефекты личной логики и личныхъ теоретическихъ и практическихъ познавательныхъ принциповъ имѣютъ точки соприкосновенія съ агностическими явленіями, а именно—ведутъ къ игнорированію многихъ цѣнныхъ вещей, болѣе или менѣе близкихъ къ познающему и имѣющихъ въ дѣйствительности важное для него значеніе. Эти агностическія явленія болѣе или менѣе съуживаютъ и спутываютъ теоретико-познавательныя координаціи вещей въ сознаніи и отражаются соотвѣтствующими явленіями въ опредѣленіи мотивовъ воли и въ оцѣнкѣ эмпирическихъ фактовъ.

Существо, вполнѣ сознательно мотивирующее свое дѣйствіе, пользуется всѣми своими теоретико-познавательными условіями и предпосылками, соединяя ихъ съ данными практическими цѣлями, съ обстоятельствами и явленіями и съ доступными для него при данныхъ обстоятельствахъ практическими навыками и средствами дѣйствія. Какъ совершается этотъ синтезъ теоріи съ практикой при каж-

дой отдѣльной проблемѣ мотивацiи цѣлесообразнаго дѣйствiя? Онъ совершается выборомъ при данныхъ практическихъ условiяхъ либо кратчайшаго пути, ведущаго къ цѣли, либо наименьшей затраты средствъ для достиженiя цѣлей и т. п. Этотъ путь и эти средства суть функцiи оцѣнокъ или координатъ разсматриваемаго теоретико-познавательнаго пространства. Слѣдовательно, мотивъ дѣйствiя, т. е. его достаточное основанiе, строится по цѣлямъ сообразно съ условiями максимумовъ и минимумовъ функцiй нѣсколькихъ перемѣнныхъ (координатъ), т. е. сознанныхъ практически (на дѣлѣ, на опытѣ) и введенныхъ въ теорiю независимыхъ оцѣнокъ: интересовъ, ожиданiй, средствъ и жертвъ и притомъ не только своихъ, но и чужихъ, такъ какъ всякое дѣйствiе лица въ сущности бываетъ большею частiю *взаимодѣйствiемъ* нѣсколькихъ заинтересованныхъ существъ. Эти условiя тщательнаго построенiя достаточнаго по цѣли основанiя можно назвать *психоаритмологическою прямолинейностью* дѣйствiя, которую можно уподобить, если угодно, условiямъ опредѣленiя своего рода кратчайшаго разстоянiя или же началу наименьшаго дѣйствiя Гамильтона, которое перешло въ современную физику какъ принципъ Гертца. Эта прямолинейность, однако, существенно отлична отъ психомеханической прямолинейности въ виду некатегорической и этической координацiи.

Существуютъ мотивы, которые стали *привычкою*, привычною заповѣдью, внѣдрившеюся въ жизнь чистаго сознанiя человѣка такъ, что при соотвѣтствующихъ условiяхъ мотивъ дѣйствуетъ на приспособившуюся волю сознательно, но почти не чувствительно. Привычные мотивы можно раздѣлить на *авторитетные*, которые были выработаны тщательными авторитетными сужденiями и сдѣлались привычкою субъекта, и на *хаотическiе*, плохо обоснованные и возникающiе при невниманiи, при небрежности и при незаинтересованности дѣйствующаго лица въ совершаемомъ дѣйствiи. Въ этическомъ мiросозерцанiи разсматриваются еще *лукавые* и *коварные* привычные мотивы, пріобрѣтаемые съ цѣлями, сознательно враждебными авторитетнымъ мотивамъ. Въ жизни общественной всѣ эти

мотивацiи существуютъ совмѣстно, какъ противорѣчiя ея. Авторитетные привычные мотивы, которыми располагаютъ культурные люди и культурные народы, способны поднимать моральное состоянiе совмѣстно-противорѣчивой жизни общества. Въ преемственной жизни смѣняющихся поколѣнiй авторитетные привычные мотивы подъ вліянiемъ спутанности и дурныхъ страстей способны выдыхаться, вырождаться, переходить въ суевѣрiя и предразсудки, въ утратившую живой смыслъ рутину и моду и вызывать справедливыя сомнѣнiя. Поэтому въ культурной жизни общества существуетъ постоянная потребность какъ правильно воспитывать въ молодомъ поколѣнiи хорошiе привычные мотивы, способные облегчать индивидуальную и соцiальную жизнь и ея продуктивность, такъ и повѣрять качество привычныхъ мотивовъ тщательными сужденiями знающихъ и признанныхъ авторитетовъ. Культурное государство располагаетъ для этого просвѣтительными учрежденiями и ихъ живыми личными силами (Церковь и Академiя), пріобщающими отдѣльную личность къ живому этическому познанiю, теорiю котораго назовемъ гносеологiей.

Неопозитивисты—кантiанцы (см. ниже) разсматриваютъ мотивацiю, какъ психомеханическую прямолинейность, живя своимъ сознанiемъ въ области *A* анализа. Психоаритмологическое построенiе мотива иное: начало это нужно связывать съ неожиданностями, съ ожиданiями будущаго и рискомъ, съ готовностью аритмологически измѣнить ошибочный курсъ по болѣе цѣлесообразному этическому направленiю, относимому къ многомѣрному морально-биполярному воображаемому пространству. Притомъ въ число измѣренiй этого пространства и, слѣдовательно, въ мотивацiю должна входить оцѣнка разныхъ вѣроятностей или возможностей, какъ одна изъ важнѣйшихъ координатъ мѣрносвободнаго мiра, опредѣляющая истинный взглядъ на связь вещей *во времени*, на *исторiю*.

22. Существованiе этой координаты и включенiе ея вѣса въ мотивы воли не можетъ не вліять самымъ существеннымъ образомъ на историческiй ходъ вещей во времени, на исто-

рію міра, человѣчества и человѣка. Примемъ теперь *время*, какъ координату $n+1$—мѣрнаго пространства, за абсциссу, координирующую аритмологическое историческое сужденіе.

Исторія вселенной и ея частей съ аритмологической точки зрѣнія имѣетъ такое теченіе, при которомъ не время только опредѣляетъ ея ходъ, но и мѣрносвободная воля духовноразумныхъ существъ. Разумныя существа обсуждаютъ и *дѣлаютъ* исторію: они мыслемѣрно опредѣляютъ по мѣрѣ возможности и силъ и по своимъ и общимъ этическимъ цѣлямъ, *какъ* въ будущемъ направить зависящій отъ нихъ ходъ историческихъ явленій, и затѣмъ энергіей своей (рукою своею) настаиваютъ, чтобы важнѣйшіе моменты шли своевременно такъ, а не иначе, слѣдя вниманіемъ своимъ за теченіемъ явленій. Одна часть причинъ, опредѣляющихъ ходъ вещей во времени посредствомъ волящаго и императивнаго сужденія, лежитъ позади, а другая впереди (causa finalis). Логическое сужденіе о роли личныхъ факторовъ, вещей и явленій въ послѣдовательномъ (во времени) процессѣ есть въ одно и то же время всеобщая логика исторіи и мотивація дѣйствія. Связь во времени обсуждается логически какъ связь апріорнаго съ апостеріорнымъ. Философы-математики (Д. Бернулли, Бейзъ и Присъ) рѣшили вопросъ объ этой связи и объ измѣненіи нашихъ сужденій (вѣроятностей) въ зависимости отъ хода обстоятельствъ и личныхъ свидѣтельствъ.

Это принципіальное рѣшеніе облечено Лапласомъ въ форму ученія о вѣроятностяхъ *a posteriori*,—ученія, тѣсно связаннаго также съ опредѣленіемъ той эластической связи некатегорическихъ (случайныхъ) явленій, которая называется *вліяніемъ* и которая играетъ большую роль въ мышленіи, какъ въ психологическомъ актѣ, и въ мірѣ некатегорическихъ положеній вещей. Принципами этого ученія математики широко воспользовались для приложенія къ выводамъ надежнѣйшихъ результатовъ изъ данныхъ наблюденій и измѣреній, къ вопросамъ о страхованіяхъ, о пенсіяхъ, о свидѣтельствахъ, о коллегіальныхъ судебныхъ и иныхъ рѣшеніяхъ и т. д. Историческое сужденіе здѣсь также получаетъ логическую опору, ибо апріорное и апостеріорное всегда относятся къ какому-либо

данному факту, преходящему *во-времени*. Мышленіе, обсуждающее и повѣряющее апріорно-апостеріорнымъ путемъ связь вещей, можетъ послѣдовательно преобразовывать субъективныя категорическія и некатегорическія сужденія несовершеннаго ума, стремясь приблизить ихъ къ объективнымъ сужденіямъ всепроникающаго разума. Такое послѣдовательное извлеченіе «бревенъ» изъ глаза судящаго болѣе или менѣе возможно лишь при условіи тщательнаго и крайне осмотрительнаго отношенія къ свойствамъ фактовъ, свидѣтелей и историческихъ свидѣтельствъ. Высокое качество живого достовѣрнаго свидѣтеля (авторитетъ) можетъ приводить къ выясненію роли тѣхъ или другихъ историческихъ факторовъ кратчайшимъ путемъ. Могучая воля можетъ свидѣтельствовать, что въ будущемъ она при опредѣленныхъ обстоятельствахъ настоитъ на опредѣленномъ тезисѣ, какъ бы ни развивались прочія обстоятельства, и можетъ предъявлять документы какъ своей могучести, такъ и своей правдивости въ исполненіи своихъ обѣщаній и завѣтовъ. Вообще *волящее* сужденіе и свидѣтельство существенно отлично отъ *пассивнаго* свидѣтельства и сужденія. Отсюда вытекаетъ различіе связи апріорнаго съ апостеріорнымъ въ мірахъ физическомъ (пассивномъ, категорическомъ) и интеллектуальномъ (волящемъ, некатегорическомъ). Гносеологія интеллектуальнаго процесса имѣетъ въ виду не только пассивный, но и свободоволевой процессъ міровой психофизіологіи.

Проще всего связь апріорнаго съ апостеріорнымъ выражается въ мірѣ категорическихъ положеній вещей (въ мірѣ физическомъ, механическомъ, психомеханическомъ). Но сложнѣе эта связь выражается въ мірѣ некатегорическихъ положеній вещей (въ мірѣ интеллектуальномъ, психоаритмологическомъ и предѣльномъ психоаритмологическомъ). Здѣсь имѣютъ мѣсто ряды некатегорическихъ сужденій, чередующихся такъ, что апостеріорное и эмпирическое переходитъ опять въ апріорное по отношенію къ послѣдующему. Пусть, напримѣръ, обсуждаются событія *a*, *b*, *c*, ..., соотвѣтствующія данному ряду партій въ шахматномъ турнирѣ мыслителя съ

какимъ-нибудь противникомъ. Всѣ партіи, предшествующія данной послѣдующей партіи, создадутъ въ умѣ этого мыслителя апріорно-апостеріорную цѣпь вліяній на его сужденія. Эти сужденія будутъ отчасти эмпирическія; но по отношенію къ фактамъ новой предстоящей партіи они будутъ снова апріорными и умозрительными, ибо процессъ послѣдующей игры апокалиптиченъ, т. - е. полусокрытъ въ мысляхъ, чувствѣ и волѣ партнера, въ творчествѣ этого послѣдняго.

Шахматный турниръ, о которомъ мы говоримъ, можетъ продолжаться неопредѣленно, и все-таки будущее его развитіе не можетъ исчерпаться всею предшествующею апріоріей и эмпиріей, т.-е. дать процессу аналитическій (механическій) характеръ, дозволяющій полное предвидѣніе будущаго по апріорно-эмпирическимъ даннымъ. Если бы мыслитель, участвующій въ турнирѣ, увидалъ, что игра получила у его партнера психоаналитическій характеръ, то онъ, какъ психоаритмологъ, билъ бы этого автомата, предвидя аналитически, т.-е. во всей полнотѣ, будущіе его психомеханическіе ходы. Этою механизаціею своего партнера онъ пользовался бы, какъ оплошностью, какъ ахиллесовою пятою и даже какъ позитивною глупостью, ставя ему ловушки и засады. Поэтому - то интеллектъ и не есть психомеханическій аппаратъ, а волящая по цѣлямъ психоаритмологическая субстанція, существенно отличная отъ механизма и психомеханизма.

Въ многомѣрномъ (n+1—мѣрномъ) аритмологическомъ пространствѣ время есть лишь одна изъ многихъ координатъ, и мѣрное сужденіе можетъ теоретически подходить къ связаннымъ съ его моментами опредѣленіямъ разными путями. Такъ, прошлыя событія, но не явившіяся судящему субъекту или недоступныя ему, этотъ субъектъ обсуждаетъ такими же пріемами мѣрнаго сужденія и ожиданія, какъ будущія явленія, а именно оцѣниваетъ закономѣрности ихъ гипотезами, теоріями, достовѣрностями, вѣроятностями и ожиданіями, какими онъ оцѣнивалъ бы и будущее. Въ практической дѣятельности время управляется сознаніемъ и волею, усиліями которой оно то сберегается и сокращается, то удлиняется.

Гдѣ есть психоаритмологическая основа жизни, тамъ будущее связывается съ прошедшимъ не только хронометрически, но и по движенію жизни и ея плодовъ, зависящему отъ ретроспективно-провиденціальной (смотрящей назадъ и впередъ, въ прошлое и въ будущее) функціи плодоносящихъ и добродѣющихъ, отъ ихъ мыслемѣрной свободы воли. Предсказаніе, основанное на этомъ психофизіологическомъ исчисленіи временъ, опредѣляетъ моменты состояніями и признаками, связанными съ жизнью плода, который нужно снять ко времени его духовной и физической спѣлости. Не исполнившій ко времени своего урока расплачивается за потерянный плодъ своими личными цѣнностями. Живая связь настоящаго съ будущимъ не есть только пассивное ожиданіе и созерцаніе, но и соединенное съ *рискомъ* активное участіе въ его созиданіи рукою предусмотрительнаго лица (физическою и моральною активною индукціей).

Историческое познаніе можетъ быть *условнымъ*, имѣющимъ значеніе въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ областяхъ многообразно раздѣленныхъ явленій міра. Эти условно точныя историческія системы отдѣловъ міра содержатъ въ себѣ отвлеченности или условныя отрѣшенности ума отъ всего, что не подходитъ къ условіямъ. Таковы: условныя исторіи физическаго міроваго процесса («системы міра» Птоломея, Коперника, Лапласа, Фая и пр., связанныя съ тѣми или другими принципами механики, дѣйствительно подмѣченными въ природѣ), условныя исторіи геологическихъ и палеонтологическихъ явленій на земномъ шарѣ, исторія экономическаго процесса и т. д. Несмотря на большую или меньшую отвлеченность, эти условныя исторіи представляютъ спеціальный интересъ. Онѣ же являются источникомъ философско-историческихъ заблужденій для тѣхъ, кто, забывши ихъ условный характеръ, придаетъ имъ болѣе широкое значеніе. Нужно быть предубѣжденнымъ или же неопытнымъ, чтобы впадать въ эти школьническія заблужденія (въ которыя однако впадаютъ серьезные люди).

Всеобщее историческое познаніе опирается, кромѣ *высшей индукціи*, на *высшую дедукцію* и на всеобщій дедуктивно-индуктивный синтезъ и затрогиваетъ *этическій* элементъ, который раскрывается въ историческомъ всеобщемъ процессѣ. Здѣсь возможны болѣе важныя ошибки философско-исторической мысли, отражающіяся соціально-этическими заблужденіями.

Между прочимъ, сужденіе о всеобщемъ міровомъ историческомъ процессѣ зависитъ отъ того или другого взгляда на во-

просъ о свободѣ воли. Въ рѣшеніи этого не только логическаго и историко-критическаго, но и этическаго вопроса было большое количество многовѣковыхъ недоразумѣній, начавшихся еще споромъ Аристотеля съ Платономъ и затѣмъ выразившихся въ спорахъ св. Августина съ Пелагіемъ, школы Ѳомы Аквинатскаго со школою Дунса Скота, іезуитовъ-пробабилистовъ съ янсенистами и, въ наши дни, детерминистовъ съ индетерминистами. Индетерминисты не умѣли подвести свободную волю подъ точныя опредѣленія, трактуя ее то какъ слѣпой случай, то какъ двойственное этическое понятіе, помогающее произволу и софистическимъ изворотамъ. Эти обстоятельства вызывали къ историческому индетерминизму, какъ къ точной системѣ, недовѣріе многихъ философовъ, теологовъ и другихъ западныхъ ученыхъ, хотя голосъ сознанія былъ на сторонѣ умѣряемаго моралью и мышленіемъ индетерминизма. Аритмологическое міросозерцаніе, его всеобщая логика и его этическая координація, геометрически опредѣляющая сознаніе въ морально-биполярномъ мірѣ съ *единою* нравственною Истиной и съ многообразіемъ субъективнаго отношенія къ Ней мѣрносвободныхъ духовно-разумныхъ существъ, даютъ для философа-историка ключъ, чтобы подойти къ вопросу о роли свободы воли въ исторіи съ *точными* вѣсами, не показывающими своею стрѣлкою двойственныхъ этическихъ опредѣленій, если пользующійся этими вѣсами самъ себя не запутываетъ въ ложныхъ опредѣленіяхъ, оцѣнкахъ и логическихъ кругахъ. Подрывающая довѣріе къ индетерминизму спутанность не можетъ быть устранена безъ этого ключа, который долженъ быть привитъ либо интуиціей, свойственною талантливымъ по природѣ мыслителямъ, либо искусственнымъ математическимъ знаніемъ. Съ другой стороны этотъ психоаритмологическій ключъ, создаваемый чистымъ мышленіемъ, самъ по себѣ, безъ высшаго дедуктивно-индуктивнаго опредѣленія: безъ положительнаго историческаго и соціалфизическаго свидѣтельства и историческаго и соціалфизическаго (моральвариометическаго и статистическаго) опыта въ сферѣ чувства и безъ ощущаемаго вдохновенія еще не достаточенъ, такъ какъ безъ живаго сознанія или безъ жива-

го убѣжденія мѣсто Истины можетъ занять въ формальномъ логическомъ построеніи лишь кумиръ. «Не дѣлай себѣ кумира»—эта заповѣдь для мыслителя необходима, и ее часто повторяли намъ основатели Московской философско-математической школы, какъ завѣтъ точнаго познанія историческихъ и соціальныхъ явленій. «Не забывай истинныхъ идеаловъ»—это ихъ второй завѣтъ.

Опытъ внутренній и внѣшній, данный въ предѣлахъ личной исторіи человѣческаго существа, съ очевидностью и ясностью можетъ подтвердить ему многіе принципы, относящіеся къ познанію общихъ историческихъ процессовъ. Эти предѣлы личной исторіи, непосредственно данные каждому въ ходѣ его собственной сознательной и ощущаемой жизни, назовемъ полемъ *интерполированія*, принадлежащимъ познающему «я». Это поле узко; раздвинуть его можно гносеологическимъ (познавательнымъ) *экстраполированіемъ*, т. е. мысленнымъ продолженіемъ всѣхъ сознанныхъ опредѣленій и оцѣнокъ за предѣлы непосредственно обозрѣваемаго (внутреннимъ и внѣшнимъ наблюденіемъ) поля интерполированія. Этотъ процессъ есть работа по преимуществу чистаго сознанія, особенно въ томъ случаѣ, если экстраполирующій умъ выходитъ далеко за область ощущенія или интерполяціи. На безконечно удаленныхъ отъ поля интерполяціи границахъ психо-аритмо-механическая исторія міра и человѣчества представляется экстраполирующему уму въ иной картинѣ, чѣмъ при интерполяціи и экстраполяціи психомеханическаго характера. Но и экстраполяція требуетъ повѣрки по мѣрѣ возможности. Остатки прошлаго, его слѣды, памятники, документы и свидѣтельства могутъ помочь попыткамъ возстановить общій характеръ прошлаго и смѣну его событій во времени. Эти изслѣдованія (археологическія, палеонтологическія, геологическія и космогоническія) провѣряютъ экстраполяціи, относящіяся къ отдаленному времени.

Результатъ психоаритмологической повѣрки по сравненію съ аналитической повѣркой представляется болѣе глубокимъ, но менѣе опредѣленнымъ относительно исчисленія прошлыхъ временъ. Эта точная повѣрка подтверждаетъ установленную

серьезными учеными послѣдовательность во времени космогоническихъ, геологическихъ, палеонтологическихъ, археологическихъ и культурно-историческихъ періодовъ. Въ то же время эта повѣрка предостерегаетъ отъ философско-историческихъ заблужденій, отъ ирраціональныхъ объясненій міровой и соціальной эволюціи, построенныхъ аналитиками, психомеханиками и позитивистами и, съ другой стороны, спутанными индетерминистами.

Вообще познавательныя экстраполяціи въ ту область далекаго прошлаго, которая рѣшаетъ вопросы о происхожденіи міра и человѣка, принадлежатъ той весьма важной части теоріи точнаго познанія, гдѣ наука и религія непосредственно сливаются, не противорѣча другъ другу и дополняя другъ друга. Эту особенность вносятъ сюда безконечности и весьма большія числа, а именно вѣчность, которая затрогивается въ этихъ экстраполяціяхъ, и періоды времени, если не безконечно большіе, то весьма значительные. Такія количества всегда вносятъ въ способы точнаго обоснованія выводовъ разныя особенности, свойственныя разсужденіямъ по способу предѣловъ. Въ данномъ случаѣ эти особенности осложняются еще вопросомъ объ имѣющей здѣсь мѣсто мѣрно неопредѣленной связи аритмологическаго дифференціала съ его интеграломъ. Вѣчность есть интегралъ, по отношенію къ которому современность есть лишь дифференціалъ. Экстраполяція въ отдаленное прошлое, опирающаяся на поле интерполяціи, т. е. на обозрѣваемую непосредственно современность и на несомнѣнные, дошедшіе до нашей современности, документы прошлаго, есть то же, что сужденіе объ интегралѣ по небольшой его части, по его данному текущему дифференціалу. Такое сужденіе возможно, но лишь при условіи той мѣрной неопредѣленности, которая вообще связываетъ дифференціальный процессъ съ интегральнымъ посредствомъ произвольныхъ постоянныхъ и произвольныхъ функцій. Болѣе категорическое сужденіе объ отдаленномъ прошломъ, касающемся происхожденія міра и человѣка, если оно и возможно, то лишь на религіозной основѣ, синтетическо-критически по-

черпаемой изъ сверхъэмпирическихъ началъ и сверхчеловѣческихъ источниковъ. Физіологическая же (внѣшняя) эмпирія, сама по себѣ, не можетъ рѣшить спора, былъ ли и прежде міръ психо-аритмо-механическимъ, какимъ онъ нынѣ несомнѣнно является внутренно-эмпирически нашему интерполирующему сознанію, или же нѣтъ.

Добросовѣстная теоретико-познавательная научная экстраполяція не можетъ не признать, что если въ полѣ интерполяціи современнаго сознанія вселенная психоаритмологична, то такою она могла быть и въ вѣчности прошедшихъ временъ, и будетъ такою же въ вѣчности будущихъ временъ. Но это философское заключеніе, конечно, не эмпирическое, и *безплодный* скептикъ можетъ спорить съ нимъ. Истинное рѣшеніе каждому укажетъ религія, безъ которой никто не можетъ обойтись въ силу неразрывной связи личнаго сознанія съ тайнами міра.

Эволюціонисты примѣняютъ начала аналитической теоріи къ вопросу о происхожденіи человѣка, отыскивая кровное родство его съ породами животнаго царства, производя наблюденіе надъ современными деформаціями породъ при искусственномъ подборѣ, а затѣмъ аналитически экстраполируя въ область прошлаго и повѣряя эти экстраполяціи помощью генетическихъ рядовъ позитивной антропологіи, археологіи и палеонтологіи, составленныхъ лишь на основаніи внѣшняго сходства. Сомнительность этихъ построеній обнаружена многими естествоиспытателями. Что можетъ присоединить къ этому спору естествоиспытателей аритмологическая точка зрѣнія? Утвержденіе дарвинистовъ имѣетъ всѣ признаки не научнаго, а религіознаго ученія, каковое вѣрованіе они принимаютъ за точный выводъ науки. Это ученіе не есть выводъ науки, а вѣрованіе. Заключеніе это вытекаетъ не только изъ вышеуказанныхъ соображеній о безконечно далекихъ экстраполяціяхъ въ область прошедшаго, но и изъ *прерывности* дарвинистическихъ рядовъ. Дѣйствительно, генетическіе ряды, которыми дарвинисты подтверждаютъ свое вѣрованіе, будучи основаны лишь на внѣшнемъ сходствѣ и

обнимая огромные промежутки времени, имѣютъ безчисленное множество перерывовъ и огромныхъ скачковъ, показывающихъ, что къ этимъ рядамъ не примѣнимъ методъ аналитической логики и аналитической теоріи познанія. Астрономъ, анализомъ опредѣляющій образъ орбиты кометы, имѣетъ, кромѣ *прерывнаго* ряда точныхъ промѣровъ, еще дополнительное удостовѣреніе, что это *одна и та же* комета *непрерывно* передвигалась въ наблюденномъ имъ рядѣ. Есть ли у дарвинистовъ подобное удостовѣреніе непрерывности? Прерывность своихъ генетическихъ рядовъ о происхожденіи человѣка, какъ и другихъ видовъ, не отрицаютъ добросовѣстные дарвинисты. Аналитичность этихъ рядовъ, простирающуюся въ дальнее прошлое, могло засвидѣтельствовать имъ лишь религіозное вдохновеніе.

Однако дарвинисты эти отказываются засвидѣтельствовать о посѣтившемъ ихъ религіозномъ вдохновеніи, и въ такомъ случаѣ сами они должны согласиться, что ихъ ряды скорѣе могутъ быть названы *псевдо-генетическими*. Во всякомъ случаѣ аритмологъ никоимъ образомъ не помѣститъ взаимоотношенія членовъ этихъ рядовъ въ плоскость A вышеуказанной аритмологической теоріи познанія, построенной по типу многомѣрнаго пространства. Онъ отнесетъ эти и многія другія, имъ подобныя, экстраполяціи позитивистовъ въ область ихъ *субъективнаго* пониманія многомѣрнаго воображаемаго пространства, которое, можно полагать, относится къ вышеуказанному *объективному* многомѣрному морально-биполярному пространству, какъ миражъ или иллюзія относится къ дѣйствительности.

Исчисленіе прошедшихъ временъ и отошедшихъ въ прошлое образовъ и предсказанія будущаго связаны съ *условными* или *некатегорическими масштабами* времени и формы (геологическими, палеонтологическими, археологическими, біофизическими и соціалфизическими). Таково исчисленіе, опредѣляющее длительность, напримѣръ, существованія человѣческаго рода. Масштабъ для отвѣта на этотъ вопросъ можно брать у соціалфизиковъ и біофизиковъ. Если взять *средній*

годовой приростъ человѣческаго населенія, опредѣляемый статистически; если принять во вниманіе разумность человѣческаго рода, которая, составляя его существенный признакъ по сравненію съ остальными живыми существами, населяющими землю, всегда давала ему преимущества въ свободѣ размноженія и разселенія по земному шару; если взять всю численность человѣческаго рода въ настоящій моментъ и по этимъ даннымъ вычислить время, въ теченіе котораго могло накопиться это населеніе изъ *одной* пары, то при этихъ условіяхъ получится *высшій* предѣлъ продолжительности существованія на землѣ человѣчества. Само собою разумѣется, что возможно говорить лишь о некатегорическомъ опредѣленіи средняго годоваго прироста человѣческаго населенія за все существованіе человѣческаго рода, трактуя о *низшемъ* и о *высшемъ* предѣлѣ этого знаменательнаго числа и составляя себѣ *форсированное* понятіе о высшемъ предѣлѣ длительности существованія на землѣ человѣка. Вышеуказанный низшій предѣлъ средняго годового прироста человѣческаго населенія также не можетъ быть опредѣленъ категорически; но, очевидно, онъ не слишкомъ малъ (насколько объ этомъ возможно заключить частію на основаніи современныхъ имѣющихся статистическихъ данныхъ о движеніи человѣческаго населенія, частію въ силу разумности человѣческой породы). Отсюда можемъ сдѣлать заключеніе, что человѣческій родъ имѣетъ не слишкомъ давнее происхожденіе.

Этотъ родъ существуетъ не такъ долго, какъ вычисляютъ позитивисты, выдающіе иногда свои разсчеты за категорическіе выводы науки. Если принять ту огромную продолжительность существованія человѣческаго рода, которую высчитываютъ историки-позитивисты, и притомъ допустить происхожденіе этого рода не отъ одной пары, какъ думаютъ естественники-позитивисты, то средній годовой приростъ человѣческаго населенія пришлось бы принять почти *нулевымъ*, свидѣтельствующимъ либо о чрезмѣрной глупости человѣческаго рода по сравненію съ прочими породами, либо (что, конечно, гораздо вѣроятнѣе) о несостоятельности категорическихъ исчисленій

позитивистовъ по вопросу о продолжительности существованія на землѣ человѣчества.

Всѣ прочіе образы прошлаго (какъ и образы будущаго), относящіеся къ живой природѣ и человѣку и возстановляемые по неполнымъ слѣдамъ, слѣдуетъ принимать некатегорически и съ осторожностью, т. е. измѣрять некатегорическими масштабами. Въ некатегорическомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать, напримѣръ, знаменитое выраженіе Кювье о возможности по одной изъ костей допотопнаго животнаго возстановить весь его образъ. Мы знаемъ, что аналитическія формы и образы выражаются аналитическими функціями и что достаточно знать аналитическую функцію лишь на самомъ маломъ ея протяженіи, чтобы затѣмъ извѣстными въ математикѣ способами ее продолжить, т. е. возстановить точно и категорически полное ея теченіе, опредѣляющее весь соотвѣтствующій образъ или форму. Образъ животнаго и особенно его костный скелетъ обусловленъ въ значительной мѣрѣ аналитическими условіями его существованія, безъ которыхъ живой организмъ терялъ бы скрѣпляющія его связки и скрѣпы. Въ общемъ можно судить по кости о цѣломъ скелетѣ животнаго и о его внѣшнемъ образѣ. Однако, въ организмѣ животнаго имѣются такъ называемыя, «дисгармоніи», т. е. уклоненія отъ аналитическаго образа, являющіяся орудіями интеллектуальной автономіи,—и эти «дисгармоніи» могутъ болѣе или менѣе распространяться не только на мягкія и хрящевыя части тѣла животнаго, но и на его костный скелетъ.

Интегрируясь и накопляясь въ біофизическомъ и соціалфизическомъ процессѣ природы и во времени, эти и всякія другія «дисгармоніи» или, вѣрнѣе, матеріальныя орудія интеллектуальной функціи то просыпаются, то засыпаютъ и осуществляютъ въ живомъ естественно-историческомъ и историческомъ процессѣ посредствомъ соотвѣтствующихъ интеллектуальныхъ мотивовъ психоаритмологическія и этическія закономѣрности міровой психофизіологіи, приводя къ крупнымъ итогамъ, ускользающимъ лишь отъ поверхностнаго или невнимательнаго взгляда. Мѣрная неопредѣленность и некатегорическій мас-

штабъ—эти два термина не слѣдуетъ забывать психофизіологу, разсматривающему жизнь вселенной.

23. Мысль человѣка въ области историческаго сужденія должна, избѣгая игнорированія и агностицизма, искать опору въ истинномъ гносеологическомъ раціонализмѣ, измѣряющемъ довѣріе, даваемое свидѣтельствамъ разумныхъ существъ, дѣйствовавшихъ въ полѣ общечеловѣческаго историческаго культурнаго сознанія. Истинный раціонализмъ этотъ, основанный на жизни, опытѣ и критикѣ чистаго индивидуальнаго и коллективнаго сознанія и на разсмотрѣніи, съ другой стороны, правильно оцѣненнаго внѣшняго или физіологическаго опыта, долженъ категорически отдѣлить себя какъ отъ спутаннаго (схоластическаго, сенсуалистическаго и пр.) индетерминизма и отвлеченнаго (платоническаго) идеализма, такъ и отъ позитивныхъ и натуралистическо-дарвинистическихъ теорій, остерегаясь пониженности содержащагося въ нихъ раціонализма, приводящей ихъ въ тѣсную связь съ ирраціональными системами.

Чѣмъ вообще истинный раціонализмъ отличается отъ ирраціональныхъ системъ? Тѣмъ, что онъ, отзывается полнымъ несогласіемъ на призывъ принять тотъ принципъ, что будтобы есть абсолютно безсознательныя иниціативы (начала) въ творческихъ процессахъ природы и духа. Гдѣ нѣтъ сознательной творческой иниціативы, тамъ процессъ пассивенъ и течетъ аналитически (механически, психомеханически). Творчество внѣ личнаго сознанія есть суевѣріе, ирраціонализмъ, допускаемый однако не только необразованными людьми, но и философами. Въ древности такой ирраціонализмъ допускали ученые прорицатели и авгуры, встрѣчавшіе однако и возраженія также у древнихъ философовъ-раціоналистовъ (напр. у Цицерона); нынѣ возможность абсолютно слѣпого творчества допускаютъ эволюціонисты разныхъ категорій, начиная отъ крайнихъ матеріалистовъ до эмпирико-сенсуалистовъ, отожествившихъ, какъ мы видѣли выше, функціи сознанія съ функціями ощущенія и помѣстившихъ процессы чистаго сознанія, отрѣшенные отъ ощущенія, не въ центрѣ сознанія, какъ это дѣлаютъ истинные раціоналисты, а въ области безсознательнаго. Они не пожелали

принять во вниманіе, что человѣческое чувствилище (сѣдалище мысли и чистаго сознанія) имѣетъ въ сферѣ ощущенія два живо сознаваемыхъ мышленіемъ предѣла, за которыми дѣйствуетъ лишь сознаніе, а чувствительность чувствилища притупляется: одинъ предѣлъ обусловленъ чрезмѣрною удаленностью вещей, а другой—чрезмѣрной близостью вещей, ускользающею изъ области ощущеній. Эти два предѣла, поставленные для сенсуально-эмпирическихъ функцій чувствилища, имѣютъ силу не только во внѣшнихъ (вызываемыхъ физіологическимъ процессомъ), но и во внутреннихъ чувствилищныхъ опредѣленіяхъ, *вызываемыхъ жизнью чистаго сознанія* и составляющихъ *опытъ чистаго сознанія*.

При разсмотрѣніи внутреннихъ чувствилищныхъ опредѣленій, зависящихъ отъ жизни чистаго сознанія (созерцанія), усматриваемъ въ своемъ «я», что эти два предѣла представляются какъ бы концентрическими сферами, и чувствилище оказывается не чувствительнымъ какъ къ тому, что лежитъ за предѣлами внѣшней сферы, такъ и къ тому что лежитъ внутри внутренней сферы, гдѣ царствуетъ одно чистое сознаніе и особая, лишь ему свойственная утонченная автономная оцѣнка опыта. Для тѣхъ, кто не согласенъ допускать другихъ мѣрилъ, кромѣ сенсуалистическо-эмпирическихъ, опирающихся на физическія ощущенія, вызываемыя посредничествомъ физіологическаго процесса и отличающіяся низкотонными вибраціями, болѣе или менѣе закрытъ доступъ въ этотъ міръ чистаго сознанія и его утонченнаго чувства мѣры, его прозорливаго и «мѣрно судящаго глаза», и пробѣлъ этотъ для нихъ можетъ быть заполненъ лишь ирраціонализмомъ, допущеніемъ въ исторіи, въ соціальной жизни и въ личной жизни слѣпыхъ творческихъ началъ. Напротивъ, истинный раціонализмъ, не допуская возможности безсознательнаго творчества, видитъ въ этомъ мірѣ чистаго сознанія область высшаго сознательнаго творчества и вдохновенія, область особаго, критически начинаемаго и передаваемаго ощущенію взаимодѣйствія личнаго центральнаго чистаго сознанія даннаго субъекта съ личнымъ сознаніемъ другихъ субъектовъ. Этой жизни чис-

таго сознанія принадлежитъ способность мѣрнаго мышленія, —и тѣ точнѣйшія опредѣленія чистыхъ математическихъ и этическихъ понятій, изъ которыхъ развиваются анализъ, аритмологія, этическая оцѣнка авторитетовъ, оцѣнка вѣроятностей, принадлежатъ именно области чистаго сознанія.

Изъ этой области *вдохновенія и мысли* критически обозрѣваются какъ незыблемыя аналитическія и психоаналитическія, такъ и аритмологическія аксіомы, догмы морали и права и догматы религіи, а равно и личные авторитеты во всѣхъ жизненныхъ областяхъ и тотъ всеобщій, объединяющій аритмологическое многообразіе, живой этическій Авторитетъ, который есть Истина, свидѣтельствовавшая о Себѣ въ историческомъ процессѣ также и внѣшнеэмпирическими явленіями.

Чистое сознаніе, способное къ вдохновенію, какъ особому взаимодѣйствію съ прочими областями разума и разумныхъ силъ, по праву является необходимымъ и важнымъ элементомъ въ полнотѣ критерія не только обособленной личной сознательной психической жизни, но и въ историческомъ сужденіи и познаніи, въ которомъ мы ищемъ общихъ и общечеловѣческихъ авторитетныхъ сознательныхъ началъ. Къ голосу этой простой критики, обнимающему совѣсть, должны прислушиваться умъ, чувство и воля. Сердце есть чувство, отличное отъ ощущенія тѣмъ, что оно переработано жизнью и критикою чистаго личнаго сознанія подъ вліяніемъ всеобщаго Сознанія. Разумъ есть умъ, подвергшійся переработкѣ подъ вліяніемъ жизни и критики также всеобщаго чистаго Ссознанія.

Въ защиту истиннаго раціонализма противъ возраженій, справедливыхъ лишь по отношенію къ узкимъ и спутаннымъ раціоналистическимъ системамъ, возводящимъ либо разумъ человѣка, либо разумъ того или другого человѣческаго общества въ кумиръ, слѣдуетъ сказать, что истинный раціонализмъ чуждъ поклоненія кумирамъ. Онъ есть строго осмысленное разумное отношеніе ко всѣмъ цѣнностямъ и благоговѣйное почтеніе къ первоисточнику всѣхъ цѣнностей, Божественному Разуму. Обладая широкою всеобщею логикою, доказательство которой есть свидѣтельство сознанія личныхъ разумныхъ су-

ществъ и мѣрное сужденіе, истинный раціонализмъ ищетъ въ безконечно чудесномъ мірѣ безконечный разумный Авторитетъ и, поэтому, не даетъ и человѣческому разуму чрезмѣрной оцѣнки.

Въ личной жизни человѣка, разумъ, какъ дѣятельная сила чистаго сознанія и его утонченнаго опыта, объединяетъ своимъ связнымъ логическимъ и практическимъ сужденіемъ всѣ сознательныя душевныя функціи ума, сердца и воли и координируетъ ихъ въ объективномъ этическомъ аритологическомъ міровоззрѣніи, внося посредствомъ этой координаціи посильную дисциплину въ свои функціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ правильно развитый разумъ (совѣсть), присутствуя при всѣхъ сознательныхъ иниціативахъ ума, сердца и воли, не только не подавляетъ благихъ иниціативъ, а помогаетъ ихъ осуществленію, какъ мудрый добрый слуга.

Безсильный тогда, когда какая-либо функція души дисгармонируетъ, правильно развитой разумъ тѣмъ не менѣе своими утонченными усиліями постепенно помогаетъ исправленію этой дисгармонирующей функціи, дѣйствуя иногда почти незамѣтнымъ для чувства процессомъ своего чистаго сознанія, связаннаго со всеобщимъ чистымъ сознаніемъ.

Истинный раціонализмъ допускаетъ несознательность чужой иниціативы: всякая чужая, скрытая отъ меня, иниціатива кажется моему «я» безсознательнымъ творческимъ процессомъ. Эта безсознательность не абсолютная, а относительная. Тамъ, гдѣ произошло скрытое отъ меня иниціативное измѣненіе, гдѣ случился живой аритмологическій перерывъ прежняго порядка и положено начало новому порядку,— тамъ есть виновники, т.-е. существа, которыя положили эту мною несознаваемую иниціативу, и они сознаютъ и знаютъ это. Состояніе такого относительно безсознательнаго для одной изъ сторонъ взаимоотношенія можетъ простираться не только на область ощущенія, но и на область чистаго сознанія, въ которой это взаимоотношеніе является гипнотическимъ внушеніемъ и непонятнымъ по своему происхожденію вдохновеніемъ талантливыхъ людей.

Ощущеніе и его функціи и проблемы стоятъ особымъ промежуточнымъ звеномъ между внутреннимъ міромъ чистаго сознанія и внѣшнимъ міромъ, налагая на цѣлый душевный строй человѣка свои сенсуалистическія и эмпирическія краски. Эммануилъ Кантъ, поставившій рѣзко и ясно вопросъ о различіи чистаго сознанія отъ ощущенія, обезсмертилъ свое имя уже одною постановкою этого вопроса, хотя онъ не дошелъ до полнаго выясненія принциповъ этой дифференціаціи и координаціи функцій сознанія.

Лапласъ лучше освѣтилъ мѣрную сущность этихъ вещей своими столько же краткими, сколько и глубокими точными сужденіями о мірѣ чувствилища и о границахъ, положенныхъ для функцій ощущенія и опыта; но и геній Лапласа не преодолѣлъ того предразсудка, какой образовался въ умахъ ученыхъ эмпириковъ, и оставилъ другимъ философамъ и ученымъ докончить имъ незаконченное. Русскіе философы (проф. Кудрявцевъ, Влад. Соловьевъ и другіе) глубоко раскрываютъ ученіе о жизни и опытѣ чистаго сознанія.

Свойства функцій чистаго сознанія и сопоставленія ихъ съ ощущеніями должны занимать центральное мѣсто въ области научной психологіи и въ теоріи познанія, а также въ педагогикѣ, въ соціальной техникѣ и въ рѣшеніи проблемъ *истинно раціональнаго* государства. Ощущеніе способно заглушать тонкую работу чистаго сознанія. Но, подчинившись чистому сознанію, ощущеніе помогаетъ ему своимъ опытомъ, дающимъ ему въ возвратъ оживленный чувствомъ матеріалъ. Сознаніе перерабатываетъ продукты ощущенія и опыта, выводя изъ этой переработки новыя комбинаціи. Гдѣ предѣлы такого творчества? Они видны лишь въ далекихъ горизонтахъ, какія въ состояніи намѣтить философія, наука, религія и соціально-государственная техника, когда онѣ не находятся въ разладѣ, работая надъ осуществленіемъ высшаго синтеза.

Люди съ сильнымъ развитіемъ процессовъ чистаго сознанія и его функцій, съ одной стороны, управляютъ ощущеніемъ, отрѣшаются отъ его грубыхъ и фанатическихъ дисгар-

моній и, съ другой стороны, развиваютъ въ себѣ истинное нравственное чувство, оберегая себя отъ нежелательныхъ упадковъ его животворной силы. Они стараются не впадать въ пессимистическія и оптимистическія миражи ощущенія и критикою чистаго сознанія почувствовать истинную мѣру. Найдя ее, они пріучаютъ себя во имя высшихъ идеаловъ къ жизненному опыту чистаго сознанія въ формѣ привычныхъ мотивовъ, и можно удивляться позитивистамъ и сенсуалистамъ, не замѣчающимъ этого жизненнаго соотношенія между сознаніемъ и ощущеніемъ. Святой праведникъ, подвижникъ, мученикъ, истинный ученый и художникъ, герой—воинъ, герой—гражданинъ, вдохновленные опытомъ и процессомъ чистаго сознанія, легко переносятъ лишенія, физическую боль, поглощаясь этими жизненными процессами, не уничтожающими функцій ощущенія, но пересоздающими ихъ. Работа этихъ вдохновенныхъ людей и движетъ главнымъ образомъ человѣчество по пути умственнаго и нравственнаго прогресса. Таковъ раціональный законъ творчества, которое можно назвать истинною (не слѣпою) эволюціей. Если взглянуть на историческій процессъ въ его отдаленномъ и близкомъ прошломъ съ точки зрѣнія истиннаго раціонализма, опирающагося на критическіе авторитеты чистаго сознанія и его опыта, то увидимъ особую эволюцію, и эта міровая и соціальная эволюція представится разумнымъ созданіемъ, чуждымъ ирраціонализма.

Участіе не только высшаго разума Творца, отраженное во всемъ мірозданіи, но и творческаго таланта людей было въ историческомъ ходѣ вещей столь непосредственнымъ, столь независимымъ отъ употребленія матеріальныхъ орудій и символовъ, что мертваго слѣда или памятника отъ этихъ дѣлъ не остается. Мы видимъ предъ глазами, сколько интеллектуальныхъ личныхъ взаимоотношеній не попадаютъ ни въ какія описанія, біографіи и памятники внѣшняго матеріальнаго характера, и матеріальные слѣды даже крупныхъ дѣятелей даютъ впослѣдствіи лишь очень неполное понятіе объ этихъ лицахъ: остаются отъ многихъ людей лишь могилы и кости,

да и эти памятники могутъ исчезать. Нужно искать живыхъ памятниковъ въ живомъ преемственномъ сознаніи.

Исходя изъ очевидности внутренне-эмпирическихъ фактовъ интерполирующаго чистаго сознанія и добросовѣстно экстраполируя въ далекія области прошлаго, мы должны признать основательность болѣе широкой вѣры, что внутренне-эмпирическія духовныя явленія были всегда, и что они проявлялись, не оставляя по себѣ, какъ и теперь, внѣшнихъ эмпирическихъ слѣдовъ. Поэтому вся антропологія, какъ наука, и все ученіе о происхожденіи видовъ, приведенное въ систему на основаніи точной аритмологической теоріи познанія, могутъ въ эмпирическихъ выводахъ, основанныхъ на остаткахъ внѣшнихъ документовъ, быть обсуждаемы лишь некатегорически, при категорическомъ синтетическо-критическомъ религіозномъ признаніи, что высшія разумныя начала самостоятельно существовали *всегда* въ міровой жизни, а затѣмъ сообщены были человѣческому роду въ лицѣ его родоначальниковъ. Истинные свидѣтели религіознаго критерія предлагаютъ желающимъ чаще жить чистымъ сознаніемъ и пользоваться его простымъ, общедоступнымъ опытомъ, для котораго лабораторіей служатъ то келья подвижника, то подвижническая общественная арена. Чувствилище съ его сознаніемъ, погруженное въ область, въ которой распространяются какъ физическіе видимые и невидимые лучи и токи и индукціи на разстояніи, такъ и интеллектуальныя индукціи и дедукціи, связано многочисленными тончайшими путями воспріятія (познанія) и вліянія (интеллектуальнаго дѣйствія) съ «не—я». Если эти пути приведены въ дѣйствіе съ одного конца, то вліяніе передается другому концу. При такихъ условіяхъ для положительныхъ вдохновеній нужны лишь незаглушенная жизнь чистаго сознанія и напряженное вниманіе въ разныхъ направленіяхъ и въ томъ числѣ вниманіе, желаніе и усиліе познать нравственную Истину: просите, и вамъ дадутъ; постучите въ дверь, и вамъ отворятъ. Если слышится перекрестный разговоръ многихъ, то изъ общаго потока рѣчей, втекающихъ въ ваши уши и составляющихъ шумъ,

вы можете, если желаете, усиленнымъ вниманіемъ выдѣлить рѣчь опредѣленнаго лица и услышать ее; но можете пропустить мимо ушей и такую рѣчь, которая произносится отчетливо и ясно.

Такъ называемыя «естественныя» объясненія творческихъ началъ, принадлежащія «раціоналистамъ», на самомъ дѣлѣ ирраціонально допускаютъ сверхъестественное чудо слѣпого міротворенія (слѣпую эволюцію), и, конечно, въ глазахъ здраваго смысла такія объясненія должны уступить дорогу истиннымъ объясненіямъ, допускающимъ лишь критическое сверхъестественное чудо міротворенія и текущаго міроуправленія и ставящимъ свое сознаніе въ связь съ живыми могущественными источниками этихъ критическихъ видимыхъ и невидимыхъ началъ. Отсюда беретъ свое происхожденіе этическое и религіозное познаніе вообще и этическо-религіозный элементъ и соотвѣтствующій опытъ въ историческомъ сужденіи *). При

*) Религіозное сознаніе, чувствуя (опытомъ и жизнью чистаго сознанія) во всѣхъ великихъ и малыхъ явленіяхъ психофизіологіи вселенной невидимое присутствіе высшей міровой Психики (міровой души, по выраженію Влад. Соловьева), свидѣтельствуетъ, что Премудрость была прежде всего,—и это свидѣтельство не только не противорѣчитъ аритмологическому или психо-аритмо-механическому взгляду на вселенную ни въ какомъ отношеніи: ни математически, ни діалектически, ни эмпирически, но является *естественнымъ* звеномъ аритмологическаго міросозерцанія. Эту *критическую* тайну религіознаго свидѣтельства, разумно естественную, подобную тайнѣ безконечно далекихъ вещей и тайнѣ безконечно близкихъ вещей, психоаритмологи (Декартъ, Паскаль, Ньютонъ, Лейбницъ, Бюффонъ, Лапласъ, Кетле и другіе) съ своей стороны всегда противопоставляли *некритической* тайнѣ, къ которой принадлежитъ мистика матеріализма, фетишизма и позитизма, допускающаго *абсолютно безсознательную творческую инициативу*. Эти некритическія вѣрованія Лапласъ и другіе раціоналисты—аритмологи называютъ предразсудками. Вѣра въ эти некритическія сверхъестественныя чудеса есть суевѣріе. Но критическое чудо (творчество духовно-разумнаго существа) не противорѣчитъ природѣ.

Историческое религіозное сознаніе послѣдовательно и въ своемъ анализѣ: такъ, оно строитъ свои генетическіе ряды, возстановляя въ своей памяти *непрерывныя* родословія, которыя только и могутъ абсолютно точно рѣшать аналитическіе вопросы о происхожденіи. Оно, напримѣръ, не „мудрствуя“ хитросплетенно и не гадая, даетъ непрерывную цѣпь

этомъ для спеціальнаго научнаго изслѣдованія, условно отвлекающагося отъ разсмотрѣнія религіозныхъ вдохновеній, не нужно измышлять ирраціональныхъ теорій происхожденія міра и человѣка.

Для многихъ этико-соціальныхъ наукъ бываетъ достаточенъ лишь простой принципъ, что были боговдохновенные родоначальники человѣческаго рода и что уже у самаго порога высокой человѣческой культуры началось моральное раздвоеніе съ его послѣдствіями. Высокая врожденная и естественная разумность отдаленнѣйшихъ предковъ человѣческаго рода видна изъ древнихъ литературъ и другихъ памятниковъ культуры; видны также и слѣды смѣны высокихъ и сильныхъ древнихъ организацій человѣчества послѣдующими вырожденіями.

Историческая наука и исторія религій тѣсно связаны между собою. Въ цѣляхъ выясненія этическихъ и соціальныхъ вопросовъ онѣ въ своихъ изслѣдованіяхъ должны имѣть

родословія Основателя христіанской Церкви. Лучшіе психоаналитики, какъ Спиноза, въ вопросахъ о критической тайнѣ судятъ правильно. Влад. Соловьевъ въ статьѣ: „Понятіе о Богѣ“, трактующей въ точной сжатой формѣ историческое сужденіе въ связи съ понятіемъ о Божествѣ, правильно беретъ подъ свою условную защиту Спинозу; онъ, очевидно, цѣнитъ Спинозу лишь какъ аналитика, не считая его проникшимъ въ такія свойства Божества, которыя мы назвали бы психоаритмологическими (Тріединство).

Содержаніе критической тайны религіознаго сознанія аналогично той критической тайнѣ, которая заключена въ невидимомъ факторѣ физико-химическихъ наукъ, называемомъ иногда эфиромъ, передающемъ лучи, притяженія и энергію чрезъ междузвѣздныя и междупланетныя пространства, чрезъ твердыя, жидкія и газообразныя тѣла, чрезъ непрозрачныя среды и т. д. и не задерживающемъ движенія тончайшихъ кометъ своимъ треніемъ. Сѣдалища мысли, способныя уловлять функціи этого фактора, имѣютъ съ нимъ несомнѣнное сродство, независимое отъ видимой физіологической тѣлесной организаціи. Неразрушенная низшею чувственностію сила духа людей, больныхъ физически (какъ Паскаль) или престарѣлыхъ (какъ списанный съ натуры старецъ Зосима у Достоевскаго или, напримѣръ, В. Гюго, Гладстонъ и пр.), есть свидѣтельство о себѣ духа у самаго порога потусторонней жизни.

дѣло со всѣми живыми настроеніями, гипотезами и вѣрованіями, проникающими въ сужденія, основанія, мотивы и нравы интеллектуальнаго міра,—со всѣми не только категорическими, но и некатегорическими положеніями, состояніями, настроеніями и возможностями, какъ въ прошлой и текущей реальной дѣйствительности, такъ и въ будущемъ съ его многими возможностями, способными *становиться* и *бывать*. Будущее должно занимать изучающаго всеобщій историческій міровой процессъ для уразумѣнія согласнаго съ этическими критеріями подвига жизни и вообще для правильнаго отдѣленія въ немъ (въ будущемъ) категорическаго отъ некатегорическаго и притомъ не въ смыслѣ только механическаго предсказанія, но и въ смыслѣ волящаго психоаритмологическаго и этическаго категоризма, указывающаго нашъ долгъ, который мы обязаны исполнить для опредѣленныхъ нравственныхъ цѣлей. Пусть категорическія положенія вещей обнимаютъ въ координаціи этой вселенной, въ ея психофизіологіи и въ моралькинематикѣ лишь одинъ уголъ или, такъ сказать, одинъ весьма тонкій слой, который можно назвать слоемъ категорическихъ (физическихъ, физіологическихъ, психомеханическихъ, аналитическихъ и предѣльныхъ аритмологическихъ) основъ (аксіомъ, догмъ, догматовъ и заповѣдей) науки и религіи и вытекающихъ отсюда поводовъ и мотивовъ взаимоотношеній и взаимодѣйствій. Тѣмъ не менѣе этотъ слой очень важный, кардинальный въ оцѣнкѣ міровыхъ взаимоотношеній и взаимодѣйствій, ибо вся некатегорическая координація вселенной (какъ мы видѣли выше) на него опирается: отраженные въ живомъ сознаніи категорическіе тезисы, аксіомы, постулаты, императивы, обѣты и догматы вѣры суть маяки, путеводные огни и якори спасенія какъ для координированной и гармонически уравновѣшенной мысли и воли, такъ и для колеблющейся блуждающей человѣческой мысли и воли. Даже въ ошибочныхъ, но живыхъ категорическихъ элементахъ познанія, субъективно преломившихся въ заблуждающемся сознаніи какъ признанная имъ достовѣрность, есть своя цѣнная сторона: *вѣрность* разумнаго носителя этихъ живыхъ

субъективныхъ достовѣрностей своимъ категорическимъ принципамъ. Эта вѣрность все-таки достойна уваженія, ибо съ заблуждающимся, но вѣрнымъ носителемъ хотя бы части истины можно имѣть опредѣленную нравственную связь, не встрѣчая съ его стороны коварства и измѣны. Однако и некатегорическіе (аритмологическіе, психоаритмологическіе) элементы знанія, согласованные съ нравственными требованіями, для насъ важны, цѣнны и святы, давая намъ истинную свободу дѣйствія, соединенную съ этическими критеріями, необходимыми для того, чтобы не впасть въ заблужденіе и чтобы избѣгнуть коварства и измѣны. Потребность познать въ историческомъ и соціальномъ процессѣ эти элементы, различая классы и степени некатегоричностей и выводя критеріи добраго и злого, истиннаго и ложнаго, составляетъ жажду человѣка, которую онъ стремится удовлетворить своими субъективно ограниченными средствами, отыскивая пути для правильнаго участія въ созиданіи личнаго, соціальнаго и міроваго блага. Историческое научное и религіозное синтетическо-критическое сужденіе, опираясь на всю совокупность памятниковъ и свидѣтельствъ, можетъ сблизить желающаго съ тѣми живыми носителями элементовъ религіи и науки, которые стоятъ сколь возможно ближе къ объективной истинѣ и къ истинной справедливости, къ той Премудрости, которая опредѣляетъ гармоническое подвижное равновѣсіе интеллектуальныхъ и физическихъ вещей, т. е. разумно отдѣляетъ истинными объетивными математическими и этическими мѣрилами категорическое отъ некатегорическаго и некатегорическое однѣхъ степеней отъ некатегорическаго другихъ степеней.

Историческая наука, подводящая свои сужденія подъ координированныя критическія нормы аритмологическаго міросозерцанія, находитъ, кромѣ мертвыхъ слѣдовъ прошлаго, живыя его памятники. Эти памятники находятся въ живомъ преданіи и въ живыхъ преемственныхъ организаціяхъ. Мудрость проложила пути въ человѣческомъ обществѣ, создавъ въ немъ покрытыя сѣдою древностью драгоцѣнныя культур-

ныя учрежденія: церкви, монастыри, академіи, университеты, школы, литературы и разныя общественныя и политическія организаціи, въ которыхъ хранится рядомъ съ писаніями и другими мертвыми памятниками еще и живая непрерывная культурная традиція, превращающая цивилизованныя человѣческія общества въ организмы, объединенные связью и разумнымъ распредѣленіемъ функцій между отдѣльными частями.

Эта традиціонная историческая психофизіологическая закваска необходима для колеблющихся неофитовъ, у которыхъ образовался въ сознаніи *положительный* психоаритмологическій наклонъ (а положительныя свидѣтельства исторіи каждому колеблющемуся могутъ дать разумное основаніе къ такому наклону). Въ культурномъ человѣческомъ обществѣ всякій неофитъ можетъ найти натуральную положительную среду, которая, при дѣятельномъ съ нею соприкосновеніи, при участіи въ ея упражненіяхъ и при врожденной естественной способности сознанія къ оцѣнкѣ и къ синтезу, поможетъ дальнѣйшему успѣху его положительнаго настроенія и познанія. Паскаль и за нимъ Лапласъ разсматриваютъ эту психоаритмологическую реакцію, въ которой сознаніе колеблющагося и сомнѣвающагося переживаетъ вышеупомянутый процессъ при условіяхъ наименьшей затраты жизненныхъ силъ, такъ какъ искомый результатъ здѣсь получается въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ нечувствительныхъ видоизмѣненій и предрасположеній сознанія и укрѣпляется силою привычки и разумныхъ связей. Засасывающая психоаритмологическая реакція традиціонной среды, положительная, какъ и отрицательная, изображается всѣми мудрецами, древними и новыми, совѣтующими избѣгать отрицательныхъ связей и чаще погружаться въ положительную среду, чтобы выносить изъ нея безъ особаго напряженія убѣжденія и навыки. Развивая этотъ принципъ по отношенію къ религіозному вѣрованію, требующему наивысшаго синтеза, Лапласъ приводитъ слова Паскаля, который обращается къ невѣрующему *): «Вы

*) *Laplace*: „Théorie analytique des probabilités“. Introduction. 3-ème édit. Paris. 1820.

«хотите придти къ вѣрѣ и вы не знаете къ ней дороги. Вы «хотите излѣчиться отъ невѣрія и вы спрашиваете отъ него «лѣкарства. Узнайте объ этомъ отъ тѣхъ, кто были такими, «какъ и вы, и которые въ настоящее время не имѣютъ ни- «какого сомнѣнія. Они знаютъ эту дорогу, по которой вы «захотѣли бы идти, и они излѣчились отъ той болѣзни, отъ «которой и вы хотите выздоровѣть. Подражайте способу, ко- «торымъ они начали. Подражайте ихъ внѣшнимъ дѣйствіямъ, «если вы не въ состояніи еще войти во внутреннее настрое- «ніе. Бросьте эти суетныя удовольствія, которыя васъ всецѣло «занимаютъ и поглощаютъ. Я бы скоро бросилъ эти удо- «вольствія, если бы я имѣлъ вѣру, говорите вы. А я вамъ «говорю, что вы скоро получите вѣру, если бросите эти удо- «вольствія. Слѣдовательно, вамъ надо начинать. Если бы я «могъ, я бы вамъ далъ вѣру; но я этого не могу, а слѣдова- «тельно не могу испытать истины того, что вы говорите. «Но вы очень можете бросить эти удовольствія и испытать, «истинно ли то, что я вамъ говорю.

«Не слѣдуетъ самого себя не знать: мы въ той же мѣрѣ «тѣло, какъ и духъ; а отсюда слѣдуетъ, что орудіе, посред- «ствомъ котораго создается убѣжденіе, не есть только до- «казательство. Сколь мало вещей доказанныхъ? Доказатель- «ства убѣждаютъ лишь умъ: привычка дѣлаетъ наши дока- «зательства болѣе сильными. Она склоняетъ чувства, кото- «рыя увлекаютъ умъ, не давая ему даже подумать. Кто дока- «залъ, что завтра будетъ день и что мы умремъ? И есть ли «что-либо, принимаемое съ болѣе всеобщею вѣрою? Слѣдова- «тельно, это привычка, которая насъ въ этомъ убѣждаетъ; «это она создаетъ столько турокъ и язычниковъ; это она со- «здаетъ ремесла, солдатъ и т. п. Правда, не слѣдуетъ начи- «нать съ нее, чтобы найти истину; но надо прибѣгать къ ней, «разъ умъ увидѣлъ, гдѣ находится истина, чтобы напоить «себя и окраситься этимъ вѣрованіемъ, которое ускользаетъ «отъ насъ ежечасно. Ибо было бы лишнимъ имѣть всегда «наличное для нея доказательство. Надо пріобрѣтать вѣру «болѣе легкую, которая есть вѣра привычки, которая безъ

«насилія, безъ искусства, безъ доказательствъ заставляетъ «насъ вѣрить вещамъ и склоняетъ всѣ наши силы къ этому «вѣрованію, такъ что наша душа естественно въ него впа«даетъ. Недостаточно не вѣрить лишь въ силу доказательства, «если чувства влекутъ насъ къ вѣрѣ въ противное. Итакъ, «надо, чтобы двѣ наши части шли вмѣстѣ: разумъ вслѣдствіе «основаній, которыя достаточно увидѣть одинъ разъ въ жизни, «и чувства вслѣдствіе привычки, и не слѣдуетъ дозволять «имъ впадать въ разладъ» *).

Здѣсь Паскаль затрогиваетъ, между прочимъ, вопросъ о доказательствѣ и о недостаточности доказательствъ для познанія міровыхъ вещей. Паскаль правъ, если понимать доказательство лишь въ томъ смыслѣ, который нормируетъ ходъ вывода, даваемаго категорическою или аналитическою логикою Аристотеля, Спинозы и разныхъ другихъ аналитиковъ и психомехаников. Разсужденіе Паскаля есть глубокомысленный протестъ противъ этой односторонней логики и ея доказательствъ, когда она примѣняется неумѣстно, каковое примѣненіе ея есть насиліе надъ такою категорическою достовѣрностью, какъ здравый смыслъ и истинная свобода духа. Но современное математическое познаніе изощрило другую, безконечно болѣе широкую и вполнѣ точную логику и установило другой родъ доказательства, которое координируетъ конкретныя вещи, связанныя съ духовною природою, не впадая въ гносеологическую спутанность и психомеханическую пассивность и отыскивая свидѣтельство о могучей благой Волѣ. Логика аналитическая, доказательства которой Паскаль вдохновенно опротестовалъ, какъ мы выше сказали является лишь незначительнымъ частнымъ случаемъ этой общей психоаритмологической логики.

Эта всеобщая логика, примѣненная къ историческому сви-

*) Въ послѣднихъ словахъ Паскаля легко угадать намекъ на тотъ *единственный* эмпирическій лучъ или фактъ исторіи, который основалъ христіанское міросозерцаніе и о которомъ, какъ объ эмпирическомъ основаніи христіанской нравственной философіи, Влад. Соловьевъ высказалъ много глубокихъ сужденій.

дѣтельству, различаетъ правдивость свидѣтеля, оцѣнивая числомъ вѣроятность того, что его свидѣтельство вѣрно, касается ли оно прошедшаго или будущаго, создаваемаго могучею рукою. Если свидѣтель всею своею личною закономѣрностію, явленною людямъ и полною жизненной осмысленности, послѣдовательности и нравственнаго подвига, запечатлѣлъ цѣльность мысли, чудесное могущество и правдивость дѣлъ, простирающуюся даже до осмысленной смерти въ мученичествѣ, то достовѣрность такого свидѣтельствующаго сознанія имѣетъ нравственную полноту. Съ другой стороны логика мѣрнаго сужденія съ точностію, обосновываемою строгимъ математическимъ мышленіемъ, дедуцируетъ при помощи извѣстной теоремы о вѣроятностяхъ свидѣтельствъ заключеніе, что грядущія нравственныя явленія дѣлаются въ силу нравственно достовѣрнаго свидѣтельства нравственно достовѣрными. Такую силу для вѣрующаго имѣетъ свидѣтельство Основателя христіанской морали, Богочеловѣческая земная жизнь Котораго есть осмысленный цѣльный эмпирическій фактъ, обновившій человѣчество и положившій начало *истинному гуманизму*.

Это свидѣтельство не замкнулось лишь въ сферу внѣшняго опыта, но связало себя съ областями жизни чистаго сознанія и его внутренняго опыта, съ опредѣленною группою какъ предшествующихъ вдохновеній, такъ и послѣдующихъ. Историческій процессъ культурныхъ народовъ неразрывно связанъ съ этими факторами, дѣйствующими изъ области жизни и опыта общечеловѣческаго сознанія. Живыя христіанскія вѣрованія проникли во всѣ слои культурнаго человѣческаго сознанія, являясь великимъ этическимъ факторомъ. Они проникли къ простому народу, сдѣлавъ его этически просвѣтленнымъ и просвѣщеннымъ. Вдохновенія эти, обнимая высшія сферы чистаго общечеловѣческаго авторитетнаго религіознаго міросозерцанія, одинаково доступны какъ простецамъ, такъ и умудреннымъ людямъ. Эти вдохновенія проектируются въ наивномъ сознаніи какъ вѣра простая или вѣра дѣтская, а въ сознаніи мудреца какъ критико-синтетическая форма пониманія условій и обстоятельствъ нравственной духовной жизни. Моральная сущность этихъ благодатныхъ вліяній остается одина-

ковою при всѣхъ условіяхъ и независимою отъ личныхъ усилій человѣка настолько, что иногда простой человѣкъ оказывается прозорливѣе мудреца. Историческое сознаніе и философская и математическая синтетическая критика находятъ должное мѣсто этимъ *благодатнымъ началамъ* этическихъ отношеній, проникающимъ въ общественную жизнь и традиціонно живущимъ среди авторитетныхъ учрежденій народовъ, носящихъ въ себѣ высшую культуру.

Идя непрерывно по слѣдамъ исторіи, по которымъ текла христіанская культура съ ея началами истиннаго гуманизма и съ ея колебаніями, переживая отраженіе этихъ слѣдовъ въ текущей современности, чистое сознаніе и его критика могутъ испытать нѣкоторыя агностическія колебанія, которыя переживали такіе мыслители, какъ блаженный Августинъ и Паскаль или какъ многіе русскіе мыслители прошлаго вѣка; но напряженно живущее чистое сознаніе всегда заканчиваетъ на этомъ пути своего опыта и критики тѣмъ, что чувствуетъ истинность, теплоту и благодатность этихъ историческихъ традицій, постоянно ускользающихъ какъ отъ пониженнаго раціонализма, такъ и отъ сенсуалистическо-эмпирическихъ и другихъ ирраціоналистическихъ историческихъ сужденій. Въ матеріалахъ исторіи міра и человѣчества дано человѣчеству полное, гармоническое законченное нравственное знаніе, вытекающее изъ положительныхъ основаній и опредѣляющее какъ аналитическія основанія этики (аналитическіе догматы религіи и этико-соціальнаго ученія), такъ и въ собственномъ смыслѣ моральныя основанія (психоаритмологическіе завѣты, заповѣди, совѣты, привычки, нравы, ожиданія должнаго, риски и возмездія). Эта совокупность исторически обоснованныхъ этическихъ ученій сохраняется въ св. писаніи, въ авторитетныхъ живыхъ традиціяхъ Церкви и Академіи и въ авторитетной литературѣ. Споры церквей, религіозныхъ и научно-философскихъ сектъ и академій являются сопутствующимъ историческимъ явленіемъ; но они лишь для поверхностнаго ума подрываютъ авторитеты, приближающіе къ Истинѣ. Подлинное историческое христіанство, при *усиліи* желающаго, узнается (Царствіе Божіе пріобрѣтается усиліемъ). Оно внесло въ соціальную жизнь тотъ истинный гуманизмъ, который безконечно возвышается какъ надъ гуманизмомъ древнихъ (платоническимъ идеализмомъ и т. п.), такъ и надъ римскимъ и ватиканскимъ абсолютизмомъ и индетерминизмомъ, а равно надъ пассивнымъ христіанскимъ гуманизмомъ протестанства съ его ученіемъ объ оправданіи вѣрою безъ дѣлъ и надъ современнымъ гуманизмомъ непротивящихся. Среди

научныхъ и религіозныхъ дисгармоній сохраняется магистральный чистый лучь истиннаго нравственнаго познанія. Пониманіе и указаніе этого луча принадлежитъ людямъ *знающимъ*, которые много потрудились и даже состарились надъ писаніями и надъ живымъ опытомъ чистаго сознанія. Честолюбивыя соревнованія, пристрастія и поверхностныя отношенія не могутъ уничтожить благодатнаго посѣва, сдѣланнаго въ человѣческой средѣ.

Исторія міра и человѣчества, какъ она понимается въ аритмологическомъ или психо-аритмо-механическомъ міровоззрѣніи, не всегда категорически учитъ; но она умудряетъ, развивая нашу способность мѣрнаго сужденія объ автономіяхъ, помогая болѣе вѣрной оцѣнкѣ привычекъ, вещей, ожиданій, нравственныхъ достовѣрностей и вѣроятностей. Мудрецы древнихъ временъ цѣнили въ своей теоріи познанія такъ называемыя «притчи». Исторія и связанная съ нею статистика даютъ разуму поучительныя математическо-діалектическо-эмпирическія притчи и знаменія, помогающія оріентироваться въ категорическихъ и некатегорическихъ настроеніяхъ и положеніяхъ вещей. На канвѣ *хронологической* исторіи и *статистики* создается изъ этихъ притчей поучительная *философская* исторія, дающая уму уроки, какъ образцы, примѣры, пророчества и прообразы для будущаго. Чѣмъ многостороннѣе интеллектуальныя способности индивида, тѣмъ болѣе вынесетъ онъ изъ исторіи и статистики понятій, уроковъ и мотивовъ. Чѣмъ одностороннѣе и ослѣпленнѣе умъ и воля, тѣмъ болѣе они урѣжутъ и спутаютъ выводъ изъ этого матеріала.

Статистика вмѣстѣ съ исторіей, опираясь на ученіе о вѣроятностяхъ, опредѣляютъ во взаимодѣйствіяхъ и взаимоотношеніяхъ гносеологическо-динамическія *вліянія*, какъ особыя некатегорическія дѣйствія интеллектуальныхъ вещей на разумъ, сердце и волю существъ,—вліянія, которыя, какъ закономѣрности, обрисованы послѣдствіями труда евангельскаго сѣятеля, вышедшаго въ поле, чтобы сѣять сѣмя, и которыя зависятъ не только отъ сѣятеля, но и отъ настроенія воспринимающей сѣмя интеллектуальной почвы. Эти тон-

кія идейныя вліянія, некатегорическія во времени и въ капризахъ мѣрносвободной воли человѣка, статистически и синтетически складываются и аритмологически раздѣляются и не противорѣчатъ тому основному принципу точнаго познанія, что Творецъ все расположилъ мѣрою, числомъ и вѣсомъ,—не противорѣчатъ по тому, что и эти некатегорическія вліянія имѣютъ свое числовое мѣрило, выражаемое посредствомъ вѣроятностей. Это точное и тонкое мѣрило психологически заключено въ самомъ мышленіи, въ его точныхъ понятіяхъ и въ чувствѣ мѣры, а математически оно выражается особыми формулами *). Такимъ образомъ, психо-аритмо-механическая детерминація познанія, дѣйствія и вліянія, не упраздняя свободы воли, тѣмъ не менѣе подчиняетъ всѣ связи (взаимоотношенія и взаимодѣйствія) числовой закономѣрности. Историкамъ-моралистамъ приходится извлекать изъ этой детерминаціи средства особаго вліянія на культурное общество,—вліянія своими предсказывающими увѣщаніями и обличеніями (Карлейль, Моммзенъ, Достоевскій, Хомяковъ, Аксаковы, Самаринъ, Грановскій, Погодинъ, Сергѣй и Влад. Соловьевы, Чичеринъ и пр.). Такое какъ бы пророческое предсказаніе заботится высказаться въ своемъ обращеніи къ обществу не столько объ опредѣленіи хронологической и механической послѣдовательности вещей въ ходѣ грядущаго, сколько о вдохновеніи и разумномъ возбужденіи благой воли общества къ цѣлямъ грядущаго и о разумномъ обличеніи общественной лжи. Тамъ, гдѣ эти пророки-историки измельчали, изсякли и извратились,—тамъ уже наступило культурное вырожденіе общества, ничѣмъ непоправимое. Общество это пригодно развѣ лишь въ качествѣ загнившей почвы для произрастанія на ней новыхъ культуръ. Историкъ-моралистъ долженъ имѣть страсть: пылкое стремленіе къ тому безпристрастію, которое точно отдѣляетъ благія общественныя страсти отъ порочныхъ страстей, отъ пристрастій къ кумирамъ. Цѣлью же своихъ вліяній этотъ историкъ долженъ ставить многообразное эти-

*) Формулы этого рода указаны въ главѣ I нашей статьи: „Философія и логика науки...“.

ческое гармоническое единство различныхъ дѣлателей личнаго, общественнаго и міроваго блага.

Историкъ-спеціалистъ, изслѣдующій опредѣленную излюбленную область въ спеціализованномъ многообразіи, также долженъ имѣть страсть къ соотвѣтствующему *спеціальному* безпристрастію (къ условной точности). Въ общемъ многообразіи этическаго дѣйствія полезна каждая благая страсть, двигающая соотвѣтствующее дѣло, пока она не обращена въ кумиръ и повинуется истинному всеобщему синтезу.

Въ теоріи точнаго историческаго познанія и точно взвѣшеннаго цѣлесообразнаго этическаго дѣйствія нѣтъ пожертвованія всѣми интересами ради категоричности предвидѣнія всего многообразнаго будущаго, каковое предвидѣніе иногда пріобрѣтается средствами, равносильными нескромному вторженію въ чужую тайну, насилію, уничтоженію благотворной свободы тѣхъ или другихъ существъ. Въ этой теоріи должно быть постулятивно принято съ одной стороны, отрицаніе того теоретико-познавательнаго принципа Аристотеля и Спинозы, который сводитъ свободу къ иллюзіи, къ убѣжищу незнанія (asylum ignorantiae), и, съ другой стороны, утвержденіе теоретико-познавательнаго тезиса Паскаля, хотя и отождествившаго претензіи категорическаго всезнайства съ верхоглядствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ давшаго отпоръ агностикамъ и невѣждамъ, указавъ свойства истинной мудрости, оцѣнивающей значеніе вѣры, довѣрія и тонкихъ некатегорическихъ путей моральнаго и морально-историческаго познанія,—путей, соотвѣтствующихъ природѣ логическаго мышленія и глубочайшимъ свойствамъ духа.

24. Остановимъ вниманіе на одной тонкой, но важной по своимъ послѣдствіямъ погрѣшности, которую допустилъ Кетле, дѣлая попытку примиренія детерминаціи всѣхъ міровыхъ взаимоотношеній и взаимодѣйствій съ признаніемъ свободной воли. Разсматривая человѣческое общество, какъ организмъ, Кетле высказалъ слѣдующее глубокое соображеніе*): «Этотъ

*) Эти слова Кетле мы уже приводили въ нашей статьѣ: „Философія и логика...“ (стр. 74).

организмъ существуетъ благодаря консервативному началу, какъ все, что вышло изъ рукъ Всемогущаго; онъ имѣетъ также свою физіологію, какъ самое послѣднее изъ организованныхъ существъ. Когда мы воображаемъ себя смотрящими на него съ наивысшей точки зрѣнія, мы находимъ законы столь же точные, столь же непреложные, какъ законы, которые управляютъ небесными тѣлами; мы возвращаемся къ явленіямъ такой физики, въ которой свободная воля человѣка окончательно стушевывается, чтобы дать восторжествовать безъ препятствія только дѣлу Творца. Совокупность этихъ законовъ, которые существуютъ внѣ временъ, внѣ каприза человѣка, составляетъ особую науку, которую я нашелъ возможнымъ назвать *соціальною физикой*».

Въ этихъ словахъ Кетле сдѣлалъ шагъ къ исправленію указаннаго выше промаха Лапласа. Но здѣсь еще остается поводъ къ недоразумѣніямъ, такъ какъ Кетле говоритъ объ «окончательномъ стушевываніи» свободной воли *). Это стушевываніе принималось многими за ея упраздненіе, приводящее опять къ психомеханическому міровоззрѣнію. Совсѣмъ иначе опредѣлено міровое значеніе свободы воли во взглядахъ Николая Васильевича, который говоритъ не о стушевываніи свободы воли, а о ея силѣ, энергіи, разумности и т. д. Ничто существенное въ мірѣ не стушевывается. Если говорятъ о неуничтожимости неуловимыхъ атомовъ матеріи и если ихъ совокупность даетъ рѣзко выраженный характеръ физической сторонѣ міра, вполнѣ зависящій отъ свойствъ этихъ неуловимыхъ предметовъ бытія, то въ бо́льшей мѣрѣ должно говорить о неуничтожимости и о нестушевываніи свободной воли и ея дѣлъ: она консервативна, неистребима и въ предѣлахъ своего значенія создаетъ въ многомѣрномъ физическомъ и моральномъ пространствѣ не только индивидуальныя особенности траекторій бытія (біографій) отдѣльныхъ

*) Въ статьѣ: „Философія и логика науки...“ мы отмѣтили другое неясное выраженіе въ классическихъ трудахъ Кетле: невыясненность роли независимости, какъ условія постоянства въ итогахъ (изъ года въ годъ) массовыхъ случайныхъ явленій.

интеллектуальныхъ существъ, но и глубокое, рѣзко выраженное отличіе соціалфизики отъ физики и вообще живого отъ мертваго.

Свобода, какъ міровое интеллектуальное начало, не только, какъ мы сейчасъ сказали, неистребима, устойчива, но и *удобоподвижна*: формы ея выраженія и ея виды, могутъ быть различны, могутъ мыслемѣрно измѣняться, преобразовываться (переходить изъ однѣхъ формъ въ другія, какъ переходитъ физическая энергія въ разныя формы), и могутъ оказываться либо хаотическими (лишенными моральной дисциплины, спутанными, плохо въ нравственномъ отношеніи координированными), либо грубо сенсуалистическими, либо покорными чистому сознанію и просвѣтленной совѣсти и болѣе или менѣе хорошо координированными посредствомъ нравственныхъ догмъ и догматовъ и моральной дисциплины, либо примкнувшими къ помраченной совѣсти.

Мы уже указывали на замѣчательные труды русскихъ философовъ, психологовъ и моралистовъ (епископа Антонія Храповицкаго, Грота, Лопатина, Бугаева, Астафьева и пр.) о свободѣ воли. Примѣненіе этихъ взглядовъ къ критикѣ соціалфизическаго опыта было предметомъ собственныхъ моихъ вышеуказанныхъ научныхъ и учено-полемическихъ трудовъ Геометрическо-этическая координація сознанія въ указанномъ выше многомѣрномъ пространствѣ можетъ дополнить основанія этой критики, точнѣе опредѣляя роль самодовлѣющихъ личныхъ началъ, съ одной стороны, и принудительныхъ условій, съ другой, въ правомѣрностяхъ и закономѣрностяхъ соціальной и міровой жизни.

Движеніе субъектовъ въ моральномъ пространствѣ зависитъ въ мѣру отъ этихъ самодовлѣющихъ психомоторныхъ опредѣленій воли, комбинируемыхъ міросозерцающимъ субъектомъ со всѣми внѣшними на него вліяніями, принудительно толкающими его туда и сюда. Если автономія индивидуума дифференціально мала, то въ массовыхъ собирательныхъ личностяхъ, напримѣръ, въ государствѣ, итогъ самодовлѣющихъ опредѣленій, *однородно направленныхъ* въ моральномъ пространствѣ, можетъ быть великъ, какъ равнодѣйствующая весьма большого числа дѣйствующихъ въ одну сторону малыхъ силъ. Личная свобода въ массовомъ процессѣ переходитъ въ общественную и политическую, которая такъ или иначе относится къ міровой координаціи и къ объективной нравственной Истинѣ, вносящей единство и собираніе силъ въ многообразіе. Эта міровая нравственная истина вытекаетъ изъ живого Авторитета, опредѣляющаго взаимоотношенія и взаимодѣйствія разумныхъ

существъ объективными нормами и законами, ведущими міровой процессъ къ положительному многомѣрному многогранному полюсу морально-биполярнаго пространства. Нравственная истина, внося единство въ личное многообразіе, опредѣляетъ ту положительную сторону пространства, которую разумныя существа нравственно обязаны не подавлять своею самодовлѣющею функціей. Это обязательство налагается во имя міроваго нравственнаго блага, отъ котораго зависитъ и истинное общественное благо. Это обязательство есть соціалфизическій фундаментъ истиннаго гуманизма и истинной свободы.

Вильямъ Гладстонъ въ своихъ этическихъ координаціяхъ соціальныхъ взаимоотношеній и взаимодѣйствій обсуждалъ истину и свободу въ связи съ христіанствомъ, показавъ, что истина и свобода являются какъ бы двумя сопряженными фокусами, на которые опирается христіанство *). Развивая эту аналогію, можно считать нравственную истину и координируемую ею свободу дѣйствія по совѣсти двумя сопряженными фокусами живого собирающаго силы двояко выпуклаго «рефратора», представляемаго обществомъ, проникнутымъ христіанскими принципами. Благодаря этой соціалфизической гомофокальности истины и свободы, растворенныхъ въ христіанскомъ обществѣ, «между ними существуетъ святое божественное единеніе, такъ что тотъ, кто повреждаетъ или опровергаетъ одну изъ нихъ, является врагомъ обѣихъ».

Хаотическая (плохо координированная) часть свободно воли въ массовыхъ противорѣчивыхъ результатахъ образуетъ застой, даетъ случайно то плюсы, то минусы, а въ среднемъ выводѣ *нуль* для блага общественнаго. Хорошо же координированная нравственными принципами и моральною дисциплиною часть свободной воли дѣйствительно служитъ Богу, государству, обществу и ближнимъ. Эта правомѣрная свобода въ своихъ дѣйствіяхъ проектируется по извѣстному моральному направленію всегда плюсами, а въ интегральномъ итогѣ создаетъ общее благо и присоединяется къ дѣламъ Творца, открывая человѣческимъ «я» возможности гармоническаго слія-нія какъ другъ съ другомъ, такъ даже и съ творческимъ тріединымъ «Мы» **).

Категорическіе приверженцы данныхъ тезисовъ и ихъ антитезисовъ регулируютъ лишь нѣкоторую часть взаимоотношеній по психомеханическимъ и предѣльно-аритмологическимъ формуламъ; остальныя же части соціальныхъ и міровыхъ взаимоотношеній, какъ колеблющіяся среди противо-

---

*) *Вильямъ Гладстонъ:* „Римъ и папа предъ судомъ совѣсти и исторіи". Переводъ *Е. М. Поливановой* подъ редакціей проф. *В. А. Соколова.* Москва. 1903. Стр. 168.

**) См. епископа *Антонія* (Храповицкаго): „Полное собраніе сочиненій" томъ II, стр. 15. Казань. 1900.

рѣчій идеально-реальной дѣйствительности, принадлежатъ въ разныхъ степеняхъ среднимъ выводамъ, взвѣшиваемымъ помощію вѣроятностей и некатегорическихъ ожиданій. Массовыя моральныя движенія и колебанія общественной и политической жизни въ общемъ проходятъ состоянія, въ которыхъ для каждаго момента времени устанавливается аритмологическая стаціонарность или какъ бы уравновѣшивающее начало. Благодаря этому началу уравновѣшенный процессъ течетъ предѣльно-аритмологическимъ путемъ, при которомъ онъ, такъ сказать, почти глухъ по отношенію къ слишкомъ скорому повиновенію нетерпѣливымъ абстрактнымъ моралистамъ-политикамъ, системы которыхъ понижаются жизнью, если онѣ слишкомъ высоки, и повышаются ею, если онѣ слишкомъ плохи. Однако уравновѣшенность эта относится лишь къ общему состоянію (къ массовому итогу); а въ дифференціальныхъ частяхъ процесса могутъ постоянно происходить совмѣстимыя противорѣчія или коллизіи. Сверхъ того и общая уравновѣшенность можетъ постепенно измѣняться, а иногда нарушаться рѣзкими перемѣнами и катастрофами, когда приверженцы тезисовъ и антитезисовъ организуются для оборонительныхъ и наступательныхъ дѣйствій.

Въ эти дифференціальныя коллизіи и общія катастрофы входятъ физическія, экономическія и этическія совмѣстимыя противорѣчія. Моральная биполярность при этомъ получаетъ особое значеніе въ критеріяхъ геометрическо-этическаго аритмологическаго міросозерцанія, въ которомъ даны два царства: царство правды и закона и царство лжи и хитрости. Любая нравственная заповѣдь въ этитескомъ морально-биполярномъ пространствѣ можетъ быть либо заповѣдью Истины, либо поддѣлкою лжи, и отсюда вытекаютъ особыя противорѣчія, благодаря которымъ самыя категорическія требованія этики приходится считать аритмологическими, а не аналитическими условіями. Въ области этическихъ мѣрныхъ сужденій аритмологія безусловно необходима по тому, что существуетъ данное въ отрицательномъ полюсѣ царство лжи, поддѣлывающее истину. Если человѣкоубійца, наступая

съ своимъ союзомъ для убійства истинныхъ приверженцевъ нравственной жизни, изрѣкаетъ свою заповѣдь: «не убій», то въ его устахъ эта заповѣдь есть не истина, а поддѣлка подъ истину, т. е. высшая степень лжи. Заповѣдь «не убій» есть абсолютное аналитическое условіе мотивовъ *истинной* нравственной жизни; а при возможности ея поддѣльнаго происхожденія приходится относиться къ ней, какъ къ аритмологическому условію, требующему оцѣнки ея источника и допускающему правомѣрный (отнюдь не произвольный) перерывъ въ ея функціонированіи, если она течетъ изъ несомнѣнно лживаго и коварнаго начала, угрожающаго отравить и погубить истинно нравственную жизнь. Такимъ образомъ, возникаетъ иногда катастрофическое явленіе, называемое войною, въ которой убійство является неизбѣжнымъ стихійнымъ зломъ, допускаемымъ соціальною этикою для обороны отъ наступающаго царства лжи и хитрости.

Но и въ царствѣ закона есть некатегоричность, разномыслiе, противорѣчіе мотивовъ, которое называютъ зломъ въ субъективныхъ оцѣнкахъ. Это зло *правомѣрное*, и его нужно строго отличать отъ лживаго зла.

Гипотеза, жизненная теорія, достовѣрность, вѣроятность, вѣра, ожиданіе, оцѣнка ожиданія, ожиданіе неожиданности, взвѣшенный рискъ, благоразумное довѣріе, благоразумное желаніе, опытъ, совѣсть, страхъ, откровеніе, сокрытіе, свидѣтельство, мѣрное сужденіе, соглашеніе, обѣщаніе, клятва, предвидѣніе, неожиданность, долгъ, вѣрность, измѣна, предостереженіе, вліяніе, осторожность, мудрость, мудрая дисциплина (внутренняя и внѣшняя), правда, право и судъ—всѣ эти понятія являются необходимыми въ аритмологической психофизіологіи человѣческихъ обществъ и царствъ вселенной, въ наукѣ и религіи, опирающихся на геометрическо-этическое, аритмологическое міросозерцаніе, и это потому, что психоаритмо-механическая вселенная объединяетъ царства существъ, имѣющихъ мѣрную свободу воли. При этихъ условіяхъ всѣ опыты и всѣ апріорныя сужденія, взятыя вмѣстѣ, не покрываютъ сполна фактовъ ожидаемаго бу-

дущаго, способнаго поражать насъ неожиданностями, вытекающими изъ мыслемѣрнаго творчества нашего «не я», и не даютъ возможности вполнѣ приспособиться къ обстоятельствамъ, пристать къ какому либо вполнѣ покойному убѣжищу безъ особой этической детерминаціи.

Свѣтильники мудрыхъ дѣвъ, населяющихъ психо-аритмомеханическую вселенную, должны быть постоянно наготовѣ.

Психо-механическое (аналитическое) или фатальное начало міроустройства съ его аналитическими формами, съ его рѣзкими аналитическими столкновеніями (шоками) есть лишь одинъ изъ безчисленныхъ возможныхъ частныхъ случаевъ этого общаго психо-аритмо-механическаго міропорядка. Уже одно это соображеніе показываетъ невѣроятность предположенія, что изъ безконечнаго разнообразія мыслимыхъ міровъ въ конкретной дѣйствительности осуществляется волею Творца именно міръ психомеханическій или фаталистическій, пожирающій мѣрную свободу воли. Послѣдователь фаталистическаго міровоззрѣнія долженъ дѣлать невѣроятное предположеніе, что этотъ механикоподобный міръ имѣетъ какую-то особую (не Лейбницевскую, а Аристотелевскую, Магометовскую, Спинозистскую, Даламберовскую) роковую предустановленную гармонію, какъ бы особый видъ невидимой полиціи, которою живыя разумныя существа удерживаются въ рамкахъ даннаго психомеханическаго фатализма. Но этого мало: быть аналитически прикованнымъ къ скалѣ своего бытія, не быть какъ бы въ первобытной невинности Адама и Евы, а напротивъ видѣть зло и дисгармоніи въ себѣ и въ другихъ и сознавать это положеніе для прозорливаго разумнаго существа значитъ быть присужденнымъ къ Прометееву наказанію. Нужно поэтому, чтобы фатальная предустановленная гармонія аналитиковъ сгладила всю вышеуказанную дисгармонію особыми эпикурейскими иллюзіями, вводящими сознаніе въ заблужденіе. Всѣ эти невозможныя предположенія, пожалуй, менѣе вѣроятны, чѣмъ мнѣніе нѣкоего Шопфера, который въ XIX вѣкѣ въ странной брошюрѣ доказывалъ, что земля неподвижна.

25. Разнообразіе формъ и явленій видимой живой природы обусловливается интеллектуальными различіями и неравенствами живыхъ существъ. Умъ животныхъ не чуждъ представленій о многомѣрности вещей, что и отличаетъ біофизику отъ физики существенными чертами. Но интеллектуальность царства животныхъ сокращаетъ эту многомѣрность до узкихъ предѣловъ, сводящихъ оцѣнки ожиданій и вещей, характеризующія чутье и нравы животныхъ, лишь къ условіямъ животнаго приспособленія, необходимымъ для существованія и продолженія даннаго вида и рода. Сенсуально-эмпирическому уму животнаго не свойственны функціи чистаго сознанія. Поэтому упрямый позитивный умъ животнаго всегда проигрываетъ при встрѣчѣ съ тактическимъ умомъ человѣка. Узость и узкій эмпиризмъ есть характерная черта ума и воли животныхъ, легко попадающихъ въ эмпирическія, почти механическія ловушки, которыя можетъ подставить имъ болѣе высокій разумъ.

Поднятіе нѣкоторой части человѣческаго сознанія и воли на высшія ступени истиннаго познанія и моральнаго дѣйствія вызвало соотвѣтствующія интеллектуальныя и моральныя различія и неравенства среди людей и соотвѣтствующія группировки и расцѣнки личностей и общественныхъ союзовъ. Поэтому въ этико-соціальномъ ученіи получаетъ силу соотвѣтствующая многообразная умозрительная и практическая классификація теоретико-познавательныхъ и практическихъ способностей людей (по силѣ ихъ логики, по роду ихъ спеціальностей, по качеству ихъ привычекъ, дисциплины, морали и навыка въ сознательномъ дѣйствіи). Психофизіологія общества и соціалтехника (политика) должны считаться съ этою классификаціей и съ соотвѣтствующими естественными и искусственными средствами подбора и отбора людей для организованнаго коллективнаго (соціальнаго и моральнаго) дѣйствія. По теоретико-познавательнымъ свойствамъ своимъ такъ называемая публика, т. е. люди культурнаго человѣческаго общества, связанные въ одно организованное цѣлое, въ одну свободосвязь, типомъ которой можетъ служить госу-

дарство и его некатегорически обособившіеся классы и группы, подраздѣляются на четыре главныя категоріи: 1) истинно мудрые люди, возвысившіеся до критическаго и точно координированнаго истиннаго пониманія авторитетовъ (общихъ и спеціальныхъ), 2) рядовые культурные люди, составляющіе организованный народъ, трудоспособные и съ дѣловыми привычками, выработанными подъ авторитетными вліяніями, 3) люди чистаго природнаго невѣдѣнія (агностики) и природнаго неправомочія и 4) люди поверхностнаго взгляда, ложныхъ настроеній и ложныхъ началъ. Эта четырехчленная этико-соціальная классификація людей группируетъ ихъ по характеру, роду и качеству ихъ соціальной грамотности или умѣнья правильно относиться къ функціямъ общественной жизни. Она вѣрна какъ по отношенію къ отдѣльнымъ спеціальнымъ родамъ дѣятельно-познавательнаго соціальнаго процесса, такъ и по отношенію къ синтезу политическихъ и бытовыхъ спеціальностей. Конечно, эта классификація общая и некатегорическая, какъ потому, что между этими классами есть безконечное множество переходныхъ ступеней, такъ и потому, что бываютъ такіе случаи, когда человѣкъ, являясь умудреннымъ въ одной спеціальности, бываетъ въ другихъ направленіяхъ либо агностикомъ, либо даже верхоглядомъ.

Классификацію эту слѣдуетъ назвать *этической* въ отличіе отъ другой древней (двучленной) классификаціи, которая дѣлитъ людей на аристократовъ и демократовъ (патриціевъ и плебеевъ) и которую должно назвать неэтической.

Вышеуказанная четырехчленная классификація людей, понятіе о которой восходитъ къ Паскалю и къ болѣе древнимъ философамъ, примѣнима лишь въ такомъ культурномъ Государствѣ, въ которое проникли благодатный лучъ нравственной Истины и наука и въ которомъ для просвѣщенія агностиковъ исторически сложились какъ благодатные питомники (Церковь съ ея подраздѣленіями и вліяніями на всѣ стороны политической и общественной жизни), такъ и разсадники науки (Академія съ ея философіей, школой, наукой и техникой).

Эти питомники и разсадники пріобщаютъ нѣкоторую часть гражданъ къ истинной мудрости, пріобрѣтаемой труднымъ путемъ тщательно координированнаго синтетическо-критическаго познанія истинныхъ авторитетовъ Церкви и Академіи и старательнаго навыка руководиться ими въ дѣйствіи. Эти граждане составляютъ живой источникъ критическихъ *инициативъ* и живой нравственный фундаментъ мудрости, которою должна руководится Политика, т. е. практическое искусство соціаль-

наго строительства, имѣющее своимъ главнымъ инструментомъ Государство съ его правомѣрнымъ процессомъ, съ его учрежденіями, а главною цѣлью практическую организованность общественной жизни во всѣхъ ея подраздѣленіяхъ (частяхъ, частныхъ задачахъ и частныхъ цѣляхъ), объединяемыхъ Государствомъ.

Подъ культурно организованнымъ народомъ должно разумѣть *рядовыхъ* культурныхъ дѣятелей всѣхъ сословій и классовъ, достаточно просвѣщенныхъ свѣтомъ чистыхъ авторитетовъ (общихъ и спеціальныхъ) и поднявшихся до правильной практической оцѣнки съ одной стороны этихъ авторитетовъ и съ другой стороны той поверхности взглядовъ, которая достойна презрѣнія. Эти культурные дѣятели работаютъ въ жизни, руководясь привычными инициативами и мотивами, выработанными культурою и народнымъ общедоступнымъ образованіемъ. Рядовые люди культурно организованныхъ классовъ народа получаютъ свѣтъ познанія болѣе простымъ и легкимъ путемъ, не мудрствуя лукаво и опираясь на природный здравый смыслъ и на довѣріе къ истиннымъ авторитетамъ Церкви, Академіи и Государства.

Этотъ живой союзъ нравственно-здравомысленнаго простого народнаго образованія съ нравственно-здравомысленно-критическимъ образованіемъ и мудростью и создаетъ Народность, которая представляетъ въ культурномъ государствѣ драгоцѣнную, положительную, коллективно организованную силу. На эту союзную силу, слагающуюся изъ положительныхъ психомоторныхъ индивидуальныхъ отправленій и образующую *массовый* положительно организованный атроподинамическій потокъ жизнедѣятельности, опирается Политика и Суверенная Власть, и о ней, о силѣ этого союза, Паскаль сказалъ: «простой народъ, да люди выдающихся способностей движутъ общее колесо міра».

Люди же поверхностнаго взгляда и ложныхъ началъ тормозятъ и невѣрно направляютъ это колесо, болѣе или менѣе подрывая святость истинныхъ авторитетовъ, которые положены въ основные устои церквей, государствъ, культурныхъ обществъ и ихъ благотворныхъ просвѣтительныхъ учрежденій. Народопросвѣтительная политика должна, по возможности, помочь и этимъ людямъ четвертой (отрицательной) группы выйти въ люди благихъ навыковъ, благихъ инициативъ и полезнаго дѣла, имѣя въ виду, что и среди верхоглядовъ, порокъ которыхъ есть этико-соціальное безграмотсво, бываютъ даровитые неудачники, способные научиться соціалграмотности и исправиться.

Шумъ людей ложныхъ началъ, рекламируя кумировъ и увлекая агностиковъ въ сѣти ложныхъ авторитетовъ, всегда болѣе или менѣе заглушаетъ голоса истинныхъ популяризаторовъ точнаго познанія и умѣнія. Эти господа Репетиловы на всѣхъ перекресткахъ жизни (въ печати, въ парламентахъ, въ корридорахъ, въ трактирахъ, въ вагонахъ, на улицахъ, въ гостинныхъ и т. д.) то кричатъ и бранятся, напримѣръ, о томъ, зачѣмъ политическіе факторы дали застигнуть себя войною безъ полной къ ней подготовки, то трубятъ во всѣ трубы о томъ, зачѣмъ содержится такъ много войска и зачѣмъ подготовка къ войнѣ отягощаетъ бюджетъ государства. Благодаря этому суетному шуму, въ политикѣ и публицистикѣ почти никогда не господствовали сполна лишь руководящіе термины точнаго познанія; напротивъ, въ политикѣ и публицистикѣ всегда господствуютъ лишь нѣкоторые случайные средніе термины (компромисы), болѣе или менѣе уклоняющіеся въ сторону поверхностности и спутанности взглядовъ. Лѣкарство противъ крайней теоретико-познательной и практической спутанности общества есть обращеніе умовъ и воли къ истиннымъ, критически-координированнымъ авторитетамъ познанія и дѣйствія, что возмножно лишь въ томъ случаѣ, если политическіе факторы, призванные распространять истинное просвѣщеніе, образованіе и добрые навыки, имѣютъ средства провести въ жизнь соотвѣтствующій разумный планъ народопросвѣтильной и народообразовательной политики, направляющей публичную школу, печать и вообще публичную каѳедру.

Педагогика должна, считаясь съ естественными агностиками—учениками, отыскивать методы и пути, приводящіе умъ, сердце и волю учениковъ къ истиннымъ авторитетамъ и къ усвоенію лучшихъ навыковъ и нравственныхъ дисциплинъ по указанію истинныхъ авторитетовъ. Народообразовательная политика осуществляетъ эти методы въ соціальной жизни посредствомъ публичной школы, которая служитъ ареною и учрежденіемъ для примѣненія педагогическаго искусства, для школьнаго воспитанія, согласованнаго съ возрастомъ и способностями учениковъ и съ разными условіями соціальной жизни. Ниже (*n*⁰ 29) мы будемъ говорить о полномъ многообразіи родовъ школьныхъ группъ, сообразуясь съ вышеуказанною четырехчленною людскою классификаціей. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о сложнѣйшемъ типѣ школы, имѣющемъ въ виду научное образованіе и воспитаніе, готовящее людей для высшихъ знаній и критически взвѣшенныхъ иниціативъ.

Философы-математики не могутъ не настаивать на необходимости во имя истинной раціональности общественнаго образованія углубить преподаваніе философіи и азбуки наукъ, математики, устранивъ схолостическій методъ преподаванія этихъ дисциплинъ и включивъ въ систему *общаго* образованія преподаваніе началъ аритмологіи и анализа (элементарное понятіе о прерывныхъ и непрерывныхъ функціяхъ, ихъ дифференцированіи и интегрированіи и исключеніи произвольныхъ постоянныхъ), началъ неевклидовой геометрической координаціи и главнѣйшихъ основаній всеобщей теоріи познанія и логики (этической координаціи и теоріи вѣроятностей, какъ логики мѣрныхъ сужденій и моральныхъ ожиданій и оцѣнокъ, способной помочь общему пониманію и дедуктивно-индуктивному опредѣленію правомѣрности и закономѣрности явленій). Благодаря П. Л. Чебышеву, теорія вѣроятностей стала вполнѣ доступною элементарному изложенію. Коренная ошибка рутиннаго школьнаго преподаванія состоитъ въ предразсудкѣ, что неразвитому сознанію дѣтей и юношей не доступны эти философскія, этическія и математическія координаціи и детерминаціи. На самомъ дѣлѣ чистое сознаніе у дѣтей пробуждается очень рано, функціонируетъ правильно и задерживается въ старшемъ возрастѣ отъ того, что ему не даютъ посильной хорошей умственной работы, а въ то же время перегружаютъ память.

Нельзя исправить этихъ промаховъ школьной практики и обращеніемъ классныхъ программъ къ неокоординированному беллетристическому изложенію матеріаловъ познанія изъ разныхъ областей природы и духа, такъ какъ это кажущееся облегченіе не извлечетъ спутаннаго сознанія изъ хаоса. Беллетристика, которая нынѣ наводняетъ журналы, газеты, книжные рынки и публичныя библіотеки, доказала, что при неудовлетворительной школѣ, являющейся первою причиною спутанности умовъ, она при отсутствіи правильной координаціи упражняемаго ума служитъ второю главною причиною полуобразованности общества, отучая общество и народъ читать серьезную книгу. Публичная школа съ хорошею философско-математическою и геометрическо-этическою основою можетъ исправить дѣло, такъ какъ юноша, сознаніе котораго съ самыхъ первыхъ шаговъ школьныхъ систематическихъ занятій исподволь и осмысленно упражняется, дисциплинируется и координируется нормами чистой мысли и истинной морали, получаетъ хорошій внутренній компасъ, и этотъ изощренный нравственный и здравый смыслъ помогаетъ юному уму разбираться въ запутанныхъ вещахъ.

Проблема такъ называемаго общаго образованія, которое необходимо всякому культурному человѣку и о которомъ такъ много спорятъ, принципіально рѣшается въ связи со всеобщею логикой. Это образованіе подраздѣляется на два процесса: 1) умственное образованіе и 2) воспитаніе. *Общее умственное образованіе есть теоретическое и практическое развитіе въ чистомъ сознаніи ученика прирожденной его уму всеобщей логики съ координаціей при ея помощи міросозерцанія, т. е. съ отраженіями въ ней религіи, языка, природы, исторіи и соціальной жизни. Параллельно съ этимъ развитіемъ рѣшается проблема воспитанія, которая состоитъ въ привитіи привычкамъ ученика, нраву и навыкамъ его разума, чувства и воли, истинныхъ авторитетныхъ началъ, пріобрѣтаемыхъ непосредственнымъ его участіемъ въ цѣлесообразно организованныхъ школьныхъ этико-соціальныхъ жизненныхъ процессахъ.* Предлагая уму, чувству и волѣ ученика подходящіе уроки, школа регулируетъ внутренній самодѣятельный процессъ здраво развивающагося ученика и старается правильно и съ любовью подойти къ внутреннему раздвоенію, которое составляетъ міровое противорѣчіе: «я вижу лучшее и одобряю, но слѣдую худшему», или «добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю» (Рим. VII, 19). Школа и съ нею семья должны подходить къ этимъ критическимъ моментамъ нравственнаго сознанія ученика не для агностическихъ затушевываній (какъ это предлагаетъ позитивная педагогическая теорія), а для совмѣстныхъ съ нимъ свободосвязныхъ переживаній, согласованныхъ съ истиннымъ его благомъ, поскольку оно совмѣстимо съ интересами другихъ и съ общими этическими требованіями. Вся истинно культурная часть государства и общества должна дорожить идеалами школы, правомѣрно помогая ея задачамъ.

Необходимо, конечно, снисхожденіе къ заблужденіямъ наивности, ибо сама критическая очевидность связана, такъ сказать, кровнымъ родствомъ съ наивною простотою, какъ со своимъ составнымъ элементомъ. Нужно, однако, умѣть находить строгую мѣру этой снисходительности, дабы реформа

наивнаго сознанія поднимала агностика *вверхъ*, а не спускала *внизъ* и не задерживала также въ морально неподвижномъ уровнѣ.

Недостатки публичной школы, какъ всякаго сложнаго публичнаго дѣла, не вполнѣ устранимы. Но важность функцій, отправляемыхъ публичною школою, заставляетъ особенно заботиться о возможномъ исправленіи этихъ недостатковъ. Вотъ почему не только люди поверхностнаго взгляда и ложныхъ началъ всегда надѣющіеся безъ всякихъ затрудненій устранить всѣ школьныя и жизненныя противорѣчія, но и умудренные люди, стремятся къ школьной реформѣ и ищутъ возможныхъ средствъ улучшить типы публичной школы и ея учителя, обрисовывая болѣе совершенные пріемы шольнаго ученія и воспитанія *)

*) Къ числу такихъ поисковъ относятся размышленія, изложенныя во многихъ прекрасныхъ изслѣдованіяхъ и трудахъ послѣдняго времени по вопросамъ школьной реформы. Многіе изъ выдающихся трудовъ этого рода (въ томъ числѣ и взгляды Н. В. Бугаева на публичную школу) вошли въ оффиціальные и неоффиціальные сборники и изданія. Отмѣтимъ, между прочимъ, интересныя брошюры К. П. Побѣдоносцева: „Новая школа“ и „Ученье и учитель“, требующія обращенія къ болѣе натуральнымъ методамъ преподаванія не только языковъ и прочихъ предметовъ, но и Закона Божія.

Система, законодательно устанавливаемая въ школьномъ дѣлѣ, должна принимать во вниманіе многообразіе видовъ школы, вызываемыхъ потребностями и условіями соціальной жизни. Эти требованія жизни не допускаютъ унитарности въ системѣ народнаго образованія и неизбѣжно требуютъ спеціализированія: 1) научно-философской школы, имѣющей въ виду преподаваніе, готовящее людей къ тонкому координированно-критическому пониманію предметовъ точнаго познанія и дѣйствія, тщательно обоснованному при помощи синтетическо-критическихъ методовъ и поддерживающему высокій уровень познанія, необходимый для высшихъ степеней священства и учительства, которыя должны быть „солью земли“ и „свѣтомъ міру“, 2) публичной общедоступной школы, имѣющей въ виду преподаваніе тѣхъ же предметовъ, но простыми путями, опирающимися на природный здравый смыслъ, „не мудрствуя лукаво“, и задающимися цѣлью широкой популяризаціи хорошихъ знаній и добрыхъ навыковъ во всѣхъ народныхъ слояхъ, и 3) образовательно-промышленной школы, поставленной въ связь съ промыслами и профессіями. Къ сожалѣнію, научно-философская группа школъ, русскихъ и заграничныхъ, переживаетъ пе-

и рекомендуя выше поднять образованіе, положеніе, мудрость, честь и авторитетъ вращающагося среди народа священства и учительства.

Личныя оцѣнки и классификаціи умственныхъ и познавательныхъ способностей людей должны играть роль не только въ задачахъ педагогики и въ народопросвѣтительной политикѣ, но и всюду, гдѣ нужно различать здравость и систематичность понятій и дѣйствій отъ нездравомыслія и спутанности. Такъ, приговоры судей и сужденія экспертовъ-психіатровъ о вмѣненіи должны считаться съ этими оцѣнками и классификаціями. Любопытнымъ является столкновеніе оцѣнокъ, исходящихъ изъ разныхъ логическихъ и теоретико-познавательныхъ началъ.

ріодъ перелома и опасной спутанности, о которой много было писано и говорено. Разрушившіе старинную свободопротиворѣчивую, но построенную на жизненномъ идеалѣ школьную систему и замѣнившіе ее псевдоклассическими и псевдореальными системами, все еще не нашли здраваго, подсказываемаго высокимъ авторитетомъ рѣшенія вопроса. Ниже мы еще коснемся организаціи народообразовательнаго дѣла и статистическаго управленія имъ.

Само собою разумѣется, что при спутанности научно-философской школы ослабѣваетъ „соль земли“ и меркнетъ „свѣтъ міру“. Вторая и третья группы школъ, необходимыя и важныя для всеобщаго народнаго образованія, вслѣдъ за первою группою школъ (научно-философскою школою) также вырождаются и спутываются, такъ какъ первая группа школъ и связанное съ нею учительство перестаютъ правильно питать вторую группу школъ достаточно просвѣщенными священниками и учителями. Затѣмъ наступаетъ господство поверхности взглядовъ и этико-соціальнаго безграмотства.

Нужно великое напряженіе силъ государства и народа для широкаго распространенія школъ второй и третьей группы. Отъ этихъ школъ, хорошо направленныхъ, зависитъ культурный уровень рядового народа. Но необходимо заботиться и о первой группѣ школъ. Мы дѣлаемъ эти замѣчанія, относящіяся къ области школьной политики, не только потому, что этотъ вопросъ нынѣ злободневный, но и по тому, что основатели Московской математической школы стояли близко къ вопросамъ школьной жизни.

Въ частности преподаваніе элементовъ математики въ русской средней школѣ страдаетъ односторонностію, закрывающею для учениковъ возможность хорошо оцѣнить роль психоартмологическихъ закономѣрностей и этико-соціальнаго моральнѣметическаго сужденія о долгѣ и правѣ. Эти односторонніе нормы преподаванія математики готовятъ, такъ сказать, загипнотизированныхъ Эвклидомъ, алгеброю и анализомъ въ извѣстномъ направленіи и, благодаря этому, лишенныхъ сколько нибудь сноснаго пониманія мѣрности некатегорическихъ взаимоотношеній и взаимодѣйствій. Обсуждавшіе реформу преподаванія въ средней школѣ не нашли ни мѣста, ни времени въ планѣ школьныхъ занятій, чтобы включить характеристику неэвклидовой координаціи пространства и преподать начала дифференцированія, интегрированія и теоріи вѣроятностей. Эти знанія однако всюду необходимы.

Позитивно-аналитическая экспертиза и критика и экспертиза психіатровъ-аналитиковъ могутъ совершенно расходиться въ оцѣнкахъ здравости мышленія, познанія и дѣйствія даннаго лица съ положительною критикою и экспертизою геометровъ-психоаритмологовъ. Процессы чистаго сознанія въ ихъ положительномъ и отрицательномъ творчествѣ дѣлаются предметомъ особыхъ недоразумѣній. Поровы преступности, измѣны и коварства не могутъ уложиться въ тѣсныя аналитическія рамки и агностически регистрируются аналитиками и психомеханиками либо какъ результатъ внѣшнихъ обстоятельствъ, не зависящихъ, будто бы, отъ мыслемѣрнаго и мѣрносвободнаго творчества виновника, либо какъ обманъ, либо какъ умственное его разстройство. Далѣе, психіатры-аналитики, не мирящіеся съ порывами вдохновенія и геніальности, признаніе которыхъ входитъ естественнымъ звеномъ въ психо-аритмомеханическую теорію познанія и сознательнаго дѣйствія, зачисляютъ, напримѣръ, пророковъ, героевъ, мучениковъ и геніевъ въ рубрику шарлатановъ, психопатовъ и помѣшанныхъ.

Индерминистическая экспертиза и критика, потерявшая мѣрила истинной свободы, впадала въ произволъ противоположнаго характера при оцѣнкѣ и классификаціи лицъ. Эти спутанные оцѣнки находимъ у схоластиковъ-скотистовъ, у Макіавели, у іезуитовъ—пробабилистовъ, у пассивныхъ гуманистовъ (протестантовъ, учившихъ объ оправданіи вѣрою безъ дѣлъ), у Локка, у Руссо, у гр. Л. Толстого, у масоновъ и пр.

Логика и этика мѣрителя—гносеолога, дѣлающаго оцѣнки личностей, должны быть высокими для правильности этихъ, имѣющихъ самое важное значеніе оцѣнокъ. Эти психологическіе элементы (логика и этика), вложенные въ сознаніе мѣрителя, и авторитетное міросозерцаніе являются первыми условіями возможности произвести истинно тщательную и справедливую оцѣнку личности, какъ фактора соціальной жизни. Затѣмъ, конечно, играютъ роль остальныя вспомогательныя средства, какими можетъ располагать мѣритель—гносеологъ или оцѣнщикъ.

Вопросы о гносеологическихъ оцѣнкахъ связаны съ тѣмъ, какіе *средства* мѣрить и оцѣнивать имѣетъ въ своей головѣ и въ своихъ рукахъ мѣритель—гносеологъ. Средства мѣрить и оцѣнивать могутъ быть у человѣка *дешевыя* и *дорогія*. При дешевыхъ измѣрительныхъ средствахъ не слѣдуетъ пускаться въ измѣреніе большихъ глубинъ человѣческой природы и ея духовныхъ свойствъ, и нельзя требовать отъ дешеваго развѣдчика, чтобы добытый имъ результатъ оцѣнки имѣлъ дорогую, а не дешевую точность. Между тѣмъ поверхностные люди, толкаемые собственнымъ этико-соціальнымъ безграмотствомъ и хитрыми людьми ложныхъ началъ, особенно любятъ выступать съ дешевымъ мѣриломъ своимъ, чтобы имъ

оцѣнивать большія глубины личныхъ свойствъ, путая бѣлое съ чернымъ и наоборотъ. Отсюда происходитъ много недоразумѣній и неправдъ въ общественной жизни.

Въ практическихъ экспертизахъ и оцѣнкахъ личностей (на государственныхъ экзаменахъ, на судебной аренѣ, на состязаніяхъ при опредѣленіи къ государственнымъ и общественнымъ должностямъ и къ промышленнымъ дѣламъ и пр.) цѣнность средствъ оцѣнки людей имѣетъ особое значеніе, чтобы различать положительныя и отрицательныя личныя свойства и организовать общественную жизнь для созиданія нравственнаго и матеріальнаго блага. *Личныя положительныя свойства и личныя цѣнности суть самыя дорогія въ организаціи общественной жизни къ благу*, а отрицательныя личныя свойства, если они являются *организованною* силою, наиболѣе опасны для общественнаго благополучія. Государство, правомѣрно вліяющее на раздѣленіе, объединеніе и координацію моральныхъ автономій, заинтересовано въ томъ, чтобы поднять цѣнность и организованность средствъ оцѣнки положительныхъ и отрицательныхъ личныхъ цѣнностей. Этому государственному интересу соотвѣтствуетъ особая гносеологическая функція (экзаменъ, судъ) и соотвѣтствующая власть.

Государство, какъ изслѣдующая и судящая личность, есть мѣритель—гносеологъ, могущій имѣть наиболѣе изощренныя средства мѣрить и взвѣшивать личныя цѣнности и политико-экономическіе интересы и при помощи этихъ гносеологическихъ средствъ вести общественную жизнь къ сознаннымъ объективнымъ цѣлямъ нравственнаго и матеріальнаго блага. Историческое развитіе государства тѣсно связано съ развитіемъ этихъ средствъ. *Въ раціонально построенномъ на началахъ истиннаго гуманизма государствѣ гносеологическія функціи должны занимать первое мѣсто, и имъ должна соотвѣтствовать особая власть, въ многообразіи прочихъ властей, принадлежащихъ государству.* Эта власть точнаго положительнаго политическаго познанія является какъ бы живымъ компасомъ, направляющимъ всѣ прочія государственныя функціи и власти. Эта гносеологическая власть есть какъ чистое, такъ и практическое политическое сознаніе, принадлежащее государству, какъ собирательному лицу, организующему и объединяющему положительныхъ культурныхъ людей; и если эта власть не подавляется прочими его функціями и властями и функціонируетъ правильно, идя дорогою истиннаго гуманизма и опираясь на авторитетное міросозерцаніе, опытъ и законы точнаго политическаго мышленія и точнаго политическаго правосознанія, то она способна развивать и облагораживать прочія соціальныя функціи, не уничтожая ихъ важной роли.

На практикѣ государства однако далеки отъ этого идеала и лишь стремятся болѣе или менѣе приблизиться къ этому

раціональному гармоническому типу. Въ дѣйствительности государства пользовались своею чистою гносеологическою функціей и соотвѣтствующею властью еще не въ полной мѣрѣ, отдаваясь не вполнѣ облагороженнымъ страстямъ. Ватиканская теократія и абсолютныя западныя монархіи подавляли ее то абсолютизмомъ, принципы котораго находимъ у Аристотеля и Гоббса, то индетерминизмомъ Макіавелли и Лойолы. Затѣмъ и въ принципахъ позднѣйшаго правового государства, которому человѣчество обязано современнымъ прогрессомъ, гносеологическая функція все еще подавлена многочисленными видами политическаго ирраціонализма. Такъ, въ ученіи Монтескье, которое имѣло вліяніе на строй многихъ европейскихъ государствъ, научно-гносеологическія функціи государства отодвинуты на второй планъ. Монтескье свелъ многообразіе важнѣйшихъ функцій государства къ тремъ властямъ *): власть законодательная, исполнительная и судебная. Въ числѣ главныхъ властей не упоминается власть отправлять научно-гносеологическія функціи. Эта власть въ современномъ государствѣ занимаетъ второстепенное мѣсто и растворилась въ подчиненныхъ функціяхъ, ступевываясь въ такомъ представительствѣ, которое опредѣляется не по мѣриламъ истинной мудрости и практичности, а по формально-юридическимъ условіямъ, ставящимъ препятствія истинной свободѣ и не исключающимъ грубыхъ мистификацій. Очевидно, государству предстоитъ еще много шаговъ впереди, чтобы превратиться изъ формально-правового въ истинно правовое и раціональное.

Ирраціонализмъ политическаго сужденія вполнѣ соотвѣтствуетъ ирраціонализму историческаго сужденія, но переносится на соціалфизическій и соціалтехническій процессъ, обнимающій другое подлежащее. Это подлежащее въ политическомъ сужденіи есть данный стаціонарный моментъ (настоящее) съ ближайшими къ нему *предшествующими* причинами, вліяніями и явленіями и съ ближайшими *предстоящими* ожиданіями, послѣдствіями, цѣлями, задачами, функціями, мотивами и соціалтехническими примѣненіями. Политическій ирраціонализмъ проникающій въ жизнь государства, какъ собирательной личности, привелъ многихъ къ пессимистическому сужденію о государствѣ вообще. Однако заключеніе это поспѣшно, такъ какъ оно упускаетъ изъ вида, что современное государство, при всѣхъ его недостаткахъ, опытомъ и привычкою усвоило себѣ, подъ вліяніемъ девятнадцати вѣковъ вліянія христіанскихъ началъ, множество истинныхъ принциповъ и, вопреки ложному духу всѣхъ временъ, сохраняетъ привитое культурою богатство средствъ объективной

*) 1) Проф. *А. С. Алексѣева:* „Русское государственное право“ (Москва, 1897, стр. 108) и 2) проф. *Н. Коркунова:* „Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ“ (Петерб., 1890, стр. 30—33).

оцѣнки лицъ, ихъ отношеній и ихъ свойствъ. Государство является такимъ необходимымъ учрежденіемъ, которое покрываетъ безчисленное множество духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ человѣка, регулируя не только международныя столкновенія, но и внутреннія.

Государство, какъ собирательная личность, имѣетъ прежде всего великую мощность коллективнаго сознанія, болѣе или менѣе координированнаго вышеуказанными благодатными и благотворными вліяніями во всѣхъ плоскостяхъ оцѣнки способностей, силъ и дѣйствій. Каждое свидѣтельство о себѣ государства въ сферѣ разныхъ отъ него ожиданій пріобрѣло уже довольно значительный вѣсъ, оцѣниваемый высокою вѣроятностью (высокимъ балломъ, коеффиціентомъ довѣрія).

Простая личность (индивидуальный субъектъ) можетъ высоко изощрить свою способность или мочь въ той или другой спеціальной плоскости, въ томъ или другомъ спеціальномъ направленіи, поднявшись здѣсь до высокаго уровня и пріобрѣтя высокій спеціальный коеффиціентъ довѣрія къ себѣ, къ своимъ свидѣтельствамъ и къ подаваемымъ надеждамъ; но въ прочихъ плоскостяхъ подобные личные спеціальные коеффиціенты довѣрія къ тому же лицу могутъ быть не высокими. Государство же можетъ комбинировать для общаго блага личныя способности, по возможности, въ наилучшихъ сочетаніяхъ. Если оно руководится принципами истиннаго политическаго раціонализма и истиннаго гуманизма, то оно прилагаетъ свою мощь къ такому гармоническому объединенію индивидуальныхъ силъ, которое, не нарушая частныхъ правъ, сочетаетъ эти силы въ обществѣ и въ своемъ политическомъ логосѣ наилучшими цѣлесообразными способами, ведущими къ истинному общественному благу и къ возможному уменьшенію соціальныхъ дисгармоній. Сочетаніе это обусловлено усвоеніемъ подходящихъ лицъ и ихъ дѣятельностей въ разныхъ плоскостяхъ правительственной и общественной дѣятельности, *по оцѣнкѣ* (экзаменомъ, испытаніемъ, судомъ, научно-гносеологическимъ изслѣдованіемъ) ихъ врожденныхъ и пріобрѣтенныхъ воспитаніемъ и образованіемъ качествъ и способностей. Государство вдохновляется къ этой оцѣнкѣ и къ активной координаціи (съ психо-моторными и психодинамическими по слѣдствіями) аристологократическими силами народа, воспитаннаго историческими и соціалфизичевкими вліяніями Церкви и Академіи, и примѣняетъ въ своихъ высшихъ мыслемѣрныхъ функціяхъ изощренный дедуктивно-индуктивный и статистическо-эмпирическій методъ, обнимающій, между прочимъ, точное обоснованіе путей для обращенія къ авторитетному міросозерцанію, данному въ ученіяхъ религіи и науки, и къ воплощенной соборной совѣсти (А. С. Хомяковъ). Эти способы политическаго

познанія и правомѣрно-закономѣрнаго управленія мы еще разсмотримъ ниже болѣе подробно. Пока мы говоримъ о моральтехнической функціи государства, о соціалтехникѣ, въ которой играютъ роль подготовленная воспитаніемъ и образованіемъ и расцѣненная для государственныхъ и общественныхъ цѣлей личность и сложеніе личныхъ расцѣненныхъ силъ въ проекціи на различныя плоскости соціальнаго и міроваго движенія. Сложеніе это связано съ настроеніемъ внутреннихъ силъ, съ здравою дисциплинированною солидарностью, объединяющею отдѣльныхъ лицъ для координированнаго общаго дѣла, признающею великое значеніе въ этомъ общемъ дѣлѣ истинныхъ объединяющихъ идеаловъ, принциповъ, правъ, долговъ, фактовъ и силъ, но презирающею принципы-кумиры, идеалы-кумиры, права-кумиры, долги-кумиры, числа, слова и факты-кумиры и силы-кумиры, позади которыхъ стоитъ пустое мѣсто и обманъ. Хорошо координированная техника государственнаго и общественнаго строительства есть какъ бы инженерное искусство и въ то же время педагогика, которая должна быть усвояема въ основныхъ, по крайней мѣрѣ, чертахъ не только учительскимъ и священническимъ составомъ государства, но и всѣми дѣятелями истинно раціональнаго государства. Высшія степени въ авторитетныхъ іерархіяхъ Церкви, Академіи и Государства владѣютъ союзно и свободосвязно изощренными принципами и мѣрилами Гносеологіи. Государство вдохновляется этою Гносеологіею, обращаясь въ воплощеннаго коллективнаго инженера соціальнаго строительства,— соціалинженера, живущаго въ преемственныхъ поколѣніяхъ тысячелѣтіями и являющагося факторомъ или инструментомъ исторической интеллектиальной закономѣрности въ ходѣ міровой архитектоники. Отдѣльныя обыкновенныя лица являются въ этомъ живомъ массовомъ инструментѣ вспомогательными недолговѣчными живыми расцѣненными по способностямъ матеріалами и инструментами-дѣятелями: инженерами, архитекторами, плотниками, каменщиками и садовниками въ томъ саду, который цвѣтетъ на землѣ подъ именемъ культурнаго государства. Отъ большей или меньшей мочности, правомѣрности и нравственной солидарности свободосвязнаго дѣйствія этихъ поколѣній зависятъ вклады въ это великое строительство. Вклады эти суть историческій то прогрессъ, то регрессъ государства, а поверхъ всего, что выше государствъ, совершается особый міровой прогрессъ.

Прогрессъ новыхъ временъ тѣсно связанъ съ развитіемъ многообразныхъ личныхъ свойствъ и способностей и въ томъ числѣ нравственныхъ свойствъ, приводящихъ къ той человѣческой солидарности, послѣдній толчекъ которой въ смыслѣ исполнимости нравственныхъ принциповъ жизни данъ былъ христіанствомъ. Этотъ прогрессъ привелъ къ

развитію улучшенныхъ способовъ солидарнаго дѣйствія, повысившихъ идею государственности и общественности. Успѣхи культуры, опирающіеся на эту солидарность, должны были состоять въ пополненіи недочетовъ, вызванныхъ духовнымъ вырожденіемъ личностей. Моральная эволюція эта, защищая покровомъ и опекою нравственной солидарности духовно-здоровыя по природѣ, но слабо вооруженныя индивидуальности, идетъ, можно сказать, прямопротивоположно отбору особей по закону животной борьбы за существованіе, выдвигающему хотя и породистыхъ особей по ихъ врожденнымъ и естественнымъ качествамъ, но зараженныхъ принципами аморальной хитрости, враждебной истинной нравственной солидарности. Можно при этомъ сказать, что развитіе культуры въ средніе и новые вѣка и въ новѣйшій періодъ исторіи сводится къ постепенному усовершенствованію лишь, такъ сказать, *моральной техники* или искусства примѣненія въ жизни принциповъ нравственной солидарности, сложившихся въ періодъ древне-христіанской культуры. *Самые принципы солидарности съ тѣхъ поръ по существу нисколько не продвинулись впередъ.* Наоборотъ, люди моральной техники и практики, осуществлявшіе принципы солидарности, очень часто *понижали* эти высокія начала, приходившіяся не по плечу человѣческимъ массамъ, нравственно выродившимся въ животной борьбѣ за существованіе.

Многое было сдѣлано въ древне-христіанскій періодъ, для усовершенствованія моральной техники, начавшей свое дѣло при богатомъ силою вѣры духовномъ настроеніи, но при очень слабыхъ внѣшнихъ технических средствахъ. Много техническихъ ошибокъ затѣмъ было сдѣлано въ этой архитектоникѣ; но техника нравственной солидарности все болѣе и болѣе совершенствовалась въ практикѣ и сознаніи народныхъ культурныхъ массъ. Ни первые вѣка христіанской эры съ еретичествомъ и отступничествомъ, ни средніе вѣка съ магометанствомъ и крестовыми походами, ни монгольское иго съ его слѣдствіями, ни крѣпостное право съ его моральными дефектами, ни новѣйшее время съ его экономическими увлеченіями и забвеніемъ высшаго сверх-

человѣческаго происхожденія началъ истинной солидарности не прошли безслѣдно для усовершенствованія моральной техники, обнимающей искусство примѣненія къ жизни высшихъ принциповъ солидарности, впаденіе которыхъ въ сознаніе людей началось съ христіанскою эрою и которые, какъ основныя начала, остаются необходимыми и для дальнѣйшаго усовершенствованія взаимоотношеній и взаимодѣйствій, обнимающихъ текущую жизнь человѣчества.

Обращающіеся въ жизни (ходячіе) принципы солидарности будутъ еще долго оставаться пониженіемъ этихъ истинныхъ принциповъ, и разные соціальные архитектоны вынуждены будутъ считаться съ особой, своего рода «философіей приспособленія» въ области этики, т. е. съ технически неизбѣжнымъ примѣненіемъ къ дѣлу разныхъ видовъ снисходительности къ качеству матеріала, лишь бы снисходительность эта имѣла цѣлью усилить притяженіе въ сторону вселенскаго солнца правды.

По моральному уровню людей будутъ находиться и пониженные техники. Всѣ эти самостоятельные основатели морали, религій и сектъ—почитаемые многими Будда, Магометъ, протопопъ Аввакумъ, Руссо, Контъ, Ренанъ, Рескинъ, Толстой, Спенсеръ и т. д.—понижая высокіе идеалы солидарности, были своего рода (болѣе или менѣе спутанными) техниками моральнаго дѣла, находящими ниже ихъ стоящихъ людей, для которыхъ сравнительно плохія моральныя нормы этихъ архитектоновъ являются какъ бы откровеніемъ, относительнымъ добромъ, будучи относительнымъ зломъ для выше стоящаго моральнаго уровня.

Эти различные моральные уровни вытекаютъ изъ жизненныхъ физическихъ и моральныхъ задержекъ, какъ бы треній, которыя требуютъ *приспособленія* къ окружающимъ моральнымъ условіямъ и обязательствамъ (къ обязанностямъ по отношенію родителей, семьи, родины и пр.) и которыя предвидѣли основатели христіанскихъ обществъ, точно и обстоятельно разъяснявшіе, что въ притяженіяхъ по закону моральной солидарности имѣютъ свой вѣсъ соотвѣтствующія естественныя условія и различія: личныя, семейныя,

классовыя, общинныя, племенныя, національныя и т. д. Въ этихъ притяженіяхъ и естественныхъ задержкахъ неизбѣжно играетъ роль близость ближняго и «квадратъ разстоянія». По отношенію къ высшимъ нравственнымъ центрамъ важенъ главнымъ образомъ внутренній активный наклонъ въ сторону солнца правды, готовность повиноваться Богу, Его святому закону и праведнымъ исполнителямъ Его воли, не пряча свѣтильниковъ подъ спудомъ, но и не профанируя ихъ. Этотъ наклонъ создаетъ притяженіе къ нравственному міровому центру, проникающее до самыхъ низкихъ нравственныхъ уровненій, и никто не лишенъ возможности получать эти благодатные лучи, нравственно возраждаться и исправляться.

26. Геометрическо-этическая теорія познанія міра (этическая координація) и психофизіологія (психо-аритмо-механика вселенной могутъ широко пользоваться разными вспомогательными философскими средствами для построенія общихъ схемъ. Къ числу такихъ средствъ принадлежатъ, напримѣръ, разныя монадологіи, служащія для философско-математическаго выраженія образовъ психофизіологической свободосвязной организованности. Своеобразная монадологія, которую построилъ Николай Васильевичъ Бугаевъ, даетъ термины, удобные для изученія всякой организованности. Эта монадологія есть теоретическая психофизіологія живыхъ организмовъ и организованныхъ обществъ. Не отказываясь отъ Лейбницевскаго понятія о простой монадѣ, Николай Васильевичъ установилъ понятіе о сложныхъ монадахъ разныхъ категорій и порядковъ. Эти категоріи и порядки зависятъ какъ отъ степени ихъ сложности, такъ и отъ ихъ духовныхъ качествъ. Сложная монада есть организованное нѣкоторыми связями, принципами, идеями, взаимоотношеніями и взаимодѣйствіями единство болѣе простыхъ монадъ. Это единство есть свободосвязь, такъ какъ въ немъ есть и автономія частей, и суверенный центръ, которому подчиняются части для блага цѣлаго. Общій міровой процессъ есть постепенное цѣлесообразное перераспредѣленіе монадъ въ ихъ сложныхъ соединеніяхъ Перераспредѣленіе это Н. В. Бугаевъ считаетъ эволюціей,

назвавъ свою монадологію эволюціонной. Эта эволюція однако не слѣпая, а раціональная, имѣющая въ своемъ основаніи личныя разумныя начала и Безусловное Существо, т. е. Бога.

Нравы и характеръ всякой естественной организованной коллективной свободосвязи, возьмемъ ли ее въ царствѣ людей или же въ царствѣ животныхъ, можно классифицировать въ терминахъ, подобныхъ монадологіи Н. В. Бугаева, воображая, что простыя и сложныя монады могутъ чувствовать, мыслить, хотѣть, выбирать, познавать внутреннія и внѣшнія отношенія и связи своихъ классовъ, видовъ и родовъ. Термины и классификаціи монадологіи слѣдуетъ понимать не отвлеченно (платонически), а реально, считая ихъ лишь *обобщеніями* видимой и невидимой дѣйствительности и реальности и, съ другой стороны, теоретико-познавательными элементами мысли, предназначенными не сковывать ее, но подчиняться ей и давать ей формы, отвѣчающія запросамъ дѣйствительной жизни и здраваго чувства мѣры. Наблюдательному уму организованный міръ въ самомъ дѣлѣ представляется какъ многообразное объединеніе разныхъ чувствилищъ, разсыпанныхъ какъ живая пыль и живой песокъ и образующихъ различныя царства природы и духа.

Населяя указанное выше воображаемое многомѣрное морально-биполярное пространство простыми и сложными монадами съ ихъ идеями, идеалами и мотивами, мыслитель можетъ философски и пропедевтически обсуждать физику и психофизіологію вселенной и ея одушевленныхъ частей, т. е. изощрять въ своемъ чистомъ сознаніи мѣрное мышленіе, которое такимъ образомъ подготовляется, чтобы воспринять не съ пустою головою факты, являющіеся ей въ живомъ внутреннемъ и внѣшнемъ опытѣ. Съ другой стороны факты эти, взятые въ ихъ монадологическомъ обобщеніи, судящемъ лишь пропедевтически и иногда въ видѣ педагогическаго упражненія ученической мысли, не задѣваютъ лицъ, не затаскиваютъ святыхъ и почтенныхъ именъ, имѣющихъ отношеніе къ практической этико-соціальной жизни. Когда же монадологическая теорія, общая или спеціальная, переходитъ въ практическую, тогда, конечно, ея словарь надо переводить на соотвѣтствующій практическій языкъ, опредѣляя интеллектуальныя закономѣрности и правомѣрности личными (авторитетными и неавторитетными) міросозерцаніями, познаніями, навыками и мотивами (психомоторными функціями) индивидуумовъ и собирательныхъ субъектовъ.

Сложныя монады Николая Васильевича мы предпочитаемъ называть свободосвязями, въ которыхъ совмѣщаются частію связующія аналитическія абсолютныя скрѣпы, частію психоаритмологическія начала (мѣрныя автономіи). Каждая монадологическая свободосвязь, какъ сознающая себя сложная единица (сложная монада), предполагаетъ объединяющее самодержавное (суверенное) начало (автономнѣйшую автономію) при совмѣстной автономіи отдѣльныхъ живыхъ частей этого организма. Аналитическія скрѣпы организованной свободосвязи суть подчиняющіяся этому суверенному началу непрерывныя цѣпи служебныхъ монадъ, частію передающихъ и исполняющихъ аналитическіе суверенные приказы въ различныхъ частяхъ свободосвязи, частію дающихъ суверенному чувствилищу и его чистому сознанію свѣдѣнія о состояніи организма и его частей.

Если человѣческій организмъ есть сложная свободосвязь, состоящая изъ некатегорически обособленныхъ разнообразныхъ живыхъ элементовъ его тѣла, то человѣческому сознанію, объединяющему посредствомъ своего «я» жизнь цѣлаго человѣческаго организма, принадлежитъ самодержавное начало, дѣйствующее въ этой чудесно организованной свободосвязи, которую Николай Васильевичъ Бугаевъ причислилъ къ сложнымъ монадамъ.

Государство представляетъ болѣе сложную монаду, обнимающую человѣка, какъ простую монаду этой координированной сложной свободосвязи. Примѣненіе аритмологическаго міросозерцанія къ этой сложной монадѣ представляетъ особый интересъ, и мы еще остановимся на этомъ вопросѣ ниже(*nn*° 28 и 29).

Понятіе о сложной монадѣ или свободосвязи перелагается въ понятіе о живой коллективной преемственно-родовой (по плоти, а въ человѣчествѣ и по духу) личности, каковыхъ личностей много на исторической жизненной аренѣ: органическія породы: въ царствахъ растеній и животныхъ, человѣческія племена и роды, государства, церкви, академіи и другіе союзы, и, наконецъ, весь міръ, устроителемъ котораго является Безусловное Существо (тріединый Богъ). Къ сложнымъ монадамъ царства лжи примыкаютъ преступные организованные союзы и скопы, тайныя государства (масонство и

пр.). Коллективныя родовыя личности, обнимающія человѣка, какъ песчинку, какъ мгновеніе, дѣйствуютъ на исторической аренѣ то столѣтіями, то тысячелѣтіями, то въ безконечной вѣчности временъ и требуютъ для своей оцѣнки великихъ мѣрилъ. Личности простыя погибаютъ, если отпадаютъ отъ живыхъ коллективныхъ личностей высшаго разряда. Историческая интеллектуальная закономѣрность омертвѣла бы, если бы не существовало организованныхъ преемственными поколѣніями историческихъ сложныхъ монадъ.

Человѣческая политика есть лишь одинъ изъ лучей всеобщей міровой Политики, руководимой единою міровою Суверенною Властью и Ея верховнымъ правомъ, *объективно* опредѣляющимъ всеобщую міровую этику или міровую нравственную правду. Эта правда входитъ, какъ элементъ, въ предустановленную *міровую* идеально-реальную гармонію съ ея свободопротиворѣчивымъ, но тѣмъ не менѣе координированнымъ геометрическо-этическимъ построеніемъ.

Узкое міросозерцаніе, сопоставленное съ объективнымъ всеобщимъ міросозерцаніемъ, противорѣчитъ этой правдѣ и истинной свободѣ даже и тогда, когда оно вѣрно обнимаетъ условными точными принципами какой либо отдѣлъ вселенной, соотвѣтствуя интересамъ спеціальнаго призванія или партіи. Узкій партійный спеціалистъ превращаетъ такое міросозерцаніе какъ бы въ заклинаніе, которое дѣлаетъ его фанатикомъ условно-точныхъ принциповъ (интеллектуальныхъ кумировъ). Эта фанатичность очень хороша для дѣла, пока она не противорѣчитъ всеобщей міровой нравственной правдѣ; но внѣ этого предѣла она дѣлается источникомъ ложныхъ началъ, и поэтому, правильная спеціализація должна во имя истинной свободы принять принципъ: «не клянись вовсе: ни небомъ, потому что оно престолъ Божій; ни землею, потому что она подножіе ногъ Его; ни Іерусалимомъ, потому что онъ городъ великаго Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ» (Матѳ., V, 34—36).

Монадологіи идеалистическихъ міросозерцаній имѣютъ цѣлью дать широкій этическій выходъ и свободу точному научному мышленію, которое ищетъ правильныхъ философскихъ средствъ для устраненія узости и матеріализма въ научномъ изслѣдованіи, какъ и вообще для координированія нравственнаго сознанія существъ. Николай Васильевичъ рѣшилъ этотъ вопросъ, разсматривая міръ, какъ сложнѣйшую свободосвязь,

объединенную въ цѣлое посредствомъ связи его съ Безусловнымъ, т. е. съ Божествомъ.

Мы понимаемъ эти воззрѣнія Николая Васильевича не какъ безжизненную абстракцію, а какъ его живое убѣжденіе и сложившееся въ немъ широкое критическое обобщеніе жизненныхъ процессовъ. Онъ хорошо понималъ, что метафизическія отвлеченныя моральныя теоріи, сами по себѣ, ничтожны и мертвы и что отвлеченный хотя бы и высокій идеалъ вытѣсняется легко даже ничтожнымъ живымъ кумиромъ. Основатели Математическаго Общества и въ ихъ числѣ Николай Васильевичъ имѣли этическое міросозерцаніе, какъ свое живое убѣжденіе, которому они слѣдовали въ свой практикѣ.

На какихъ крѣпкихъ устояхъ, кромѣ привычки, выработанной воспитаніемъ, могло держаться у нихъ это живое этическое убѣжденіе и при томъ даже въ эпоху особаго увлеченія многихъ представителей точныхъ спеціальныхъ знаній разными кумирами? Къ этому прочному убѣжденію приводили ихъ: 1) здоровый скептицизмъ, состоящій въ настойчивомъ соблюденіи этическаго принципа: «не дѣлай себѣ кумира», 2) ихъ многообъемлющій и многогранный умъ, изощренный мыслію и жизнію чистаго сознанія, и 3) чутко прислушивающееся къ явленіямъ природы и человѣческой жизни чувство мѣры. При такихъ условіяхъ ихъ созерцаніе систематизировало и синтетически складывало множество мельчайшихъ естественныхъ вдохновеній, игнорируемыхъ менѣе прозорливыми и менѣе внимательными умами. Ихъ созерцаніе, какъ губка, впитывало въ себя вдохновляющія капли росы и создавало прочные положительные элементы этическаго познанія, прочувствованные ихъ внутреннимъ и внѣшнимъ опытомъ. Этихъ условій и способностей бываетъ достаточно, чтобы почувствовать живое убѣжденіе, что невидимое вліяніе Божества не есть метафизическая абстракція, и признать достовѣрность другихъ свидѣтелей, которые свидѣтельствуютъ о Немъ на основаніи вдохновеній другого характера и другой категоріи, относящихся къ той же Сущности. Они были въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для

критическаго усвоенія тѣхъ выводовъ этическаго познанія, которые называются естественнымъ и естественноисторическимъ Богопознаніемъ *).

Обиліе и гибкость понятій, которыми обладали основатели Московской философско-математической школы и которыя И. В. Бугаевъ свелъ къ формамъ аритмологическаго міросозерцанія и эволюціонной монадологіи, можетъ удовлетворить всѣмъ философскимъ запросамъ религіи и науки. Монадологическая теорія, переложенная на обыкновеный языкъ, ниже еще займетъ насъ въ примѣненіи къ вопросамъ объ отношеніи государства къ обществу и къ міру. Но предварительно коснемся оцѣнки матеріальныхъ интересовъ человѣка.

27. Физическое основаніе жизни, физическая сила и экономія матеріальныхъ условій жизни, забываемыя отвлеченнымъ идеализмомъ, были, какъ мы видѣли, предметомъ всесторонняго изслѣдованія основателей Московскаго Математическаго Общества. Если автономное вмѣшательство интеллектуальнаго міра, категорическая достовѣрность котораго выражена Декартомъ въ силлогизмѣ: «*cogito ergo sum*», вліяетъ на міръ физическій, возмущаетъ его движеніе по своимъ мыслемѣрнымъ и мѣрносвободнымъ основаніямъ, то что же въ этомъ послѣднемъ мірѣ, т. е. въ мірѣ физическомъ, остается абсолютно

*) Указывая на необходимость идеаловъ и ставя въ связь свое міросозерцаніе съ ихъ Источникомъ, основатели Математическаго Общества въ своихъ трудахъ не развиваютъ подробно этой связи. Задача эта должна принадлежать математикамъ, спеціализовавшимся въ области теологіи и обязаннымъ пополнять одностороннее естественное познаніе данными исторіи и Откровенія, безъ которыхъ аритмологическое міросозерцаніе было бы незаконченнымъ. Въ духовноакадемической литературѣ имѣются въ этомъ направленіи труды недавно скончавшагося почтеннаго профессора Московской духовной академіи *Д. Ѳ. Голубинскаго*. Упомянемъ его извѣстное сочиненіе: „Книга Секки: Единство физическихъ силъ и тенденціи вятскаго ея изданія на русскомъ языкѣ“ („Православное Обозрѣніе“, 1875 г., т. I и II). Болѣе подробныя свѣдѣнія о трудахъ Д. Ѳ. Голубинскаго указаны въ некрологѣ, напечатанномъ въ журналѣ: „Вѣра и Церковь“ (кн. 1 за 1904 г., Москва). Моральноариѳметическіе и морально-техническіе вопросы занимаютъ нѣмецкихъ теологовъ (Зюсмильхъ, Эттингенъ, Тейхмюллеръ и другіе).

категорическимъ, неповинующимся волѣ, аналитически незыблемымъ? Гдѣ область *физическихъ аналитическихъ ожиданій* отъ будущаго, въ которой абсолютно примѣнима аксіома: достовѣрно *a priori* (до наблюденія или свидѣтельства), достовѣрно и *a posteriori* и въ которой если и есть числовыя ошибки наблюдателя, то онѣ при достаточно большомъ числѣ тщательныхъ наблюденій исключаются (по способу наименьшихъ квадратовъ) или уменьшаются до возможныхъ предѣловъ, при чемъ самое лукавство наблюдателя легко изобличается и, между прочимъ, повѣряется согласіемъ системы погрѣшностей наблюденій съ извѣстною формулою Гаусса *)? Гдѣ этотъ міръ анализа и механики, не подчиняющійся волѣ, а покоряющій ее? Лапласъ, разсматривавшій въ своемъ знаменитомъ введеніи въ теорію вѣроятностей синтезъ міровъ интеллектуальнаго и физическаго, былъ остороженъ въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ. Лапласъ подчиняетъ вибраціи чувствилища всѣмъ законамъ динамики; но динамика эта, очевидно, особая, допускающая идейныя и волевыя инициативы и вліянія. Эту динамику, по нашему мнѣнію, надо назвать психоаритмологической, такъ какъ она не можетъ быть аналитической (въ физическомъ смыслѣ) и даже психоаналитической. При условіяхъ такой психодинамики Лапласъ могъ съ рѣшительностію указать лишь на одинъ категорическій законъ механики, сохраняющій силу въ міровой психофизіологи, а именно на простѣйшій интегралъ, извѣстный подъ именемъ *сохраненія центра тяжести* (см. «Introduction», p. CXVII). Этотъ интегралъ Лапласъ считаетъ имѣющимъ силу для подвижной системы, возбуждаемой движеніемъ идей и сѣдалища мысли, активно переживающаго мыслительный и волевой процессъ. Интегралъ же живыхъ силъ или законъ сохраненія энергіи Лапласъ не рѣшается распространить на эту психо-аритмо-механическую систему; онъ обращаетъ лишь вниманіе на условія экономнаго расходованія живой силы,

*) О принципахъ этой повѣрки искусства и лукавства наблюдателя сдѣланы были нами особыя замѣчанія въ книгѣ „Новыя основанія ученія о вѣроятностяхъ суммъ и среднихъ величинъ“ (въ главѣ о способѣ наименьшихъ квадратовъ).

состоящія въ дѣйствіи вибрирующаго сѣдалища мысли по возможности нечувствительными оттѣнками, т. е. вышеуказаннымъ предѣльнымъ психоаритмологическимъ процессомъ, который кажется непрерывнымъ и который мы отнесли къ области чистаго сознанія. Послѣдующіе математики, физики и химики большею частію стали категорически настаивать на универсальности закона сохраненія энергіи. Если, однако, принять во вниманіе различныя сужденія объ особыхъ свойствахъ энергіи, какъ то: сужденія о *скрытыхъ* состояніяхъ и о свойствахъ разныхъ невидимыхъ и невѣсомыхъ средъ, поглощающихъ энергію, то въ этихъ сужденіяхъ дается просторъ для ложныхъ круговъ и ирраціонализма. Поэтому категорическую силу закона сохраненія энергіи должно признать лишь при извѣстныхъ опредѣленныхъ физикохимическихъ условіяхъ, въ которыхъ указываются точно и формы энергіи, и способы ея учета. Если же на законъ сохраненія энергіи и на другіе физическіе законы взглянуть съ универсальной точки зрѣнія, то представляется болѣе вѣроятною мысль, что все, происходящее въ физическомъ мірѣ, находится подъ вліяніемъ интеллектуальнаго міра и, поэтому, оказывается не вполнѣ категорическимъ, мѣрнонеопредѣленнымъ — постепенно и медленно преобразующимся по волѣ духовно-разумныхъ существъ и высшей міровой Волѣ (Бога силъ).

Выросшую на вполнѣ объективной почвѣ вѣру въ тотъ принципъ, что міръ интеллектуальный и его свобода не могутъ быть подавлены міромъ физическимъ, вдохновенно выразилъ Николай Васильевичъ въ своемъ прекрасномъ философско-математическомъ изображеніи общей міровой формулы и въ философскомъ стихотвореніи. Эта незыблемость не физико-аналитическая, а психоаналитическая, которую разумныя существа могутъ прерывать и могутъ въ концѣ концовъ заставить физическій міръ и матеріальные интересы служить свободѣ и крестной правдѣ. Эта вѣра въ будущее примиряетъ Николая Васильевича съ настоящимъ, въ которомъ многое находится подъ гнетомъ физическихъ и экономическихъ условій.

Въ сложномъ человѣческомъ существованіи соединяются физическія категорическія начала съ психическими, образуя союзъ, который можетъ существовать лишь при извѣстныхъ категорическихъ матеріальныхъ условіяхъ. Въ жизни человѣческаго общества удовлетвореніе этихъ условій обезпечивается не легко, пріобрѣтается трудомъ и умомъ. Правильное обезпеченіе матеріальныхъ условій жизни составляетъ вопросъ *экономіи*, при рѣшеніи котораго предусматриваются физическая и матеріальная стороны общественныхъ потребностей, необходимыхъ для человѣческаго существованія и воспроизведенія человѣческаго рода. Эти физическія условія человѣческаго существованія удовлетворяются матеріальными благами, изысканіе и распредѣленіе которыхъ между потребителями обнимаетъ экономическій процессъ политической и общественной жизни.

Аритмологическая экономія строитъ особыя синтетическія формулы, объединяющія матеріальные интересы человѣка съ интеллектуальными, разсматривая эти формулы въ примѣненіи къ условіямъ не только личной, но и общественной и политической жизни.

Формулы аритмологической экономіи, связанныя съ проблемами объ обмѣнѣ матеріальными благами, должны зависѣть отъ *мѣрнонеопредѣленныхъ* величинъ, опредѣляемыхъ участіемъ разума и воли.

Для потребителя, имѣющаго запасъ X потребляемаго матеріальнаго блага, цѣнность Y этого блага можетъ быть опредѣляема по различнымъ формуламъ, изъ которыхъ удобнѣйшая и простѣйшая имѣетъ видъ:

$$dY = \frac{k.dX}{X},$$

гдѣ dX и dY суть дифференціальныя приращенія количествъ X и Y*). Эта психоаритмологическая дифференціальная фор-

*) Эту формулу можно примѣнять и для психомеханическаго эксперимента, изслѣдующаго свойства чувствилища. Въ психомеханическомъ экспериментѣ раздраженіе dX воспринимается чувствилищемъ при *пассивномъ* состояніи прислушивающагося сознанія (при бездѣйствіи воли). Чув-

мула содержитъ мѣрнонеопредѣленную величину k, зависящую, кромѣ физическихъ и физіологическихъ причинъ, еще отъ взаимодѣйствующихъ интеллектуальныхъ вліяній потребителя и всѣхъ прочихъ факторовъ, заинтересованныхъ не только въ трудѣ, капиталѣ и производствѣ, но и въ созданіи и охраненіи условій опредѣленнаго экономическаго порядка, покупаемаго цѣною таланта, знанія, умѣнія, самопожертвованія и героизма, какъ гражданскаго, такъ и военнаго. Эти факторы дѣйствуютъ совмѣстно-противорѣчиво, а потому мѣрнонеопредѣленное количество k въ каждый моментъ колеблется на соотвѣтствующемъ рынкѣ, гдѣ оно изъ возможнаго переходитъ при каждой мѣновой сдѣлкѣ въ состоявшееся, — колеблется какъ психоаритмологическій барометръ, отзывчивый къ соотвѣтствующимъ измѣненіямъ въ политико-экономической атмосферѣ. Если, напримѣръ, X есть запасъ нефти, на данной фабрикѣ, то ея потребительная цѣнность Y зависитъ не только отъ ожиданій нефтяного голода этой фабрики и отъ рыночнаго спроса и предложенія на нефть, но и отъ экономической политики съ Кавказскою и заграничною нефтью и отъ всѣхъ прочихъ общихъ и дифференціальныхъ условій, создаваемыхъ человѣческими способностями, ожиданіями, попеченіями и условіями.

Экономическія отношенія людей тѣсно связаны съ нравственными; но современный характеръ экономическаго соперничества болѣе и болѣе вытѣсняетъ изъ принциповъ экономической науки и изъ практики экономическихъ взаимоотно-

---

ствилищный процессъ при этомъ условіи наростаетъ на величину dY психомеханически. Количество k при этомъ имѣетъ значеніе механическаго коэффиціента. Въ экономическомъ процессѣ раздраженіе dX воспринимается сознаніемъ не пассивно, а активно: сознаніе въ этомъ случаѣ психоаритмологически опредѣляетъ величину dY, согласуя это опредѣленіе со своею волею и всѣми внѣшними обстоятельствами. Экономія матеріалистовъ и позитивистовъ не различаетъ этихъ двухъ пониманій разсматриваемой формулы, трактуя ее въ своихъ экономическихъ теоріяхъ психомеханически и тѣмъ самымъ устраняя изъ своихъ мѣрилъ нравственные элементы и автономные мотивы.

шеній моральный элементъ. Отвлеченный идеализмъ и юридическій формализмъ соединились здѣсь съ матеріализмомъ подъ флагомъ буржуазной гуманности; но на самомъ дѣлѣ эта гуманность не могла уничтожить неустранимаго экономическаго соперничества и лишь подмѣнила живыя идеально-реальныя физическія и духовыя силы мертвою формою, въ которой мало истинной гуманности и много фальши. Возстановить нарушенное здѣсь равновѣсіе между нравственнымъ сознаніемъ и юридическою нормою составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ экономической политики.

Чтобы экономія и мораль не раздѣлялись бездною, необходима широкоразвѣтвленная народная образовательно-промышленная школа; а чтобы школа эта не была мертворожденною, въ связи съ нею необходима соотвѣтствующая активная попечительная политика, объединяющая статистически предусмотрѣнными мѣрами личный составъ подготовленныхъ промышленнымъ образованіемъ учениковъ съ аренами промысла и труда. Политика, не уничтожая естественно сложившихся бытовыхъ промысловыхъ моральныхъ автономій, общинныхъ, родовыхъ, посемейныхъ и пр., можетъ статистически направлять, предусматривать и поддерживать своею энергіей эти промысловыя моральныя автономіи и, между прочимъ, прозорливо учитывать, куда и какъ должны направляться подготовленныя ученичествомъ группы и артели, такъ какъ приростъ населенія и измѣненія въ условіяхъ жизни требуютъ напередъ предвидимаго планомѣрнаго распредѣленія поколѣній на новинахъ промысла и трудовой дѣятельности. Политика своимъ статистическимъ учетомъ можетъ организовать изъ натуральныхъ запасовъ благъ и изъ сбереженій страхованіе интересовъ трудоваго населенія въ отношеніи разныхъ случайностей, при которыхъ лица оказываются въ особыхъ матеріальныхъ затрудненіяхъ.

Принципъ политическаго содѣйствія общинной организаціи народныхъ промысловъ и труда, опирающейся на бытовое этическое начало нравственной солидарности, встрѣчаетъ въ жизненной практикѣ большія препятствія вслѣдствіе стол-

кновенія его съ принципомъ индивидуализма. Этотъ послѣдній принципъ оставляетъ личность на произволъ случая, регулируемаго юридическо-аналитическимъ уравнительнымъ началомъ, которое въ концѣ концовъ оказывается физіологическимъ дѣйствіемъ голоднаго желудка. Матеріалистическій принципъ этотъ поддерживается одними вслѣдствіе агностическаго состоянія ихъ мысли, считающей индивидуализмъ за высшую свободу, а аналитическое уравнительное начало за высшую справедливость; другіе же поддерживаютъ этотъ принципъ вслѣдствіе хитраго разсчета, надѣясь уловкою, опирающеюся на девизъ: «divide et impera», подготовить расплывчатость народной почвы, удобную для космополитическихъ экономическихъ эксплуататоровъ. На западѣ эти принципы имѣли свое дѣйствіе, подготовивъ пролетаріатъ и борьбу труда съ капиталомъ. Стачки тамъ являются неизбѣжною формою этой борьбы, такъ какъ космополитическіе боги—капиталисты стремятся пожрать индивидуальную свободу людей, стараясь сдѣлать ихъ равноголодными и равнопокорными экономическимъ кумирамъ. Этотъ строй и есть тотъ призрачный либерализмъ, въ которомъ свобода есть миражъ, а царитъ либеральный экономическій факторъ: желтый металлъ, т. е. абсолютизмъ, но уже безъ всякаго идеала. Какъ всякій ложный строй, этотъ экономическій порядокъ обыкновенно самъ себя подрываетъ, ведя къ нравственной анархіи и унося съ собою многія жертвы недоразумѣнія.

Въ настоящее время въ политико-экономической литературѣ крайне необходимы труды съ трезвымъ морально-критическимъ направленіемъ, которое должно отрѣшиться отъ принципа крайняго индивидуализма, связываемаго матеріалистическими уравненіями, ложно детерминирующими взаимоотношенія и взаимодѣйствія заинтересованныхъ сторонъ. Необходимо извлечь промышленно-экономическое сознаніе какъ изъ хаоса замкнутаго индивидуализма, такъ и изъ ложнаго аналитическаго детерминизма. Путь для такой реформы научно-философскаго политико-экономическаго сознанія намѣчается координаціей его, связанною съ этическими свободными детерминаціями взаимо-

отношеній и взаимодѣйствій. Идеалы истинной нравственной солидарности, поддерживаемые здравыми политическими мѣрами и учетами, способны смягчить жестокость экономическаго соперничества и сплотить людей въ свободосвязную армію труда и промысла, незабывающую истиннаго призванія живого цѣльнаго человѣка *).

Соперничество и этико-соціальныя дисгармоніи вынуждаютъ тратить физическую силу не только для промышленно-трудовыхъ цѣлей, но и для защиты живыхъ истинныхъ идеаловъ отъ врага. Въ числѣ свойствъ и способностей моральныхъ автономій играетъ роль ихъ физическая сила или энергія (потенціальная и оборотная), которую онѣ *правомѣрно* примѣняютъ для вліяній по цѣли охраненія своихъ границъ и своихъ идеаловъ и для практическихъ настояній въ осуществленіи своихъ категорическихъ охранительныхъ требованій. Автономія платоническая, т. е. лишенная возможности для воли располагать энергіей для правомѣрной самозащиты, есть не только пассивная (удерживающаяся отъ расхода охранительной энергіи), но и пустая автономія, чучело, пугающее дѣтей, но не могущее вліять своею инициативою ни на физическія, ни на этико-соціальныя закономѣрности. Даже чисто интеллектуальныя вліянія (словами, рѣчами, благодатью, внушеніями, благословеніями, благопожеланіями и пр.) требуютъ расходованія большой физической энергіи. Но еще больше нужно физической силы, чтобы обосновать соціальную культуру среди враждебныхъ ей силъ, чтобы поставить ее въ такія условія, при которыхъ никакой пожиратель чужой свободы не глоталъ бы безнаказанно носителей даже слабыхъ,

*) Критика существующихъ политико-экономическихъ теорій, выполненная на основаніи моральныхъ оцѣнокъ и моральныхъ соображеній, есть все еще дѣло будущаго, хотя можетъ быть, уже и недалекаго. Наброски этой критики были талантливо намѣчены *Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ* въ его „Основныхъ началахъ „экономіи (посмертный трудъ, съ предисловіемъ проф. И. Т. Тарасова. Изданіе А. М. Гальперсонъ. Москва. 1889). Попытки того же рода сдѣланы разными авторами въ извѣстномъ сборникѣ проф. *П. Н. Новогородцева* „Проблемы идеализма“ (Москва. 1902).

но законныхъ автономій. Культурное государство, свободосвязно объединяющее физическія и духовныя силы слабыхъ, но законныхъ автономій, располагаетъ могучею потенціальною энергіей и накопляетъ огромную оборотную энергію, экономно расходуемую, чтобы защищать ею благотворный этико-соціальный процессъ и ограждать культуру отъ лукавыхъ, презрѣнныхъ и звѣрскихъ автономій. Автономія культурнаго государства является, такимъ образомъ, благодѣтельнымъ моральтехническимъ орудіемъ физической защиты человѣческой культуры. Ея идеально-реальная юридическая формула не мертвая, опредѣляемая счетомъ пустыхъ бумажныхъ бюллетеней, а живая, бюллетени которой суть булатъ, кровь и духъ культурнаго рыцаря-народа, отыскивающаго правду и истину, если она коварно попирается хитрыми лжецами-формалистами. Эти идеально-реальныя охранительныя цѣнности дороже злота и дороже всего матеріальнаго. Ихъ нужно имѣть на готовѣ и пускать въ ходъ съ своевременнымъ необходимымъ рискомъ и съ экономіей скупѣйшаго разумнаго скопидома.

Физическія матеріальныя свойства государства, какъ живой личной свободосвязи, тѣсно соприкасаются съ понятіемъ о *національности* или воплощеніи этой коллективной личности въ опредѣленномъ живомъ человѣческомъ племени, занимающемъ опредѣленную политую потомъ и кровью предковъ территорію, питающую это племя и дающую ему физическую опору размножаться и взаимодѣйствовать съ прочими племенами и союзами, обитающими на той же самой почвѣ. Этико-соціальныя условія, ставящія національному государству объединять племена на началахъ братской нравственной солидарности, требуютъ различать свои племена отъ *не своихъ* племенъ и лицъ, хотя и братскихъ по человѣчеству, но обособленныхъ по физическимъ матеріальнымъ интересамъ. Космополитизмъ стремится подорвать цѣнность племеннаго и политическаго раздѣленія людей на основаніи того резона, что внѣ даннаго народа и внѣ даннаго государства могутъ быть лица высокихъ качествъ, а среди національностей могутъ быть невѣжды и плуты. Но космополитическія лица высокихъ нрав-

ственныхъ качествъ (какъ ватиканъ) не должны касаться этихъ раздѣленій во имя принциповъ истинной свободы. Космополиты же, дѣйствующіе внѣ нравственныхъ правилъ, суть изощренные дѣльцы-плуты, и, конечно, свой плутъ (Колупаевъ, Разуваевъ) лучше космополитическаго плута, такъ какъ эксплуататоръ-космополитъ отчуждаетъ собранныя неправдою блага на вѣчное время и со всѣми процентами; свой же эксплуататоръ не уноситъ собраннаго неправдою изъ своей страны, а, уйдя въ могилу или исправившись, оставляетъ свой мамонъ другимъ. Родная почва, родное племя и государство для жизни индивидуальной также нужны, какъ для сучьевъ и листьевъ нужно дерево. Истинное этико-соціальное ученіе должно научить людей такому вселенскому братству человѣчества, которое не отсѣкаетъ человѣческую личность отъ родившаго ее соціальнаго дерева, такъ какъ при такихъ отсѣканіяхъ засыхаютъ и листья, и дерево, и ихъ плодъ, годясь въ дѣло лишь какъ пассивный мертвый матеріалъ міростроительства.

28. Возвращаясь къ задачамъ истинно раціональнаго государства, мы повторяемъ, что задачи эти глубже задачъ формально-правоваго государства, подмѣняющаго политическую мудрость ирраціональными юридическими кумирами. Раціональное государство, какъ сложная личная монада, владѣющая истиннымъ соціальнымъ мѣриломъ, является факторомъ, не только объединяющимъ людей на основаніи нормъ права, но и связывающимъ себя съ міромъ, какъ болѣе сложною монадой. Раціональное государство должно въ точности усвоить себѣ эти послѣднія связи, т. е. постигнуть истинныя нравственныя начала, и должно сверхъ того найти объективную мѣру снисходительности къ тѣмъ, кто стоитъ на низшихъ уровняхъ субъективнаго пониманія нравственныхъ связей человѣка съ государствомъ и съ міромъ. Философы-моралисты, какъ блаженный Августинъ, Кантъ, А. С. Хомяковъ, Владиміръ Соловьевъ*) и другіе**), кри-

*) *Владиміръ Соловьевъ*, „Оправданіе добра. Нравственная философія“. Изд. 2. Москва. 1899.

**) Изъ новыхъ сочиненій русскихъ философовъ-моралистовъ укажемъ слѣдующіе труды:

тически разсматриваютъ гносеологію, источники и мировозначеніе личнаго нравственнаго Идеала и Его завѣта или вее ликаго нравственнаго императива, который пока реально существуетъ лишь какъ еще недостигнутая нами и *некатегорически* вліяющая въ нашихъжизненныхъ взаимоотношеніяхъ цѣль. Эта цѣль есть истинное благо, сознательное настроеніе, гармонически объединяющее и уравновѣшивающее въ особомъ дифференціальномъ и интегральномъ синтезѣ всѣ истинно цѣнные интересы: личные, соціальные и универсальные.

Математическая схема точнаго познанія оставляетъ моралистамъ гносеологически и критически разобраться въ самыхъ источникахъ мірового добра и зла; но она должна для координируемыхъ ею философскихъ, научныхъ и практическихъ знаній въ области соціальныхъ явленій и соціальной архитектоники, отвести должное мѣсто объективнымъ этическимъ факторамъ, открывъ просторъ для систематическаго изученія и примѣненія соотвѣтствующихъ взаимоотношеній и проявленій духовной жизни. Объединяющее человѣка съ личнымъ нравственнымъ Идеаломъ нравственное начало назовемъ міровымъ (универсальнымъ) мѣриломъ, отличая его отъ соціальнаго мѣрила, связывающаго человѣка съ обществомъ, объединяемымъ государствомъ. Включить это необходимое этическое мѣрило въ построеніе соціальныхъ знаній составляетъ тотъ завѣтъ, который основатели Математическаго Общества намѣтили яс-

1) Проф. *Ивана Попова*, „Естественный нравственный законъ. Психологическіе основы нравственности". (Сергіевъ Посадъ, Моск. губ. 1897).

2) Проф. кн. *С. Н. Трубецкаго*, „Ученіе о Логосѣ въ его исторіи. Философско-историческое изслѣдованіе". (Москва 1900).

3) Епископа *Антонія* (*Храповицкаго*), „Полное собраніе сочиненій", томы II и III. (Казань. 1900).

4) Проф. *Алексѣя Введенскаго*, „Религіозное сознаніе язычества. Опытъ философской исторіи естественныхъ религій". Москва. 1902.

5) Проф. *П. Соколова*, „Вѣра. Психологическій этюдъ". Москва. 1902.

6) Проф. *С. С. Глаголева*, „Сверхъестественное откровеніе и естественное Богопознаніе внѣ истинной церкви". (Сергіевъ-Посадъ. 1900).

7) Провѣренная проф. *Т. И. Буткевичемъ* статья *Василія Задонскаго* „Тайное ученіе". (Мирный Трудъ, № 5 за 1904 годъ. Харьковъ)

но, оставивъ синтетическо-критическую разработку этой задачи и преодоленіе препятствій, вытекающихъ изъ трудностей этихъ началъ критики, своимъ ученикамъ.

Индивидуальное мѣрило есть личная закономѣрность; соціальное мѣрило есть общественная закономѣрность, а міровое мѣрило есть закономѣрность вселенной. Двѣ послѣднія закономѣрности принадлежатъ къ интегральнымъ. Эти три закономѣрности многомѣрнаго координированнаго, совмѣстно-противорѣчиваго жизненнаго общественнаго строя сопоставляются и обсуждаются соціальною наукою, приводя къ многочисленнымъ вопросамъ о роли государства, имѣя въ виду множественность и разнообразіе индивидуальныхъ закономѣрностей объединяемыхъ государствомъ. Каждая изъ индивидуальныхъ закономѣрностей можетъ сдѣлаться абсциссою субъективнаго сужденія, смотря по тому, на какой точкѣ зрѣнія субъектъ стоитъ, и каждая такая точка зрѣнія можетъ не только перспективно (агностически) и, слѣдовательно, невольно искажать сужденіе субъекта, но и сдѣлаться опорнымъ пунктомъ для сознаваемаго автономнаго злоупотребленія чужими интересами въ свою пользу. Эти практическія коллизіи нуждаются въ объективномъ синтетическо-критическомъ обсужденіи для возстановленія справедливости. Объективное рѣшеніе дѣла есть рѣшеніе, согласное съ универсальнымъ мѣриломъ или съ истинными нравственными требованіями и снисхожденіями къ ошибкамъ столкнувшихся сторонъ. Какъ приблизиться къ этому объективному рѣшенію? Какова математическая связь затрогиваемыхъ этими вопросами мѣрилъ индивидуальнаго, соціальнаго и универсальнаго? Изъ этихъ вопросовъ насъ болѣе всего интересуетъ послѣдній; но онъ связанъ съ остальными.

Математическая связь мѣрилъ индивидуальнаго, соціальнаго и универсальнаго представляетъ вопросъ, который, подобно вопросу о связи міровъ физическаго и интеллектуальнаго, является пробнымъ камнемъ для опредѣленія достоинствъ философско-математическихъ школъ. Научно-философско-математическое рѣшеніе этого вопроса отражается какъ на

теоретическомъ построеніи системы моральныхъ знаній, такъ и на соціальной и моральной техникѣ, вытекающей изъ этого рѣшенія.

Этимъ напоминаніемъ о роли математическаго сужденія въ рѣшеніи вопросовъ права и суда, мы, кстати, выразимъ философско-математическій протестъ противъ сложившагося въ юридическомъ и политическомъ образованіи ненормальнаго положенія, которое то вовсе устраняетъ математическій логосъ изъ своей науки и техники, то пользуется иногда спутанными проявленіями его, о которыхъ будемъ здѣсь говорить.

Задача раціональнаго государства, которому въ высшей инстанціи принадлежитъ распоряжаться соціальнымъ мѣриломъ и которое имѣетъ для этой цѣли широко развѣтвленную службу (политическій логосъ), гармонически объединять жизнь общества во всѣхъ отрасляхъ. Спрашивается, нѣтъ ли въ задачѣ этой политикообщественной организованности неразрѣшимаго противорѣчія, нѣтъ ли несовмѣстимой противоположности между государствомъ и обществомъ, между политическимъ логосомъ и общественнымъ логосомъ. Современная политическая наука поставила этотъ вопросъ, но не даетъ на него согласнаго отвѣта *). Вагнеръ считаетъ основнымъ закономъ историческаго развитія государства постоянное возрастаніе и расширеніе государственной дѣятельности, а Лассонъ, наоборотъ, находитъ въ исторіи съуженіе сферы дѣятельности государства. Вагнеръ былъ бы правъ, если бы онъ не стоялъ на узкой позитивно-аналитической точкѣ зрѣнія. Государство, какъ личность, способно къ многообразному гармоническому развитію и гармоническому сочетанію своего большого «Я» съ малыми «я», увеличивающему духовное и физическое могущество какъ цѣлаго, такъ и дифференціальныхъ частей. Заключеніе это относится ко всѣмъ родамъ оцѣнокъ сознанія. Въ направленіи каждаго измѣренія соціальное мѣрило при-

*) См. *Н. Коркунова:* „Сравн. очеркъ государ. права иностр. державъ“, стр. 15—16.

надлежитъ къ категоріи *интегральныхъ* мѣрилъ, тогда какъ соотвѣтствующій элементъ личной закономѣрности, составляющей для даннаго лица его индивидуальное мѣрило, является въ этомъ сопоставленіи лишь *дифференціальнымъ*. Отсюда мы можемъ заключить о характерѣ связи соотвѣтствующихъ элементовъ идивидуальнаго и соціальнаго мѣрилъ, зная, что, какъ было выше разъяснено, вообще интегралъ (интегральныя уравненія) и дифференціальныя уравненія взаимно связаны мѣрнонеопредѣленнымъ отношеніемъ. Въ эту связь должны входить, какъ мы уже говорили, *произвольныя постоянныя* и даже *произвольныя функціи*, и, поэтому, политическое начало и индивидуальное начало не состоятъ лишь въ категорически противоположныхъ другъ другу взаимоотношеніяхъ, пожирающихъ всю автономію и иниціативу личности. *Эта связь некатегорическая*, оставляющая просторъ, чтобы въ немъ правомѣрно уложились интересы цѣлаго «Я» съ интересами малыхъ «я». Вмѣстѣ съ тѣмъ въ эту связь разумное политическое сужденіе можетъ внести увеличивающую общее благо гармонію, дирижируемую регентомъ, заключеннымъ въ большомъ «Я», —гармонію, которая извлекается изъ диссоціированнаго общества политическимъ искусствомъ, какъ массовый соціальный союзъ, солидарность, ассоціація. Это искусство опирается на науку и статистическую гносеологію и на тотъ принципъ, что разсматриваемая связь *мѣрная*, фунціональная, выраженная діалектически въ построенныхъ по правиламъ научной гносеологіи императивахъ политическаго логоса, составляющихъ гражданскій законъ съ его духомъ и опредѣляющихъ право, долгъ и политическій порядокъ. Коллизіи индивидуума съ этимъ порядкомъ возможны, но въ каждомъ частномъ случаѣ большое «Я» можетъ мыслемѣрно и справедливо отнестись къ нимъ, отдавъ эти коллизіи, а равно и всѣ коллизіи между малыми «я» правильно организованному обсужденію посредствомъ политико-общественныхъ учрежденій. Аритмологическое рѣшеніе такихъ коллизій должно опираться на аритмологическій судебный синтезъ, въ которомъ играютъ существенную роль законъ и право и живыя мѣрныя сужденія, оцѣнка вѣроятностей, оцѣнка категориче-

скихъ и некатегорическихъ ожиданій и желаній и признаніе мѣрносвободной воли, мѣрнаго вмѣненія. Примѣненіе этого мыслемѣрнаго или судебнаго отправленія составляетъ правомѣрный процессъ государства. Судья, отправляющій свою политическую соціальную функцію, синтетически взвѣшиваетъ вину вмѣстѣ съ ея послѣдствіями и съ будущимъ положеніемъ заинтересованныхъ сторонъ, къ числу которыхъ принадлежатъ какъ индивидуальные интересы прикосновенныхъ лицъ, такъ и интересы общаго блага, измѣряемаго соціальнымъ мѣриломъ. Искусству и такту судьи, возстановляющаго своимъ рѣшеніемъ причиненный нравственный или матеріальный ущербъ, принадлежитъ такое согласованіе всѣхъ мѣрилъ, которое должно быть безпристрастнымъ. Мы разумѣемъ здѣсь политическую судебную функцію въ широкомъ смыслѣ, имѣя въ виду, что соціальное мыслемѣрило функціонируетъ не только собственно въ юридическомъ (ретроспективномъ) процессѣ, возстановляющемъ интересы, попранные какою-либо стороною, но и вообще во всемъ закономѣрномъ теченіи соціальной жизни, правильно организованной законами и политико-общественными учрежденіями для надлежащаго направленія и рѣшенія общихъ, частныхъ и спеціальныхъ политическихъ и бытовыхъ дѣлъ, представляющихъ собою какъ прошедшія и текущія, такъ и ожидаемыя коллизіи индивидуальныхъ и соціальныхъ интересовъ.

Но, при сопоставленіи соціальнаго мѣрила съ болѣе широкимъ міровымъ (объективнымъ), возникаетъ вопросъ, приближаются ли рѣшенія организованнаго политическаго суда, опирающагося на силы государства и общества и на гражданскій законъ, къ этическимъ рѣшеніямъ, удовлетворяющимъ требованію объективной справедливости. Конечно, нѣтъ, если политическій логосъ и его судъ слишкомъ заинтересованы своими почвенными соціальными интересами и не проникнуты въ достаточной мѣрѣ высшимъ этическимъ началомъ, требующимъ нѣкоторыхъ отрѣшеній отъ почвы во имя интересовъ истинной справедливости и объективности. «Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ. Ибо Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцомъ его и дочь съ матерью ея и невѣстку съ свекровью ея. И враги человѣку домашніе его. Кто любитъ отца или мать болѣе нежели Меня, недостоинъ Меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе нежели Меня, не-

достоинъ Меня» (Мат. X, 34—38). «Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный». «Будьте святы, какъ Я святъ, Господь Богъ вашъ». «Нѣтъ уже іудея, ни язычника; нѣтъ раба, ни свободнаго; нѣтъ мужескаго пола, ни женскаго: ибо всѣ вы одно во Христѣ Іисусѣ» (Галат., III, 28). «Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня: ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мат., XI, 29—30). Эти заповѣди вмѣстѣ съ заповѣдью любви къ ближнему и даже къ врагамъ (въ царствѣ закона) образуютъ естественную психоаритмологическую связь дифференціальныхъ элементовъ человѣческаго общества какъ съ почвенными соціальными условіями, такъ съ міровымъ Солнцемъ правды, всѣхъ равно притягивающимъ и обогрѣвающимъ, не нарушая почвенныхъ притяженій, связанныхъ съ обязанностями къ семьѣ, родинѣ, государству и человѣчеству *).

Индивидуальный умъ, не поднявшійся до правильнаго точнаго логическаго пониманія связи универсальнаго мѣрила съ индивидуальнымъ и соціальнымъ, даже при развитомъ нравственномъ чувствѣ легко попадаетъ въ этическія ловушки, въ ошибочное сужденіе о распредѣленіи обязанностей, долга, интересовъ и отвѣтственности между автономными индивидуальными факторами, съ одной стороны, и автономными политическими и общественными факторами, съ другой стороны. Въ этой плоскости сужденія, столь опасной для поверхностнаго ума, лежитъ разница между человѣкомъ-автономистомъ въ его абсолютномъ своеволіи и богобоязненнымъ человѣкомъ-гражданиномъ, сознающимъ лежащій на немъ и ограничивающій его своеволіе общественный, политическій и религіозный долгъ.

Чтобы рѣзче уяснить себѣ всю трудность усвоенія различія и связи между соціальнымъ и индивидуальнымъ мѣрилами, вспом-

---

*) Сжатая и точная характеристика этихъ связей указана въ прекрасной лекціи проф. *С. Глаголева:* „Патріотизмъ и христіанство“. (См. „Душеполезное Чтеніе“, №№ 2—5, 1904. Москва).

нимъ тотъ фактъ, что любой самый безспорный императивъ или какой либо иной твердо установленный тезисъ соціальной морали въ автономныхъ сужденіяхъ лицъ преломляется — у однихъ подъ угломъ тезиса, у другихъ подъ угломъ антитезиса. Въ этомъ моральномъ, разладѣ благія личныя намѣренія часто ведутъ въ соціальный бедламъ, и наоборотъ. Не будемъ говорить здѣсь объ агностическихъ недоразумѣніяхъ, которые такъ естественны и вполнѣ извинительны, если они не вытекаютъ изъ небрежности. Важно то, что интеллигенція человѣчества съ изощренными мѣрилами и средствами мышленія создала здѣсь много ложныхъ идеалистическихъ и матеріалистическихъ движеній,—та интеллигенція, которая юридически судитъ и критически руководитъ человѣческими массами. Вотъ почему этотъ вопросъ нужно считать главнымъ вопросомъ общаго образованія и ставить его въ числѣ основныхъ вопросовъ точнаго познанія. Извѣстная примиряющая этотъ разладъ синтетическая формула: «нельзя противиться волѣ соціальнаго законодателя, предписывающаго дифференціальнымъ соціальнымъ факторамъ законъ съ точки зрѣнія общаго блага» (формула воздаянія кесарева кесарю и Божія Богу), безусловно вѣрная по существу, оправдываетъ *предусмотрѣнные* соціальнымъ законодательствомъ случаи пожертвованія дифференціальнымъ благомъ ради содѣйствія интегральному благу и случаи непротивленія дифференціальному злу ради болѣе энергичнаго противленія интегральному злу. Однако эта формула безъ тщательнаго дифференціальнаго и синтетическаго критическаго ея раскрытія приводитъ къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ: пользуясь ею, то возлагаютъ на государство ответственность за всѣ индивидуальные грѣхи и легкомысленно умаляютъ важное значеніе идеи государства, то весь гнетъ ответственности за моральныя дисгармоніи слагаютъ на рядовую личность, почти лишаемую ради соціальнаго блага всякой автономіи, то объявляютъ принципъ: цѣль оправдываетъ средства, то, наконецъ, прячутъ рѣшеніе вопроса въ разныя формулы абсолютнаго непротивленія злу, слагающія подъ предлогомъ того или другого

односторонняго универсализма всѣ заботы объ активномъ участіи въ уменьшеніи зла и въ созиданіи блага лишь на безконечно далекіе интегральные факторы, вынесенные за предѣлы личнаго и соціальнаго сознанія. Всѣ эти крайности ошибочны и въ сущности равносильны уничтоженію самаго нравственнаго долга для той или другой стороны, прикосновенной къ разсматриваемому моральному разладу и получающей какъ бы привилегію не считаться въ данномъ случаѣ съ своимъ долгомъ. Діалектикамъ и эмпирикамъ простительна эта спутанность, такъ какъ вопросъ этотъ требуетъ мѣрности и математической координаціи, мимо которой проходитъ ихъ умственный взоръ, игнорируя ее въ своемъ математически недисциплинированномъ мышленіи. Но и нѣкоторые математики (позитивисты-аналитики), примѣняющіе къ соціальнымъ вопросамъ математическую мѣрность, даютъ узкое рѣшеніе этого вопроса. Посмотримъ, какъ подходятъ къ этому вопросу неопозитивисты, пользующіеся математическимъ анализомъ.

Утилитаризмъ добросовѣстно пытался примирить разладъ индивидуальнаго нравственнаго мѣрила съ соціальнымъ; но эти попытки были неудачны вслѣдствіе крайней односторонности взгляда на учетъ общественнаго блага и на отвѣтственность человѣка за причиняемый обществу вредъ. Сторонники утилитарной эволюціонной морали недавно пересмотрѣли свою соціальную этику и излагаютъ ея основанія въ сборникѣ: «Natur und Staat» (Iena. 1903), примѣняя математическій анализъ къ рѣшенію своихъ проблемъ. Здѣсь Heinrich Matzat*) выступилъ со своею премированною статьею: «Философія приспособленія». Matzat формально соединилъ Кантовскій нравственный категорическій императивъ: «дѣйствуй такъ, какъ будто правило твоего дѣйствованія по твоей волѣ стало общимъ закономъ природы» съ извѣстнымъ въ математической

*) *Matzat*: „Philosophie der Anpassung mit besonderer Berücksichtigung des Rechtes und des Staates". Рецензія этой статьи помѣщена въ VIII книгѣ журнала: „Научное Слово" за 1903 годъ, за подписью проф. *В. Хвостова.*

физикѣ принципомъ Гертца: «всякая свободная система *) пребываетъ въ состояніи покоя или въ однообразномъ движеніи по наиболѣе прямому направленію».

Категорическій императивъ Канта пострадалъ здѣсь очень сильно такъ какъ онъ превратился въ абсолютное уравнительное начало, т. е. въ аналитическій принципъ. Великій германскій философъ, конечно, не повиненъ въ этомъ существенномъ измѣненіи его принципа. Измѣненіе это состоитъ въ томъ, что подлинный категорическій императивъ Канта психоаритмологиченъ, такъ какъ содержащаяся въ немъ уравнительность человѣческихъ взаимоотношеній нарушается признаніемъ, съ одной стороны, нравственной *автономіи* и, съ другой стороны, моральнымъ *неравенствомъ*, а именно признаніемъ святости Божества и, слѣдовательно, тяготѣніемъ людей къ этому Идеалу. Нравственная свобода и этическія неравенства и различія дѣлаютъ категорическій императивъ Канта жизненнымъ психоаритмологическимъ уравнительнымъ принципомъ, уничтожающимъ абсолютную или аналитическую уравнительность.

Ставъ на такую чисто аналитическую точку зрѣнія, почтенный неопозитивистъ и неокантіанецъ остается вѣрнымъ утилитаризму и рѣшаетъ съ этихъ точекъ зрѣнія коллизіи между индивидуальнымъ и соціальнымъ мѣрилами отношенія добра и зла. Хорошимъ является человѣкъ, который хочетъ сохраненія и увеличенія общей суммы цѣнностей; дурнымъ долженъ почитаться тотъ, кто стремится къ уменьшенію общей суммы цѣнностей. Отъ того или другого направленія нашего желанія по отношенію къ общей суммѣ цѣнностей зависитъ и вообще правомѣрность нашего существованія на свѣтѣ. Всѣ хорошіе люди (въ силу Кантов-

*) „Свободная“ система аналитиками и физиками понимается въ извѣстномъ *механическомъ* смыслѣ, не имѣющемъ ничего общаго со свободою духа, съ его творческою инициативою. Едва ли неопозитивисты-кантіанцы, пользующіеся принципомъ Гертца въ примѣненіи къ жизни сознанія, вкладываютъ въ слова: „свободная система“ понятіе, равносильное допущенію свободы воли и вообще мыслемѣрнаго индетерминизма.

скаго императива) должны отъ насъ требовать, чтобы мы хотѣли увеличенія, а не уменьшенія суммы цѣнностей. Въ противномъ же случаѣ они должны желать нашего полнаго уничтоженія...

Эти сужденія трактуютъ коллизіи интересовъ между мѣрилами индивидуальнымъ и соціальнымъ такъ же, какъ трактуются соударенія или шоки механическаго и физическаго характера. Но этого еще мало. Въ подобныхъ категорическихъ сужденіяхъ неопозитивистовъ о связи соціальнаго мѣрила долга съ индивидуальнымъ чувствуется ложный кругъ относительно того, какой богоподобный маклеръ въ состояніи опредѣлить общую сумму соціальныхъ цѣнностей и какъ онъ, этотъ маклеръ-кумиръ, будетъ оцѣнивать цѣнность самой живой личности, столь легко предаваемой уничтоженію по узкому психомеханическому утилитарному мотиву. Сама по себѣ общая сумма благъ по существу своему неуловима и, строго говоря, не имѣетъ абсолютнаго математическаго выраженія (въ силу указанной мѣрной некатегорической связи интеграла съ дифференціаломъ и въ силу разнородности благъ), а относительный ея смыслъ, связанный съ обмѣномъ экономическихъ благъ, основанъ на условномъ признаніи особыхъ мимолетныхъ (курсовыхъ) *произвольныхъ* маклерскихъ, комиссіонерскихъ, политическихъ и прочихъ психоаритмологическихъ *эквивалентовъ* для существенно разнородныхъ обмѣниваемыхъ цѣнностей.

Правы неопозитивисты-кантіанцы лишь въ томъ, что, по требованіямъ справедливости, невозможно невмѣненіе человѣку вины за самовольное уничтоженіе цѣнностей и вообще за причиняемое обществу незаконное зло. Почтенно съ ихъ стороны и то, что они пытаются провести въ науку о правѣ и о государствѣ математическій принципъ, игнорируемый нѣкоторыми юристами и политиками. Но чрезмѣрно увлекаясь математическимъ анализомъ и пренебрегая прочими важными отдѣлами математики, неопозитивисты, какъ и прежніе позитивисты, впадаютъ въ психомеханизацію и другія противорѣчія съ истинными понятіями этическаго характера. Жестокая борьба партій и классовъ, напоминающая древній Римъ, всегда бы-

ваетъ результатомъ разрѣшенія соціальныхъ коллизій посредствомъ лишь мертвящаго аналитическаго категоризма, не понимающаго того, что есть другая твердость и другая категоричность, чрезъ которую просачивается жизнь и которая исключаетъ мертвящій формализмъ и мертвящую жесткость. Недаромъ философы-моралисты, какъ Карлейль, невольно пылаютъ возмущеннымъ чувствомъ противъ этики аналитическаго міросозерцанія. Николай же Васильевичъ Бугаевъ видитъ въ претензіяхъ аналитиковъ рѣшать этого рода вопросы недостатокъ смиренномудрія.

Для хитраго, лукаваго ума такая этика правовыхъ отношеній и санкціонируемые ею аналитическіе моральные шоки и коллизіи удобны, чтобы изловлять лукавыми сѣтями наивныхъ аналитиковъ, повѣрившихъ исключительно въ этотъ видъ соціальной детерминаціи. Для благостнаго ума эти коллизіи не оставляютъ выхода, чтобы спасти изъ психомеханической пасти могучаго соціальнаго льва не только то горчичное зерно, изъ котораго произрастаетъ великое дерево, но и тѣхъ мудрыхъ и праведныхъ людей, которые погибли отъ яда, крестныхъ мукъ и гильотины по приговорамъ соціальнаго суда.

Исторія заблужденій, имѣвшихъ мѣсто при моральныхъ оцѣнкахъ личностей съ точки зрѣнія соціальныхъ и универсальныхъ мѣрилъ, имѣетъ роковыя страницы, подрывавшія довѣріе къ судьямъ гражданскимъ и духовнымъ *). Но эти явленія исторіи не могутъ служить основаніемъ къ исключенію болѣе тщательной и осторожной моральной оцѣнки лицъ и дѣлъ изъ научнаго познанія и изъ соціальной техники и соціальнаго суда, координированнаго точными математическими

*) Популярная и въ тоже время строго научно-философская статья проф. *Н. С. Суворова*: „Вѣра и дѣла“ (Ярославль, 1888) даетъ въ сжатомъ очеркѣ прекрасное понятіе о колебаніяхъ и заблужденіяхъ въ исторіи моральныхъ оцѣнокъ съ точки зрѣнія религіознаго и правового сознанія. Здѣсь указаны, между прочимъ, діалектическія и іезуитскія злоупотребленія пробабилизмомъ, т. е. спутаннымъ примѣненіемъ своего рода „теоріи вѣроятностей“, справедливо возмутившимъ янсенистовъ, къ которымъ принадлежалъ Паскаль. Пробабилизмъ этотъ пользовался двойною мѣрою, какъ средствомъ софистическаго оправданія нечистыхъ дѣлъ.

и критическими принципами. Эти прискорбныя явленія требуютъ лишь относить моральныя оцѣнки и ожиданія противорѣчій, право и мотивацію, законъ и судъ къ области болѣе глубокаго аритмологизма, къ области такихъ моральныхъ взаимоотношеній и взаимодѣйствій, которыя не допускаютъ ни моральнаго индифферентизма, ни нетерпимости и фанатизма,—къ области, въ которой берется въ разсчетъ не только прошлое каждаго существа и каждаго виновника, но и будущее съ его желательными и нежелательными ожиданіями и вѣроятностями. Тогда прямолинейное аналитическое психомоторное рѣшеніе соціальныхъ коллизій преобразуется въ прямолинейное же, но аритмологическое геометрическоэтическое психомоторное рѣшеніе тѣхъ же коллизій, болѣе эластическое, требующее больше такта и мудрости отъ участниковъ въ нихъ и отъ судьи, открывающее мѣрный просторъ и самодовлѣющему праву, и долгу, и вѣрнѣе ведущее путемъ сверкающихъ, но разумно смягченныхъ грозъ нравственной борьбы (внутренней и внѣшней) къ истинному соціальному и міровому благу.

Въ широкомъ смыслѣ право опредѣляетъ геометрическоэтическія *границы* мѣрныхъ или моральныхъ автономій, т. е. опредѣляетъ условія и нормы совмѣстимости различныхъ автономій другъ съ другомъ. Эти границы очерчиваютъ области, въ которыхъ воля каждаго лица по принадлежности является правомѣрно вліяющимъ на выборъ дѣйствія *самодовлѣющимъ* психомоторнымъ центромъ и по отношенію къ которой прочія заинтересованныя лица являются обязанными признавать эти рѣшенія и исполнять свой долгъ, связанный съ ними. Право и мораль (моральныя опредѣленія и оцѣнки интересовъ и ожиданій) находятся въ тѣснѣйшей связи. Мораль опредѣляетъ *координаты* разныхъ этическихъ положеній въ морально-биполярномъ пространствѣ; право же и законъ *подраздѣляютъ* это пространство на сферы, объемы и участки, въ которыхъ автономныя мотиваціи принадлежатъ интересамъ данныхъ опредѣленныхъ лицъ. Самодовлѣющія рѣшенія лица въ принадлежащей ему по праву области могутъ расходиться съ субъективными интересами и желаніями владѣльцевъ смеж-

ныхъ областей, являясь для нихъ то правомѣрнымъ зломъ, которое они должны терпѣть отъ сосѣда, то долгомъ по отношенію къ нему. Геометрическо-этичеткія представленія сферъ вліянія мѣрныхъ автономій необходимы для опредѣленій въ области ученія о правѣ. Юриспруденція и математика, поэтому, связаны тѣсно, имѣя общую дисциплину во всеобщей логикѣ, въ математической теоріи познанія и въ психологическихъ и физіологическихъ математическихъ координаціяхъ, детерминаціяхъ и теоріяхъ. Игнорированіе метрическихъ элементовъ въ понятіяхъ о правѣ и законѣ ставитъ діалектиковъ-юристовъ въ трудное положеніе. Проф. *Л. І. Петражицкій* говоритъ слѣдующее*): «Юриспруденціи до сихъ поръ не удалось рѣшить вопроса о существѣ правъ. Одни видятъ существо правъ въ волѣ управомоченныхъ, другіе въ ихъ интересахъ, пользующихся защитой государства; были предложены различныя видоизмѣненія и расходящіяся между собой модификаціи теоріи воли и теоріи интересовъ, сдѣланы также и различныя иныя попытки опредѣлить существо правъ, но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ многочисленными контроверзами, а не съ твердо установленными и признанными положеніями».

Противорѣчія другъ другу совмѣстныхъ моральныхъ автономій, поставленныхъ въ границы права, не устранимы и законны. Они имѣютъ особый геометрическо-этическій характеръ: они суть такія уклоненія отъ кратчайшаго направленія по жизненнымъ существеннымъ цѣлямъ и задачамъ государства, которыя проектируются на это направленіе непремѣнно *плюсомъ* и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ проектируются на перпендикулярное протяженіе нѣкоторымъ *тангенсомъ*, выражающимъ самодовлѣющее движеніе и настроеніе соотвѣтствующей автономіи, не противорѣчащее интересамъ государства.

---

*) См. *Л. І. Петражицкаго*. „О мотивахъ человѣческихъ поступковъ, въ особенности объ этическихъ мотивахъ и ихъ разновидностяхъ". (Петерб. 1904 г., стр. 14).

Государство имѣетъ собирательно-личное, исторически данное живое міросозерцаніе, которое *функціонируетъ* посредствомъ движенія, происходящаго въ преемственномъ созерцающемъ и волящемъ сознаніи поколѣній его индивидуальныхъ субъектовъ. Въ этомъ сознаніи есть раздѣленная собирательность, мозаичность и въ то же время особая статистическая (моральариѳметическая) цѣльность, отличная отъ цѣльности индивидуальнаго психическаго сознающаго примата. Психомоторныя функціи индивидуальнаго (несобирательнаго) лица, въ мѣру ихъ творческаго или иниціативнаго вліянія, принадлежатъ *цѣлому* психическому примату, а не частямъ (уму, чувству и волѣ), которыя представляютъ собою лишь спеціальныя психическія функціи. Личная интеллектуальная закономѣрность, обнаруживающая себя полнѣе всего въ психомоторныхъ явленіяхъ (въ дѣятельныхъ отправленіяхъ), опредѣляется не только всѣми познавательными, но и движущими на дѣло силами духа и тѣла, переводящими внутреннія настроенія и созерцанія въ цѣлесообразный рядъ жизненныхъ, соціально проявленныхъ дѣяній. Мораль-ариѳметическій принципъ гармоническаго закономѣрнаго соціальнаго единства созерцанія и дѣйствія относится къ объединенію этихъ проявленій собирательной личности государства съ его раздѣленіями частныхъ и общихъ интересовъ. И въ дѣйствительности государство имѣетъ въ культурномъ народѣ пластическій соціалфизическій живой строительный матеріалъ для психодинамическаго и психомоторнаго познавательнаго объединенія всѣхъ раздѣленій и раздѣленныхъ функцій въ одно цѣлое, въ одинъ личный собирательный соціалфизическій процессъ, непрерывный во времени. Каждый судья (понимая судъ въ широкомъ смыслѣ), рѣшающій отъ имени государства, пріобщенъ воспитаніемъ и живыми связями къ этой собирательной исторической личности (къ государству, какъ личности), при чемъ мысль его усваиваетъ то исторически сложившееся міросозерцаніе государства, которое вноситъ познавательное гармоническое психоаритмологическое объединеніе раздѣленныхъ частей и раздѣленныхъ функцій государства. Воспитаніе соотвѣтствующаго

этико-соціальнаго и въ частности юридическаго сужденія, мышленія и міросозерцанія въ поколѣніяхъ является, поэтому, условіемъ бытія исторической личности государства. Извращенное воспитаніе этико-соціальнаго и юридическаго сужденія подсѣкаетъ государство въ его интеллектуальномъ корнѣ, вызывая въ сужденіи общества этико-соціальную и юридическую безграмотность и умножая четвертую группу (отрицательную) людей въ людской этико-соціальной классификаціи. Стремящееся къ истиннымъ культурнымъ цѣлямъ государство должно тщательно воспитывать здравое логическое этико-соціальное и юридическое сужденіе, обучая ему въ школѣ и жизни, начиная такое обученіе съ раннихъ лѣтъ подрастающихъ поколѣній и поднимая нѣкоторую ихъ часть на высшіе уровни синтетическаго этико-соціальнаго и юридическаго мышленія. При этомъ условіи существуетъ постоянно возобновляющійся живой матеріалъ собирательной личности государства, объединенный общимъ міросозерцаніемъ, сужденіемъ и настроеніемъ, какъ бы одинаковымъ или созвучнымъ пониманіемъ идеально-реальной соціальной гармоніи, въ которой каждому индивидууму отведено мѣсто, пока дисгармонія не отняла его. Такое гармоническое взаимодѣйствіе существуетъ до тѣхъ поръ, пока есть этотъ хоръ судей, которому свойственно созвучно настроенное этико-соціальное мышленіе и взвѣшенное, тактическое дѣйствіе, продолжающееся въ смѣняющихся преемственныхъ поколѣніяхъ и образующее особый родъ организованнаго собирательнаго сознанія. Это сознаніе, борющееся съ дисгармоніями, исторически приспособляется понимать свою субъективную формулу соціальной гармоніи и примѣнять ее къ обоснованію соотвѣтствующаго тактическаго дѣйствія, осуществляемаго инстанціями, рѣшающими отъ имени государства. Иниціативныя вліянія эти сочетаются съ вліяніями прошлаго и будущаго, взвѣшиваются этимъ сознаніемъ синтетически, интегрально и дифференціально съ разныхъ точекъ зрѣнія и участвуютъ въ активномъ разграниченіи интересовъ на основѣ права. Въ этомъ сознаніи образуется суверенный центръ познанія, сужденія, рѣшенія

и исполненія, опредѣляющій въ послѣдней инстанціи законъ и право каждой личной части, входящей въ составъ цѣлаго государства или находящейся внѣ этого состава.

Нельзя отрицать возможности субъективнаго элемента въ въ сужденіяхъ и рѣшеніяхъ также и отъ имени государства, которое, имѣя великія средства мѣрить и оцѣнивать, въ то же время имѣетъ въ своихъ интегральныхъ задачахъ великія трудности и можетъ невольно уклоняться отъ объективнаго міросозерцанія, отъ опредѣленій объективнаго Сознанія. Государство, какъ личность, имѣетъ право на свое правомѣрное зло въ отношеніяхъ къ субъектамъ.

Законъ, разрѣшающій соціальныя противорѣчія и коллизіи на основѣ права, правды и долга, данъ не только въ буквѣ каждаго спеціальнаго узаконенія, но и въ духѣ цѣлаго законодательства, отражающаго міросозерцаніе государства, и въ живой *совѣсти* судей. Всякій законъ, какъ отвлеченный отъ живаго духа принципъ, мертвъ и можетъ служить то средствомъ казуистической юридической ловушки, то предметомъ суевѣрія, являясь въ качествѣ принципа—кумира. Нравственный и гражданскій законы мыслимы лишь тамъ, гдѣ есть совѣсть и воля организованныхъ судей, примѣняющихъ букву и принципы закона сообразно съ обстоятельствами дѣла и духомъ закона и ставящихъ *синтетическое* рѣшеніе. Судъ *оцѣниваетъ* взаимоотношеніе и положеніе лицъ по фактамъ прошедшаго и по ожиданіямъ будущаго, организуя посредствомъ судебнаго (въ широкомъ, а не въ спеціальномъ смыслѣ слова) процесса связность отношеній и какъ бы государственное взаимное страхованіе жизненныхъ законныхъ интересовъ отъ произвола царства беззаконія и отъ неблагопріятныхъ случайностей.

Нужно различать двѣ спеціальныя категоріи судей: 1) судьи-оцѣнщики *прошлыхъ* людскихъ поступковъ, неправильныхъ съ точки зрѣнія закона, исполняютъ судебныя функціи въ спеціальномъ *юридическомъ* смыслѣ и 2) судьи-оцѣнщики *ожидаемыхъ* людскихъ дѣйствій, испытывающіе лицъ посредствомъ экзамена, наблюденія надъ ихъ положительными свойствами, знаніями и

навыками въ дѣлахъ, предупреждаютъ возможныя коллизіи въ будущемъ отборомъ подходящихъ людей для профессій и промысловъ, опредѣляя ихъ будущее положеніе въ зависимости отъ результатовъ наблюденія ихъ знаній и навыковъ. Судъ первой категоріи—*ретроспективный*, а судъ второй категоріи провиденціальный, *предусматривающій*, угадывающій, требующій такта и высшей логики съ ея мѣрными неопредѣленностями, предостерегающими по отношенію къ лицу отъ преувеличенныхъ ожиданій и довѣрій и отъ преувеличенной безнадежности и недовѣрчивости. Судья-юристъ имѣетъ въ своемъ сужденіи подлежащее позади, въ прошедшихъ дѣяніяхъ виновника; судья-экзаменаторъ имѣетъ подлежащее впереди, въ будущихъ дѣяніяхъ испытуемаго для дѣла. Спеціализація того и другого суда (ретроспективнаго и предусматривающаго) бываетъ въ мѣру полезна; но она вызывается не сущностью этико-соціальнаго процесса, а лишь нѣкоторыми приспособленіями, которыя при чрезмѣрной спеціализаціи создаютъ извѣстныя юридическія и схоластическія тупыя крайности. По сущности судебнаго процесса тотъ и другой судъ всякій разъ должны стремиться къ синтезу сужденій, разсматривая свойства и способности лица съ обѣихъ точекъ зрѣнія. Этотъ синтезъ вмѣняетъ лицу прошлое, чтобы опредѣлить будущее его соціальное положеніе, совмѣстное съ благомъ государства и всѣхъ составляющихъ его моральныхъ автономій, пріобщенныхъ къ царству закона и права.

Сужденія о вмѣненіи должны быть особенно тщательными, осторожными и взвѣшенными не психо-аналитически только, но и психо-аритмологически; эти сужденія требуютъ отъ возмездія за вину не мести, а исправленія и предостерегающихъ и ограждающихъ законные интересы мѣръ, при соразмѣрности этого возмездія не только съ причиненнымъ прошедшимъ зломъ, но и съ предвидимымъ будущимъ преступника, который можетъ еще участвовать на отведенномъ ему мѣстѣ въ послѣдующемъ созиданіи общественнаго блага и такимъ образомъ иногда даже съ избыткомъ искупить свои вины. Плохъ тотъ судья, который не вмѣняетъ преступнику его

вины, не защищаетъ устоевъ соціальнаго порядка, не требуетъ твердо отъ человѣка, чтобы онъ согласовалъ свою личную автономію съ надлежащимъ повиновеніемъ долгу. Хорошій же судья, оставаясь твердымъ, тѣмъ не менѣе долженъ понимать евангельскія слова о тщательномъ *мѣрномъ* сужденіи (Мат., VII, 1—5) и долженъ углублять это свое сужденіе, смотря не только назадъ, но и впередъ, въ сторону аритмологической связи прошлаго съ будущимъ. И всѣ политическіе и общественные судящіе и рѣшающіе участь лицъ факторы, имѣющіе дѣло съ интегральными и дифференціальными императивами, не должны руководиться лишь психомеханическимъ учетомъ и должны стремиться психоаритмологически углубить свой интегральный и дифференціальный синтезъ, рѣшающій вопросъ о правильномъ совмѣщеніи мѣрилъ индивидуальнаго, соціальнаго и міроваго.

Разсматривая положительныя стороны выводовъ неопозитивистовъ-кантіанцевъ, мы должны признать въ ихъ сужденіяхъ интересную математическую попытку обозрѣть слой AB вышеуказаннаго $n+1$—мѣрнаго воображаемаго пространства и установить въ немъ этическую биполярность. Неопозитивистамъ осталось сдѣлать еще одинъ крупный шагъ, чтобы выйти на болѣе вѣрный путь: замѣнить свое аналитическое міросозерцаніе аритмологическимъ со всѣми его этическими послѣдствіями, включая сюда ниспроверженіе соціальныхъ кумировъ. Уравнительное начало, выраженное вышеуказаннымъ категорическимъ императивомъ Канта, не только истинно, но и свято, ибо оно есть заповѣдь религіи о любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ. Но это начало не абсолютно аналитическое, такъ какъ оно при извѣстныхъ условіяхъ аритмологически прерывается во имя другихъ заповѣдей религіи и аксіомъ здраваго смысла. Оно прерывается во имя любви къ Богу, освящающей нравственный религіозный принципъ всемірнаго психоаритмологическаго тяготѣнія къ Солнцу правды и устанавливающей на основаніи этого принципа іерархическое начало въ устройствѣ человѣческой жизни. Къ числу требованій религіи, протестующихъ противъ аналитичности человѣческихъ взаимоотношеній, принадлежатъ

психоаритмологическія заповѣди: 1) «не клянись», т. е. не ставь себя въ положеніе человѣка, прикрѣпившаго себя духовною аналитическою цѣпью къ условію, которое можетъ оказаться ложнымъ аналитическимъ кумиромъ, и 2) «познай Истину», Которая освобождаетъ человѣка.

Аксіома здраваго смысла, протестующая противъ абсолютности аналитическихъ уравнительныхъ началъ жизни, отнимающихъ у будущаго всѣ его права, есть всеобщая логика, созданная жизнью и критикою здраваго смысла и утверждающая, что поверхъ аналитическихъ устоевъ въ міровой психофизіологіи дана некатегоричность, психоаритмологичность и этическая мѣрность сужденій и мотивовъ, взаимоотношеній и взаимодѣйствій. Эта некатегоричность приводитъ, какъ мы видѣли, къ биполярности, т. е. къ этическимъ наклонамъ либо въ сторону: «да», либо въ сторону: «нѣтъ». Собирательныя монады: человѣкъ, племя, общество, государство и міръ проникнуты этою биполярностью.

Вопросы права и этики неразрывно связаны съ правовою и этическою биполярностью въ государствѣ. Государство, какъ сложная личная монада, имѣетъ свою субъективную биполярность и свой положительный полюсъ, представляемый рѣшающимъ отъ имени государства «Я». Отрицательный же полюсъ есть особое *государство въ государствѣ*, объединяющее отрицательныя силы для цѣлей враждебныхъ государству. Этотъ политическій антилогосъ есть собирательная, большею частію тайная личность, которую ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать съ честною оппозиціей, дѣйствующею правомѣрно, иногда честно заблуждающеюся, а иногда несущею правду и святую истину (такова оппозиція святыхъ праведниковъ и мучениковъ). Правомѣрное честное столкновеніе этическихъ и политическихъ убѣжденій и интересовъ есть та коллизія, при которой осуждаются насилія и одобряются всевозможная снисходительность сторонъ другъ къ другу и терпѣніе, а въ крайнемъ худшемъ случаѣ обращеніе къ законному суду, если практическіе интересы столкнувшихся оказываются непримиримыми. Оппозиція вполнѣ подходитъ подъ

эту формулу. Но хитрый политическій антилогосъ пользуется лукавыми и коварными средствами, и государство вынуждено обороняться отъ него, какъ отъ стоящаго внѣ закона врага, особыми средствами, прерывая осносительно него дѣйствіе обычныхъ правовыхъ нормъ *). Вражда эта и ея зло имѣютъ совсѣмъ особый характеръ, не подходящій подъ категоріи нормъ права и нравственнаго закона, регулирующихъ взаимныя отношенія между отдѣльными людьми—братьями.

Вообще различныя гносеологическія и психодинамическія коллизіи въ духовно неуравновѣшенномъ интеллектуальномъ мірѣ и человѣческомъ обществѣ являются неизбѣжными и составляютъ процессъ взаимодѣйствія колеблющагося индивидуальнаго и коллективнаго сознанія и сознательнаго дѣйствія. Эти коллизіи разрѣшаются, иногда понижая, иногда повышая уровень сознанія. Отсюда, между прочимъ, возникаетъ какъ бы іерархическая лѣстница, по которой колебательно движутся восходящіе и нисходящіе процессы познанія и воли. Въ этой лѣстницѣ высшій уровень занимаютъ тѣ люди, для которыхъ многообъемлющая и многогранная заповѣдь живой нравственной Истины есть категорическое условіе всѣхъ ихъ жизненныхъ мотивовъ. Эта заповѣдь переноситъ ихъ жизненный процессъ въ предѣльно-аритмологическую (почти аналитическую) сферу (въ биполярный слой AB многомѣрнаго пространства), и безконечно малый аритмологизмъ нравственныхъ достовѣрностей ихъ поведенія нуженъ имъ не по причинѣ сомнѣній ихъ въ свидѣтельствахъ Истины, которыя вѣра ихъ считаетъ за абсолютную аналитическую достовѣрность, а лишь на случай противодѣйствія лукавству лжи, способной поддѣлывать истину.

Въ личномъ міросозерцаніи государства этическая раздвоенность представляется, какъ мы сказали, съ нѣкоторыми субъективными отклоненіями отъ объективности. Это раздѣленіе опредѣляется гражданскимъ закономъ и правомъ, отдѣляющими легальное отъ нелегальнаго. Отрицательную сторону граждан-

*) См. *Н. Коркунова*: „Сравн. очеркъ госуд. права иностр. державъ“, стр. 147.

ской биполярности нужно представить себѣ воплощенною въ типѣ лживой личности низшаго отрицательнаго уровня. Логически оцѣнивающіе вѣсы мѣрнаго суда совѣсти государства должны отвести низшій отрицательный индивидуальный уровень quasi— легальнымъ, *знающимъ*, формально безупречнымъ, но лицемѣрнымъ дѣятелямъ государства и общества, фарисеямъ-изобличителямъ соціальныхъ противорѣчій. Блескъ этихъ фарисеевъ отрицательный, декорированый наружнымъ модным эффектомъ, краснорѣчіемъ, иногда высокимъ положеніемъ въ обществѣ и государствѣ, иногда живописнымъ поддѣльнымъ наружнымъ народничествомъ и поддѣльною трескучею льстивою наружною любовью къ презираемому ими кумиру-народу. Какъ виртуозная льстивая поддѣлка подъ истинный свѣтъ, этотъ фальшивый блескъ есть главный источникъ нравственнаго помраченія соціальнаго разума (источникъ помраченной мірской совѣсти), и на этомъ блескѣ воплощенный интеллектуальный врагъ человѣческаго рода строитъ всѣ свои коварныя соціальныя ловушки.

Отдѣльные портреты приближающихся къ этому типу лицъ художественно изображены русскими писателями (Онѣгинъ у Пушкина, Печоринъ у Лермонтова, Молчалинъ у Грибоѣдова, Чичиковъ у Гоголя, Маркъ у Гончарова, Базаровъ и Соломинъ у Тургенева, Іудушка у Щедрина, Ставровскій у Достоевскаго). Организуемыя этими отрицательно просвѣщенными «соціалтехниками» движенія интеллектуальныхъ сколовъ художественно изображены въ «Бѣсахъ» Достоевскаго. Сцены, продѣланныя этого рода «трибунами» на исторической аренѣ, также хорошо извѣстны. Презирая общество, они стараются дискредитировать въ общественномъ мнѣніи работу полезныхъ государству и народу слугъ при помощи *фактовъ противорѣчія*, имѣющихъ вѣсъ въ глазахъ той части общества, которая страдаетъ этико-соціальнымъ безграмотствомъ и не понимаетъ того, что не всякое противорѣчіе есть ложь и не всякое отсутствіе противорѣчія есть истина. Такихъ безспорныхъ фактовъ противорѣчія всегда много къ ихъ услугамъ.

Какъ создаются эти безспорныя эмпирическія основанія,

удобныя для мистификаціи, для неуязвимой правдоподобной инсинуаціи и клеветы, для искуснаго возбужденія ложныхъ общественныхъ страстей и для кровавыхъ бань, которыя фарисейскому злорадству иногда удается подстраивать, оставаясь почти на «легальной» почвѣ, предавая въ пасть страсти невинныя жертвы, возбуждая однихъ противъ другихъ, пользуясь загипнотизированными агностиками, какъ орудіемъ, и пріобрѣтая своею выдержанною ролью популярность среди фанатически преданныхъ имъ опасныхъ соціальныхъ изувѣровъ? Помимо искусства ставить коварныя ловушки простодушію, въ естественныхъ условіяхъ жизни существуетъ: 1) *ошибки* рѣшающихъ инстанцій, которыми пользуются клеветники, и 2) *правдивые риски*, послѣдствія которыхъ при неудачѣ бываютъ удобны для клеветы.

Значеніе правдивыхъ рисковъ въ массовомъ соціальномъ процессѣ хорошо понимаютъ люди опытные, съ развитымъ здравымъ смысломъ и тактомъ; но оно не понятно многимъ доктринерамъ и агностикамъ. Въ свободопротиворѣчивомъ строѣ политической и общественной жизни для рѣшающей инстанціи часто возникаютъ особыя безвыходныя противорѣчія, когда приходится рѣшать немедленно, хотя бы съ рискомъ. Пшеница и плевелы тѣсно перемѣшаны въ мірѣ, представляющемъ собою какъ бы реторту съ химическою смѣсью органическихъ веществъ, не нейтральныхъ и сильно реагирующихъ другъ на друга in statu nascendi. Плевелы иногда перерастаютъ пшеницу. Человѣческому суду нужно разбираться въ этомъ процессѣ не только осторожно, но и быстро, а главное своевременно, дабы осторожность не опоздала спасти погибающее. Если наступилъ для рѣшающей инстанціи такой критическій моментъ, то рискъ для рѣшающаго бываетъ обязателенъ, такъ какъ воздержаніе отъ этого правдиваго риска грозитъ худшими послѣдствіями. За этотъ родъ риска нельзя винить рѣшающаго судью, хотя бы его рѣшеніе привело къ печальному результату. Принципъ этотъ, извиняющій риски дѣятелей и дающій пищу для злобной критики, входитъ въ понятіе о правѣ и власти судьи, рѣшенія котораго въ соотвѣтствующихъ случаяхъ нужно

относить къ безотвѣтственнымъ правомѣрнымъ дѣйствіямъ. Это право власти распространяется на функціи всѣхъ вообще отвѣтственно рѣшающихъ органовъ политической и общественной жизни. Такъ разсуждаютъ о правдивыхъ рискахъ добросовѣстные критики, которые благотворно вліяютъ на судъ и на общественное мнѣніе, оцѣнивающее съ своей точки зрѣнія результаты политической и общественной дѣятельности. Недобросовѣстные же критики-демагоги находятъ въ печальныхъ исходахъ этихъ разумныхъ рисковъ много фактическихъ и эмпирическихъ основаній для лицемѣрныхъ обвиненій дѣятелей передъ судомъ общественнаго мнѣнія, для подстрекательства и забрасыванія грязью и клеветою ненавистныхъ имъ подвижниковъ и тружениковъ соціальнаго строительства. Они находятъ сочувствіе въ послѣдователяхъ *пассивнаго* гуманизма, однороднаго съ протестантскимъ ученіемъ объ оправданіи вѣрою *безъ дѣлъ* и выродившагося въ современное «непротивленство», по самой сущности своей приговорившее себя къ вѣчному бездѣйствію (ибо нѣтъ дѣйствія безъ противодѣйствія, и всякій дѣятель чему либо противодѣйствуетъ, нарушая заповѣдь пассивнаго «гуманизма»). Въ то же время всякій дѣятель и чѣмъ либо рискуетъ, давая пищу подкарауливающимъ дѣйствіе инсинуаторамъ, если ожиданіе рискующаго дѣятеля не оправдается въ послѣдствіяхъ его дѣла.

Въ военномъ законодательствѣ есть тактика, предусматривающая правомѣрные риски. Эти понятія должны быть и въ прочихъ частяхъ государственнаго права, которое должно стремиться ясною чертою отдѣлить злыя противорѣчія жизнедѣятельности отъ незлыхъ противорѣчій. Это право опредѣляетъ сферу правомѣрнаго риска точнымъ подсчетомъ и сопоставленіемъ не послѣдствій, а ожиданій жертвъ при дѣйствіи и при дѣйствіи: если при бездѣйствіи ожидалось больше жертвъ, чѣмъ при дѣйствіи, то дѣйствующая власть должна рисковать, каковы бы ни были послѣдствія.

Некатегоричность и риски, входящіе неизбѣжно въ психоаритмологическую координацію политики, въ ея прямолинейную мотивацію или тактику, предполагаютъ апокалиптичность,

какъ соединеніе тайнаго съ явнымъ во взаимодѣйствіяхъ. Тайны врага заставляютъ и государство имѣть и хранить свою правомѣрную тайну, вскрытіе которой ухудшаетъ положеніе рискующаго и является не только нескромностью, но иногда измѣною и предательствомъ. Съ вопросами о правомѣрномъ рискѣ и о правомѣрной тайнѣ связаны вопросы о высшей чести и высшемъ долгѣ, рѣшеніе которыхъ никоимъ образомъ не покрывается внѣшнею юридическою формальностью, допускающею поддѣлки pro и contra (какъ въ дѣлѣ Дрейфуса). Поэтому многое приходится довѣрять тайникамъ совѣсти судей, при чемъ условія тщательности отбора личнаго состава самихъ судей требуютъ іерархичеекаго суда надъ судьями и высшаго *суда чести*.

Правильныя сужденія о противорѣчіяхъ, возникающихъ въ общественной жизни, представляютъ большой интересъ для оцѣнки состоянія этой жизни. Цѣпь противорѣчій въ сужденіи о преступленіи, которое само представляетъ собою также противорѣчіе (активное) съ законнымъ соціальнымъ порядкомъ, вызываетъ соотвѣтствующій рядъ вопросовъ о физическихъ и моральныхъ основаніяхъ этихъ противорѣчій. Одна группа этихъ противорѣчій можетъ обусловливаться состязаніемъ противоположныхъ интересовъ, взвѣшиваемыхъ судомъ, а другая, при мысли о безпристрастіи противорѣчащихъ сторонъ, наводитъ на соображенія частью о техническихъ недостаткахъ изслѣдованія, на которомъ судъ могъ бы обосновать свое рѣшеніе, исключающее противорѣчія, частію о естественной мѣрной некатегоричности или мѣрной неопредѣленности данныхъ, характеризующихъ внѣшнія и внутреніе условія совершенія преступленія. Криминалисты, напримѣръ, правильно утверждаютъ, что въ каждомъ отдѣльномъ преступленіи есть бо́льшая или меньшая доля вины общества. Въ такомъ случаѣ потерпѣвшая сторона должна искать часть возмѣщенія съ цѣлаго общества, что большею частію оказывается невозможнымъ. Эти судебныя и общественныя неправды, изъ которыхъ судъ и общество не могутъ найти правильнаго выхода, суть тѣ «сучки», а иногда и «бревна» въ «глазу» политикообщественнаго суда, которыя являются въ области

уголовнаго процесса неустранимыми даже и тогда, когда политикообщественный судъ со всемъ усердіемъ своимъ стремится исполнить долгъ по совѣсти.

Судебная правда должна въ своихъ объективныхъ рѣшеніяхъ служить этическою опорою для моральныхъ автономій, подвергающихся риску взаимнаго довѣрія, необходимаго въ общежитіи. По этому одна изъ задачъ судебныхъ учрежденій тщательно опредѣлять и своими безпристрастными рѣшеніями охранять физическія и моральныя черты, границы и межи, опредѣляющія нѣкоторыми изоляторами сферу каждой правомѣрной автономіи (индивидуальной или коллективной). Эти изоляторы опредѣляются не буквою только закона и не клочками писанной бумаги, но и духомъ законодательства и глубже проникающею въ этотъ духъ совѣстью судьи, находящаго опоры для мѣрнаго сужденія во всей совокупности документовъ, въ условіяхъ всей исторической и физической почвы, на которой естественно выросла та или другая автономія и возникъ споръ и которая, можетъ быть, была полита либо пóтомъ, либо кровью родовъ и предковъ коренныхъ бытовыхъ автономій. Судъ совѣсти не въ правѣ безъ очень вѣскихъ основаній игнорировать эти историческіе документы и давать имъ меньшій вѣсъ, нежели буквѣ формальнаго закона и бумажнымъ документамъ, неосторожно довѣреннымъ или ловко вымогаемымъ. Англійскій судъ, дорожащій моральными автономіями и ихъ этическою мѣрною свободою, твердо охраняетъ ихъ традиціонныя черты. Измѣненіе этихъ чертъ есть функція законодателя и задача высшей политики, а судъ есть охранитель этихъ чертъ.

Само собою разумѣется, что некатегоричность интеллектуальныхъ отношеній и правомѣрная тайна внутреннихъ интеллектуальныхъ вещей должны связывать пытливость судьи въ оцѣнкѣ лицъ и въ познаніи живыхъ автономій. Никакой судъ не можетъ переходить въ правѣ производить развѣдку за нѣкоторыя черты и границы, останавливая свою гностику во имя принциповъгуманности. Мѣрныя судебныя изслѣдованія и сужденія, какъ бы ни были они тщательны и искусны, не могутъ проникнуть въ далекія тайники души свидѣтельствующаго и должны

останавливать свою любознательность у извѣстныхъ границъ, кои культура выработала, давъ имъ имя *гуманности судебнаго слѣдствія и судебнаго процесса и вообще уваженія къ чужому секрету и къ лицу*. Установленіе этихъ границъ, являющееся великою похвалою гуманистамъ, упразднило въ судебномъ процессѣ инквизицію и «судъ Божій», отдавъ скрытыя въ тайникахъ свидѣтелей, подсудимыхъ и присяжныхъ неправды суду ихъ совѣсти и истинному Божьему суду, который находитъ себѣ естественные пути. Если неправды такъ глубоко вкоренились въ психику лицъ и обществъ, что искоренить ихъ невозможно даже и тогда, когда судъ и лучшіе люди народа, принимающіе участіе въ дѣятельности политикообщественнаго суда, не могутъ устранить ихъ; если безчисленныя неправды эти даютъ возможность безнаказано совершаться преступленіямъ и обманамъ, приводя къ неискупленнымъ столкновеніямъ интересовъ лицъ, обществъ, классовъ и племенъ и питая царство лжи, злобы, зависти и ненависти, то онѣ приводятъ къ соціальнымъ стихійнымъ бѣдствіямъ и катастрофамъ. При этомъ суверенная власть государства, являющаяся послѣднею инстанціей, ставитъ ребромъ вопросъ о неправдахъ царства лжи, гдѣ бы оно ни было (внѣ или внутри), поднимая противъ него рыцарскій мечъ народа, этотъ *истинный баллотировочный бюллетень и шаръ*, которымъ богобоязненный народъ безъ фальсификаціи, свойственной всякому другому искусственному баллотированію, выражаетъ свою волю. Въ этомъ разумномъ идеально-реальномъ народномъ голосованіи противъ идеалистическихъ и матеріалистическихъ интригъ царства лжи дается въ послѣдней инстанціи мірской судъ государства и народа и содержится верховный рискъ, покрытіе котораго зависитъ отъ истиннаго Божьяго суда.

При всѣхъ недостаткахъ организація государства, если она построена на истинныхъ этико-соціальныхъ началахъ, въ общемъ итогѣ приноситъ благо. Эта организація, дѣйствуя въ сторону Солнца правды, въ сторону, противоположную вліяніямъ лживой по своимъ принципамъ части человѣчества, которая усиливается идущею за нею частью вырождающагося

культурнаго общества, предупреждаетъ нѣкоторую часть зла своимъ благотворнымъ вліяніемъ. Эта организація, не уничтожая вполнѣ неправды, тѣмъ не менѣе въ мѣру своихъ усилій ослабляетъ ее и, по возможности, умиротворяетъ возмущенную совѣсть.

Государство есть великій педагогъ для общества. Благо обществу въ которомъ Судья-Государь силенъ и своею вѣрою въ истинные этико-соціальные принципы, и физическимъ могуществомъ, и своею твердостію въ настойчивомъ проведеніи права и правды въ жизнь посредствомъ учрежденій для безпристрастныхъ и скорыхъ правомѣрныхъ рѣшеній.

Правомѣрное рѣшеніе предполагаетъ опору его организаціи на такую категорическую живую силу, которая дѣлала бы осуществленіе его постановленій болѣе или менѣе достовѣрнымъ. Безъ этого условія судъ не имѣлъ бы никакого вліянія на тѣхъ, кто не признаетъ нравственной обязанности повиноваться. Слѣдовательно, судебная организація должна опираться на матеріальную силу, о которой теперь скажемъ нѣсколько словъ.

Заповѣдь истинной нравственности *категорически воспрещаетъ употреблять матеріальную силу и страхъ противъ этическихъ автономій*, правомѣрно исполняющихъ свою жизненную функцію. Эта заповѣдь («не противься злу»), такъ сильно искаженная софистами нашего времени, дана, какъ норма для взаимоотношенія въ царствѣ закона, и не имѣетъ отношенія къ царству лжи. Выше мы уже говорили (*пп*^{0} 20 и 24), что какъ въ объективномъ Сознаніи, такъ и въ субъективныхъ оцѣнкахъ простыхъ и собирательныхъ лицъ міръ *биполяренъ*, подраздѣленъ на два царства: царство Истины, права и закона и царство Лжи, коварства и беззаконія. Въ царствѣ закона есть *правомѣрное зло*, и этому злу нельзя противиться. Зло злу различествуетъ, и есть незлое зло, т. е. *различіе* сужденія и воли между лицами, идущими по пути къ общей міровой правдѣ и исполняющими благой законъ. Эти оппоненты могутъ соединять любовь съ уваженіемъ другъ къ другу, съ терпѣливостью другъ къ другу и съ безконечною уступ-

чивостью другъ другу. Внѣ же царства закона, т. е. въ царствѣ лжи, зло имѣетъ другой характеръ: оно превращаетъ домъ Божій въ вертепъ разбойниковъ, и противодѣйствіе этому злу, когда оно себя обнаруживаетъ, обязательно и необходимо. Дѣйствіе силою и страхомъ строго и ясно очерчивается нравственными принципами и гражданскими законами.

Дѣйствіе страхомъ, если оно справедливо, не противорѣчитъ совѣсти, такъ какъ въ противномъ случаѣ низшія породы уничтожали бы высшія, и міровой процессъ клонился бы не къ гармоническому моральному равновѣсію, а къ безсмысленному хаосу. Но тираннія и терроръ, представляющія злоупотребленіе силою и страхомъ, безсовѣстны даже и тогда, когда они вредятъ ничтожнѣйшей живой твари.

Всякій дѣятель государства есть судья и воинъ, опирающійся правомѣрно на силу. Гражданскій судья не имѣлъ бы авторитета среди лукавыхъ, если бы не имѣлъ въ своихъ рессурсахъ репрессію и силу. Онъ отличается отъ воина лишь тѣмъ, что имѣетъ въ своемъ распоряженіи *болѣе длительный срокъ* для обсужденія своего рѣшенія и приведенія его въ исполненіе. Государство не есть платоническо-идеальное учрежденіе; не есть и грубо-реальное учрежденіе. Оно есть *человѣческое*, т. е. тѣлесно-духовное, идеально-реальное учрежденіе.

Государство, какъ многовѣковая многогранная личность, имѣетъ предъ собою не только близкія, но и весьма далекія различныя цѣли. Нужно изслѣдовать и слить гармонически какъ общія близкія цѣли, такъ и многостороннюю дальнюю цѣль государства. Многосторонняя цѣль эта и близкія цѣли ставятъ государству въ его текущемъ поколѣніи задачи какъ о духѣ этой многовѣковой личности, такъ и о ея тѣлѣ сообразно особенностямъ ея природы и организаціи.

Спеціальную цѣль о ближайшемъ благополучіи тѣла государства имѣютъ въ виду преимущественно экономисты и техники промышленно-профессіональныхъ дѣлъ. Они правы, придавая ей большое значеніе, ибо здоровый духъ государственной личности можетъ жить лишь въ здоровомъ государственномъ тѣлѣ. Конечно, экономическая задача государства не покры-

ваетъ собою всѣхъ его ближайшихъ задачъ, такъ какъ задачи узкой экономіи превращаются въ задачи жадности и животной борьбы. По этой именно причинѣ въ послѣдней инстанціи правомѣрная защита экономическихъ интересовъ государства опирается не только на оружіе, золото и мирный трудъ, но и на кровь и духъ государства и его народа. Экономическая коллизія переходитъ въ судъ соціально-этическій и въ судъ Божій. Однако экономическій интересъ государства, обезпечивающій благосостояніе народа, долженъ быть существенною задачею государства и его права *).

Благодаря внутреннимъ и внѣшнимъ вліяніямъ, отклоняющимъ движеніе государства отъ прямолинейнаго къ его многосторонней цѣли направленія, закономѣрное историческое движеніе «центра тяжести» государства, совершаемое дѣятельностью каждаго поколѣнія, идетъ въ $n+1$—мѣрномъ воображаемомъ пространствѣ по кривой, изъ разсмотрѣнія которой можно судить о характерѣ физическихъ и духовныхъ силъ каждаго поколѣнія. Эта кривая характеризуетъ двѣ силы каждаго поколѣнія: 1) центростремительную, прогрессивно ведущую прямо къ цѣли, и 2) тангенсіальную, которая отклоняетъ путь въ сторону. Попятное движеніе происходитъ тогда, когда центростремительная сила оказывается отрицательной. Тангенсіальныя же силы составляютъ, такъ сказать, самодовлѣющее право каждаго момента, составляющее непосредственный интересъ соотвѣтствующаго поколѣнія дѣятелей государства.

Неправды отдѣльныхъ людей не организованы, не долговѣчны и не оставляютъ большого слѣда въ человѣческомъ родѣ, имѣя значеніе лишь для непосредственно заинтересованныхъ лицъ. Иное значеніе имѣютъ собирательныя лица, существующія въ преемственныхъ поколѣніяхъ столѣтіями и тысячелѣтіями. Вражда и зло собирательныхъ лицъ, поэтому, подлежатъ другимъ мѣриламъ и «нормамъ». Неправды эти упорны, стихійны и долговѣчны, и столкновенія между этими враждующими собирательными монадами, изъ которыхъ ко-

*) Сравн. *Н. Коркунова*: „Сравнит. очеркъ государств. права иностранныхъ державъ“, стр. 11.

варнѣйшія куютъ свои козни въ потьмахъ, имѣютъ міровой характеръ и управляются не индивидуальными, а міровыми мѣрилами. Въ тезисахъ и антитесисахъ этой борьбы рѣшаются вопросы рода человѣческаго, въ которомъ пшеница и плевелы такъ тѣсно перемѣшаны, что отдѣлить ихъ лишь индивидуальными правомѣрными взаимоотношеніями невозможно. Войны и междуусобія чаще всего создаются этими стихійными духовными условіями.

Нельзя вообразить какой-либо возможности полнаго искупленія міровыхъ ложныхъ противорѣчій безъ осмысленныхъ страданій, безъ нравственно-здравомысленнаго аскетизма, безъ тѣхъ или другихъ разумныхъ крестныхъ мукъ, цѣна которыхъ зависитъ отъ мудрости крестоносителя, отъ степени разумности принятыхъ на себя страданій для цѣлей, которыми опредѣлено высшее призваніе человѣка, какъ просвѣщеннаго гражданина и носителя божественнаго луча. Герой-гражданинъ, какъ и герой-воинъ, беретъ на себя въ своемъ твердомъ гражданскомъ настояніи этого рода страданіе, неся гражданскій долгъ съ личнымъ для себя рискомъ и ожиданіемъ даже смерти, которую иногда принимаетъ отъ агностическо-анархическихъ озлобленныхъ рукъ. А гдѣ нѣтъ разумныхъ страданій, гдѣ эпикуреизмъ есть высшая цѣль жизни, тамъ возникаетъ безсмысленное хаотическое страданіе— то стихійное неразумное страданіе, которое подобно борьбѣ за существованіе въ царствѣ животныхъ и которое представляетъ универсальный способъ возмездія человѣку за измѣну своему высшему призванію.

Для индивида сфера взаимодѣйствія его солидарности съ окружающимъ міромъ узка; за предѣлами ея дѣйствуютъ интегральныя промыслительныя силы: соціальныя и міровыя, въ которыхъ играютъ роль суверенные факторы и, поверхъ всѣхъ этихъ вліяній, Промыслъ Божій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря моральной раздвоенности мѣрносвободныхъ взаимоотношеній и взаимодѣйствій, благодаря моральной биполярности вселенной, нужно различать отрицательную сторону вещей и остерегаться тѣхъ хитрыхъ космополитическихъ властныхъ

силъ, кои тяготѣютъ и влекутъ къ отрицательному моральному міровому полюсу. Такая космополитическая властная сила изображена въ древне-христіанскомъ міросозерцаніи въ мрачномъ величіи властителя, воинствующаго съ христіанскими принципами; а примѣнительно къ точкамъ зрѣнія нашего времени ожидаемый типъ этой космополитической силы прозрѣвается въ хитромъ, лукавомъ образѣ, который очерченъ Вл. Соловьевымъ въ «Трехъ разговорахъ».

Въ числѣ властей государства должно отводить особое мѣсто *власти познанія*, имѣющей важное значеніе въ ученіи о раздѣленіи властей и въ практической организаціи истинной политической свободы, освобожденной отъ поклоненія мертвому «либеральному» принципу-кумиру. Къ этому ученію мы теперь перейдемъ.

29| Математическое сужденіе о государствѣ должно обнимать въ главныхъ, по крайней мѣрѣ, чертахъ вопросъ о томъ, какъ эта личная свободосвязь *) спеціализируетъ и раздѣляетъ свои функціи и власти и какъ ихъ объединяетъ въ своемъ организмѣ.| Раздѣленіе и спеціализація функцій предполагаютъ нѣкоторую независимость, ведутъ къ *изощренію* выдѣленныхъ спеціальностей, являющемуся благомъ, но условнымъ, такъ какъ крайняя независимость создаетъ хаотическую свободу, ложныя противорѣчія, способныя уничтожить плоды изощренности замкнутыхъ и сталкивающихся функцій. Развитіе политической благотворной свободы весьма тѣсно связано съ правильнымъ теоретическимъ и практическимъ рѣшеніемъ вопроса не только о раздѣленіи функцій и властей государства, но и о гармоническомъ ихъ равновѣсіи при взаимодѣйствіи другъ съ другомъ и съ функціями и автономіями, составляющими частные интересы обитателей государства. Государство, которое болѣе или менѣе правильно рѣшило этотъ вопросъ и проводитъ соотвѣтствующіе принципы въ практику, называютъ правовымъ.

*) Опредѣленіе государства, какъ личности, котораго мы держимся, близко къ тому, котораго держится *Моль* (См. „Энциклопедія государственныхъ наукъ“), *Лоренцъ Штейнъ* (см. *А. С. Алексѣева*: „Русск. государ. право“, стр. 125—130) и другіе.

Свифтъ, Монтескье, Руссо, Сіэсъ, Б. Констанъ, Гегель, Лоренцъ Штейнъ и множество другихъ философовъ и ученыхъ XVIII и XIX вѣка трактуютъ вопросъ о раздѣленіи и равновѣсіи трехъ властей: законодательной, исполнительной и судебной, имѣющихъ въ виду обезпечить правомѣрную свободу. «Различныя государства, говоритъ Монтескье, преслѣдуютъ разныя цѣли: Римъ—расширеніе владѣній; Спарта—войну; Іудея — религію; Марсель — торговлю; Китай — общественное спокойствіе; Родосъ — мореплаваніе; государства дикихъ — естественную свободу; государства деспотическія—удовольствіе государя монархіи — славу государя; Польша — независимость частнаго лица, отчего происходитъ порабощеніе всѣхъ. Но есть также на свѣтѣ одинъ народъ, прямою цѣлью котораго является политическая свобода. Народъ этотъ — англійскій: его государственное устройство представляетъ полное обезпеченіе свободы»*).

Съ тѣхъ поръ, какъ Монтескье высказалъ эти слова въ своемъ «Духѣ законовъ» (1748), много политическихъ конституцій было испробовано, какъ умѣренныхъ, такъ крайнихъ, и много принесено было человѣческихъ гекатомбъ богамъ свободы, равенства и братства. Если эти конституціи были полезны тѣмъ, что онѣ боролись противъ ватиканскаго космополитизма и крайняго политическаго абсолютизма; то многія изъ нихъ были вредны тѣмъ, что впадали то въ отвлеченный идеализмъ (платонизмъ своего рода) и бездѣятельный «гуманизмъ», то въ жестокій матеріализмъ силы, формы и буквы и замѣняли старыя заблужденія новыми ложными кумирами.

Спустя болѣе ста лѣтъ послѣ изданія «Духа законовъ» правдивый вождь либеральной партіи Англійскаго народа, истинный другъ свободы и просвѣщенный политикъ В. Гладстонъ, обладавшій и опытомъ, и точнымъ математическимъ мѣриломъ, выяснилъ, что часто защитники свободы служили не истинной политической свободѣ и тѣмъ самымъ попирали и истину и свободу, связанныя между собою какъ два полюса

*) См. *Н. Коркунова*: „Сравн. очеркъ государств. права иностранныхъ державъ“, стр. 31—32.

истинныхъ этико-соціальныхъ началъ (см. выше, *n*⁰ 24). Живая нравственная Истина и здравыя понятія, знанія, привычки и умѣнья, растворенныя въ здравомъ смыслѣ народа заботами просвѣщеннаго государства при содѣйствіи свободной отъ вліянія ватиканизма государственной христіанской церкви—вотъ, по мнѣнію Гладстона, высшая естественная конституція истинно раціональнаго государства, раздѣляющаго свои функціи и власти и гармонически уравновѣшивающаго раздѣленное многообразіе.

«Въ то время, какъ — говоритъ Гладстонъ *) — съ одной стороны, свобода и ея гарантія подвергались нападенію ватиканизма, съ другой стороны, толпа дѣятельныхъ, но недисциплинированныхъ и необъединенныхъ враговъ поднята войну то противъ откровенія, то противъ догмата, то даже противъ самой вѣры въ Бога. Я далекъ отъ того, чтобы подвергать сомнѣнію честность и искренность той или другой изъ этихъ партій. Но какъ свобода никогда не можетъ быть должнымъ образомъ установлена врагами того Евангелія, которое впервые сдѣлало эту свободу дѣйствительностью для всѣхъ сословій и классовъ человѣчества, такъ и Евангеліе никогда не можетъ получить себѣ надлежащую защиту отъ такой политики, которая отказывается признать высокое значеніе, предоставленное свободѣ путями провидѣнія, и которая, подъ предлогомъ злоупотребленія, совсѣмъ изгоняетъ эту сободу изъ своей системы».

Возникаетъ вопросъ, гдѣ же въ средѣ человѣчества сохранились нетронутыми чистыя сокровища вселенскаго разума, открывающія путь истинной свободѣ. Трудно обойти молчаніемъ тотъ фактъ, что критическое мышленіе Гладстона привело его къ сужденію, что высшая религіозная истина сохранилась въ восточной церкви и въ организуемой подъ ея вліяніемъ соціальной жизни.

Гладстонъ говоритъ **): «Когда система христіанскаго уче-

*) См. „Римъ и папа передъ судомъ совѣсти и исторіи“. Сочиненіе *Вильяма Гладстона*. Переводъ *Е. М. Поливановой*, подъ редакціей профессора *В. А. Соколова*. 1903. Стр. 169.

**) Ibidem, стр. 168.

нія, со всею своею властью, впервые явилась, чтобы обновить міръ, она не подавляла, а напротивъ, вызывала свободную дѣятельность человѣческаго разума и индивидуальной совѣсти, давъ этимъ силамъ внутреннія нормы и побужденія смиреннаго и въ то же время благороднаго самоограниченія. Распространеніе Евангелія ввѣрено было организованному обществу, но въ устройствѣ этого общества, какъ мы знаемъ изъ священнаго писанія и исторіи, права всѣхъ входившихъ въ его составъ классовъ прекрасно были распредѣлены и гарантированы. Достовѣрный и живой памятникъ этихъ первоначальныхъ постановленій, направленныхъ къ тому, чтобы уравновѣсить церковную власть и обезпечить мірянъ отъ владычества духовенства, представляетъ намъ и до настоящаго времени строгій консерватизмъ церкви восточной».

Итакъ, на Западѣ мы имѣемъ въ множествѣ явленій либо просвѣщенный абсолютизмъ, либо либеральный фатализмъ. На Востокѣ, къ которому пріобщена православно-русская политикообщественность, мы имѣемъ нѣчто, составляющее драгоцѣнную особенность, имѣющую міровое значеніе и представляющую основу высшей просвѣщенности и государственности, которую нужно охранять и культивировать для блага всего человѣчества и смыслъ которой съ удивительнымъ рвеніемъ затемняется декаденствующею частію русской литературы и науки, разрывающей связь съ прекраснымъ наслѣдствомъ.

Раціонализмъ популярныхъ понятій о правовомъ государствѣ, заключенный въ ученіяхъ Монтескье, Руссо, Сіэса и Б. Констана, является либеральнымъ пониженіемъ истинныхъ идей и политической практики предшествующаго періода европейской новой исторіи. Въ этой исторіи были уже даны ясныя понятія объ истинной политической свободѣ, поскольку она связана съ раздѣленіемъ властей и съ ихъ гармоническимъ объединеніемъ. Эти понятія уже существовали на дѣлѣ, когда Монтескье писалъ свой «Духъ законовъ» для соотечественниковъ, истинная свобода которыхъ попиралась.

Эти понятія были выработаны ходомъ исторіи подъ влія-

ніемъ просвѣщенныхъ и образованныхъ политиковъ и ученыхъ, обратившихся въ XVI и XVII столѣтіяхъ къ повѣркѣ выдыхавшихся и вырождавшихся привычныхъ мотивовъ средневѣковой жизни. Повѣрка эта была точною, такъ какъ руководилась истинными *авторитетами* древнехристіанской культуры, распространившейся въ предѣлахъ греко-римской культуры, и *опытомъ* жизни подъ вліяніемъ этихъ культуръ въ теченіе пятнадцати вѣковъ. Понятія эти воплотились въ реформахъ Англіи, Россіи и Голландіи. Вспомнимъ реформы Петра I, которыя вели къ многообразному раздѣленію властей и ихъ функцій.

Послѣ длиннаго ряда истинныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ освобожденій русскаго государства (освобожденій: отъ языческаго мрака, побѣжденнаго свѣтомъ, шедшимъ чрезъ Византію изъ самыхъ высокихъ источниковъ общечеловѣческой культуры, отъ монгольскаго ига, отъ сѣтей ватикана и его уніи, отъ смутъ междуцарствія, отъ политическаго разъединенія частей русскаго племени), Россія почти одновременно съ Англіей пережила моментъ духовнаго колебанія, приведшаго къ пытливости. Средніе вѣка во всей Европѣ и въ Россіи были вѣками, въ которыхъ культурное человѣчество двигалось лишь внѣшнею благодатью и такою вѣрою, которая жила полною созерцательно-познавательною силою развѣ лишь въ тѣсномъ кругу, а не въ широкихъ слояхъ народа. Въ народныхъ массахъ вѣра вырождалась, приводя къ расколамъ, суевѣріямъ и соціальнымъ недоразумѣніямъ. Починъ повѣрки и исправленія привычныхъ мотивовъ этико-соціальной жизни въ Россіи сдѣланъ былъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и его политиками, положившими первые камни въ изощреніи политическихъ и бытовыхъ функцій. Петръ Великій далъ могучій толчекъ дальнѣйшему развитію въ русскомъ государствѣ истинной политической свободы гармоническимъ раздѣленіемъ и объединеніемъ функцій и властей государства. Эту свободу онъ вносилъ именно *раздѣленіемъ* политическихъ властей и функцій и притомъ *мирнымъ* раздѣленіемъ, что и заставило великаго реформатора обращать

дѣятелей политики къ техническому образованію. Говоря ниже о принципахъ политической мѣрной свободы, основанныхъ на познаніи этико-соціальной истины, мы будемъ мысленно пріурочивать понятія къ русской политической свободѣ.

Исторически сложившаяся суверенная власть русскаго государства, построенная на православно-русскомъ живомъ идеалѣ, есть душа гармоніи раздѣленныхъ властей, объединяющая ихъ, дирижирующая этико-соціальнымъ хоромъ государства. Гармонія этого хора и есть то живое равновѣсіе раздѣленныхъ властей, которое умѣряетъ независимость обособленныхъ частей. Слѣпая независимость и слѣпое объединеніе здѣсь замѣняется мыслемѣрною и правомѣрною свободою, нужною каждому живому элементу разумно дирижируемаго хора и подчиненною живой автономнѣйшей автономіи, могучему Государю-Самодержцу. Этотъ аристологократическій строй въ практикѣ, конечно, долженъ былъ нарушаться разными видами вольной и невольной какологократичности. Напряженіе, созданное несоразмѣренною съ силами реформою Петра Великаго, вызвало въ государствѣ усиленіе аналитическихъ явленій (усилило крѣпостное право) и усиленіе спутанныхъ индетерминистическихъ явленій (вызвало смѣну русскихъ суевѣрій западными суевѣріями, породило «слово и дѣло» временъ Бирона, создало недоросля, Кутейкина, Цыфиркина, разныхъ оторванныхъ отъ условій русской жизни бюрократовъ и интеллигентовъ и пр.). Эти отрицательныя явленія Петербургскаго періода представляются тяжелою искупительною жертвою за слишкомъ энергичный толчекъ реформатора и чувствуются до сихъ поръ какъ духовное и матеріальное оскудненіе русскаго центра, лишеннаго иниціативы и подпадающаго подъ чужеземныя вліянія. Послѣдующимъ поколѣніямъ оставалось заботиться о развитіи точныхъ знаній и моральтехническихъ и техническихъ умѣній, которыя должны были съ одной стороны служить азбукою и соціалграмматическою и моральариѳметическою основою для объединенія политическихъ многообразныхъ функцій, а съ другой стороны согласовать это многообразіе съ привычками и интересами народа.

Моральныя знанія (общественныя и политическія науки) и умѣнья ими пользоваться для развѣдокъ и для дѣйствія должны и въ настоящее время оставаться интеллектуальною основою гармоническаго взаимоотношенія и взаимодѣйствія политическихъ и общественныхъ функцій. Государство во всѣхъ его властяхъ и функціяхъ и во всемъ составѣ культурныхъ слоевъ народа должно стремиться, при раздѣленіи, къ *солидарности*, къ усовершенствованію знаній и навыковъ моральнометическаго солидарнаго дѣйствія.

Среди раздѣленныхъ властей, государству нужна для обезпеченія истинной политической свободы и истиннаго правомѣрнаго взаимодѣйстія власть *научно*-гносеологическая, которая, имѣя въ виду какъ близкія, такъ и болѣе далекія, но важныя жизненныя цѣли и горизонты, направляетъ свои силы на примѣненіе высшихъ научныхъ и техническихъ знаній къ задачѣ гармоническаго сочетанія и объединенія раздробленныхъ и частныхъ интересовъ. Эта политическая власть обязана изслѣдовать всѣ функціи прочихъ властей научно-практическимъ методомъ, внѣ цѣлей ревизіи, контроля, прокурорскаго надзора и суда по отношенію къ изслѣдуемымъ областямъ. Эта власть является органомъ познанія политическихъ вещей посредствомъ чистаго политическаго сознанія (политическаго созерцанія). Она есть не заботящійся о практическомъ властвованіи просвѣщенный авторитетный посредникъ между просвѣтительными учрежденіями Церкви и Академіи, прочими учрежденіями и властями Государства и Обществомъ. Она есть созерцающій и научно оцѣнивающій «глазъ» Государя, признающій благодать естественнымъ источникомъ жизни и жизнедѣятельности, а науку азбукой, грамматикой и логикой государственной собирательно-сознательной жизни въ ея мѣрныхъ автономныхъ появленіяхъ. Въ полѣ зрѣнія этой власти долженъ находиться живой, но недостигнутый практическій многостороній идеалъ личнаго развитія государства и его политической свободы, являющійся многостороннею *цѣлью*, которую стремятся по мѣрѣ силъ осуществить поколѣнія государства.

Великая собирательная личность національнаго государства, объединяющая при помощи высшихъ научно-этическихъ мѣрилъ труды всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній и видящая дальнія цѣли, охраняетъ и правильно организуетъ міръ частныхъ интересовъ; но она не вправѣ отдавать высшихъ своихъ жизненныхъ задачъ на рѣшеніе общества, какъ диссоціированной коллективной массы, отыскивая ея взглядъ лоттерейнымъ способомъ. Въ организаціи частныхъ интересовъ, относящихся къ области земскихъ и бытовыхъ функцій, государство открываетъ просторъ выбору и рѣшенію общества при условіи правомѣрности выраженія этихъ функцій, созданной естественными условіями, приспособленіемъ и разумнымъ искусствомъ предшествующихъ поколѣній. Для рѣшенія же высшихъ и общихъ жизненныхъ своихъ задачъ, въ которыхъ частные интересы обнимаютъ лишь одинъ участокъ, государство исторически вырабатываетъ особый политическій логосъ, который не только не отдѣленъ отъ собирательной мысли народа, но тѣснѣйше связанъ съ нею живымъ общеніемъ съ лицами *по мѣриламъ мудрости, опытности, добросовѣстности и національной преданности, вытекающей изъ психофизіологіи народа, изъ историческаго народнаго темперамента.* Подъ этими мудрыми лицами разумѣются не только индивидуальныя, но и историческія собирательныя лица (именитые роды, общины, сословія, культурныя учрежденія и т. д.).

Эти жизненныя связи государства съ обществомъ пріобщаютъ совѣсть его политическаго логоса къ той *соборной совѣсти* (беремъ этотъ терминъ у А. С. Хомякова), которая имѣетъ своимъ основаніемъ всѣ пріобрѣтенія истиннаго авторитетнаго вселенскаго познанія, данныя въ авторитетныхъ писаніяхъ, литературахъ и живыхъ преданіяхъ и распространенныя среди культурнаго народа стараніями Церкви, Академіи и Государства. Политическій логосъ культурнаго государства вырабатываетъ своимъ историческимъ процессомъ и опытомъ соотвѣтствующіе государственные гносеологическіе способы.

Задача государственной статистики и статистической гносеологіи, между прочимъ, обращаться къ воплощенному образу соборной совѣсти, представленному живыми учрежденіями народа, соединяющими людей культурнаго организованнаго общества для жизнедѣятельности. Попытка создать живой очагъ государственной статистики и гносеологіи вылилась въ западныхъ государствахъ въ форму парламентскихъ палатъ. Русское государство практикуетъ для статистическихъ и гносеологическихъ связей своего политическаго логоса съ воплощенною соборною совѣстью народа разнообразіе цѣлесообразныхъ способовъ, къ которымъ оно приспособилось. Эти способы допускаютъ развитіе на той же исторической основѣ, сообразуясь съ современными средствами сношенія людей. При желаніи получить эмпирическо-логическое сужденіе по любому практическому вопросу государство можетъ нынѣ примѣнять къ дѣлу сильно развитыя научно-практическія средства статистической развѣдки. Оно можетъ дѣлать не только письменные статистическіе запросы (анкеты), обращенные къ лицамъ и учрежденіямъ, но и посылать научно подготовительныхъ развѣдчиковъ на мѣста и созывать собранія и съѣзды знающихъ, опытныхъ и дѣловыхъ людей.

При необходимости обращаться къ воплощенному образу соборной совѣсти мудрый политическій логосъ долженъ искать способы остерегаться поддѣлокъ этихъ воплощеній, которыя всегда давали о себѣ знать горькими послѣдствіями и вытекаютъ изъ фальсификацій лоттерейнаго представительства. Возможности этихъ ненормальныхъ явленій умножаются вмѣстѣ съ объемомъ государства при слабыхъ средствахъ, съ одной стороны, развѣдочной децентрализаціи и дифференцировки и, съ другой стороны, обратной операціи (центральнаго свода и интеграціи). При слабости этихъ средствъ полнота состава и тщательность наблюдаемаго статистическимъ методомъ авторитетнаго сужденія соборной совѣсти легко подмѣнивается плохими суррогатами, удобными для мистификацій, принадлежащихъ ложному политическому логосу (антилогосу). Однимъ изъ условій противъ этихъ фальсификацій служитъ пра-

вильно дифференцированная историческими чертами и дѣленіями практическая децентрализація и спеціализація совѣщаній, а затѣмъ хорошо организованный живой центральный точный моральстатистическій синтезъ. Децентрализація совѣщательности есть обращеніе къ *мірской* совѣсти мѣстныхъ коренныхъ общественныхъ учрежденій и дѣловыхъ лицъ. При ризвитіи прессы, путей сообщенія и средствъ обмѣна дѣловые люди, привязанные къ своимъ занятіямъ, могутъ, оставаясь на своихъ мѣстахъ, давать свой совѣтъ. Этотъ совѣтъ, идя изъ первоисточника, т. е. прямо отъ людей дѣла, бываетъ въ предѣлахъ ихъ спеціальности дѣйствительно разумнымъ. Задача правильно организованной государственной практической гносеологіи—по возможности уменьшить число профессіональныхъ представителей, присваивающихъ себѣ не принадлежащій имъ авторитетъ quasi-легальнаго формалиста-адвоката мѣстныхъ нуждъ, и, съ другой стороны, по возможности, привлекать къ совѣщательности дѣйствительно авторитетныхъ дѣловыхъ, знающихъ и просвѣщенныхъ людей, блещущихъ не краснорѣчіемъ фразы и не хитростью лицемѣрной формальности, а красотою живой этической закономѣрности. Въ этихъ обращеніяхъ къ соборной совѣсти важнѣе всего *непосредственность* ея связи съ суверенною волею. Преступно при этомъ посягать на автономію суверениаго носителя просвѣщеннаго политическаго логоса. Связывать какими-либо искусственными условіями или спутывать мистификаціями эту автономнѣйшую въ государствѣ автономію составляетъ интересъ ложнаго политическаго логоса.

Автономія Государя, суверениаго носителя просвѣщеннаго политическаго логоса, является святынею, государственнымъ священнымъ кивотомъ завѣта, передъ которымъ благоговѣйно склоняютъ свои головы всѣ истинно благотворныя автономіи государства.

Суверенный носитель политическаго логоса, занимая вершину въ политической іерархіи, лично пользуется среди политически развитого народа не божескимъ, но высшимъ благоговѣйнымъ почитаніемъ, какъ высшій политическій Авторитетъ, Судья и Стражъ независимости народа и народ-

ныхъ благъ, благой Законодатель и взвѣшивающій свои императивы Повелитель, имѣющій въ условіяхъ своего положенія могучія естественныя и искусственныя средства для того, чтобы правильно координировать свои велѣнія.

Царское взвѣшенное слово и мыслемѣрное дѣйствіе священно для того, кто прикоснулся къ пониманію принципа, что эти акты этико-соціальнаго Сознанія опираются не только на текущій собирательный (статистическій) опытъ даннаго поколѣнія, но и на вѣчный свободосвязный союзъ Церкви, Академіи и Государства, духовно связанный съ объективнымъ Сознаніемъ, съ Словомъ, обнимающимъ мѣрою и вѣсомъ всѣ дисциплины и закономѣрности, всѣ числа отъ малыхъ до великихъ, отъ края и до края по всѣмъ сознаваемымъ направленіямъ и измѣреніямъ. Совѣсть Государя покорна голосу религіи и науки, которыя обнимаютъ азбуку, соціалграмматику и логику царей и суверенныхъ центровъ сознанія и являются условіемъ правильной мотиваціи политическаго и общественнаго процесса *).

Раздѣленныя и спеціализированныя функціи государственной власти назовемъ *политическими* мѣрными или моральными автономіями, а правомѣрныя волевыя функціи прочихъ личностей (обыкновенныхъ и собирательныхъ), живущихъ на территоріи государства и имѣющихъ по праву свои сферы свободоволеваго дѣйствія, назовемъ *бытовыми* мѣрными или моральными автономіями. Подъ органической координаціей политики или, полнѣе, политическихъ и бытовыхъ функцій мы разумѣемъ принципы, помогающіе уяснить общія условія взаимоотношеній и взаимодѣйствій политическихъ и бытовыхъ мѣрныхъ автономій. Предполагается при этомъ, что практическая проблема политическаго дѣйствія есть вообще установить въ цѣломъ и по частямъ благотворное подвижное гармоническое равновѣсіе существующихъ въ государствѣ мѣрныхъ автономій, организуемыхъ въ объединенное цѣлое

*) Принципы монархизма въ пониманіи ихъ русскимъ народомъ и государствомъ нынѣ излагаются въ очеркахъ *Н. Черняева*: „Изъ записной книжки русскаго монархиста“, печатаемыхъ въ журналѣ проф. *Вязигина*: „Мирный Трудъ“ (Харьковъ, 1903 и 1904 годы).

государствомъ и его суверенною автономіей, которая складывается различно подъ вліяніемъ естественныхъ условій и историческихъ обстоятельствъ.

Органическая координація политическихъ и бытовыхъ функцій предполагаетъ нѣкоторые практическіе принципы.

Первый принципъ: *естественность подвижного гармоническаго равновѣсія политическихъ и бытовыхъ функцій и естественность реформъ этихъ функцій.* По смыслу этого принципа политическія и общественныя взаимоотношенія и взаимодѣйствія и ихъ реформы (искусственныя преобразованія) должны опираться на естественные физическіе и моральные корни. Нѣкоторыхъ привычекъ и природныхъ свойствъ людей нельзя передѣлать по произволу, и поэтому соціалтехники и политики должны отправляться въ возможныхъ усовершенствованіяхъ жизни отъ дѣйствующихъ привычныхъ и естественныхъ моральныхъ закономѣрностей. Необходимо въ каждомъ вопросѣ прежде всего имѣть въ виду естественное состояніе разсматриваемой вещи и отыскивать въ этомъ состояніи мѣру возможности ея усовершенствованія, средства и ожиданія, могущія содѣйствовать этой реформѣ, и средства отразить ожиданія и обстоятельства, неблагопріятствующія ей. Подобный принципъ провозглашенъ былъ, между прочимъ, нашими такъ называемыми славянофилами подъ именемъ «самобытности», «неподражательности» и «исканія нравственныхъ устоевъ въ унаслѣдованныхъ нравственныхъ принципахъ».

Вышеуказанный принципъ естественности соціальнаго равновѣсія и соціальныхъ реформъ мы отличаемъ отъ аналогичныхъ ученій Локка, Руссо и другихъ, трактовавшихъ о естественномъ правѣ и о свойствахъ естественнаго состоянія первобытнаго общества. Самыя слова: естественность и искусственность мы понимаемъ здѣсь въ относительномъ смыслѣ, не отдѣляя категорическою чертою естественнаго отъ искусственнаго и не касаясь вопроса объ абсолютной естественности, предшествующей всякой искусственности. Абсолютная естественность принадлежитъ лишь Безусловному Существу, примѣнившему свое искусство къ созданію міра. Во

всемъ естественномъ, поскольку оно касается интеллектуальнаго міра, складывается *прежнее* искусственное, превратившееся въ естественное то дѣйствіемъ собственной *привычки*, то *благодатью* (вліяніемъ Безусловнаго Существа). Роль упражненія и привычки, являющихся условіемъ доступной намъ связи искусственнаго съ естественнымъ, мы легко познаемъ изъ самонаблюденія. Искусственное привычкою и упражненіемъ претворяется въ естественное; наоборотъ, естественное можетъ быть утрачено отъ недостатка упражненія и вновь можетъ быть пріобрѣтено лишь искусствомъ и упражненіемъ. Какъ апостеріорное и эмпирическое переходитъ въ нашемъ ожиданіи по отношенію къ интеллектуальному послѣдующему явленію опять въ апріорное и умозрительное сужденіе, такъ и интеллектуально-естественное или привычное должно быть во власти сознанія субъекта и его свободной воли по отношенію къ каждой послѣдующей проблемѣ дѣйствія. Эта власть почти нечувствительнымъ актомъ чистаго сознанія и его тонкимъ мѣриломъ рѣшаетъ вопросъ, преодолѣть ли новую проблему дѣйствія опять естественнымъ, т.-е. привычнымъ, путемъ или же пріостановиться для повѣрки привычныхъ критеріевъ при помощи искусства. Слѣдовательно, можно и должно говорить о естественномъ состояніи общества не только тогда, когда оно спустилось до потери культуры и одичанія, но и тогда, когда оно поднято своими привычками, нравами и благодатью на самыя высокія ступени культуры. Благой консерватизмъ свято охраняетъ добрыя старыя привычки и нравы. Благая реформа измѣняетъ плохія привычки къ лучшему.

Второй принципъ: *органическая свободосвязность природныхъ и бытовыхъ автономій съ политическими автономіями.* Политика вноситъ въ некатегорическія взаимоотношенія тѣхъ и другихъ автономій особую *органическую* свободосвязность, которая, мѣрно довѣряя и мѣрно недовѣряя, ставитъ политическую и общественную жизнь въ ея важнѣйшихъ функціяхъ, соприкасающихся съ частными интересами, подъ разумную охрану живой политикообщественной организаціи, регули-

руемую *органическимъ* законодательствомъ, разсчитаннымъ, съ одной стороны, на живыя силы *мѣстныхъ* дѣятелей и заинтересованныхъ сторонъ и, съ другой стороны, на аналитическое построеніе культурной службы государственныхъ чиновниковъ, зависящихъ отъ центральной и суверенной части собирательнаго политическаго логоса. Органическое законодательство можно противопоставить: 1) *чисто аналитическому*, механизированному аналитически исполняющими центральный приказъ службами, и 2) *хаотическому*, въ которомъ порваны аналитическія службы государства и которое обращаетъ общественную жизнь въ разрыхленную, дряблую, болотистую и песчаную почву. Государство, избѣгая этихъ крайностей, имѣетъ подготовленныхъ для различныхъ родовъ тактической службы своихъ спеціалистовъ, приходящихъ въ вышеупомянутыхъ политикообщественныхъ учрежденіяхъ въ живое соприкосновеніе съ мѣстными природными и бытовыми органами для совмѣстнаго съ мірскою совѣстью обсужденія и синтетическаго рѣшенія. Государство и общество при этомъ не противополагаются, какъ два антагониста, а сливаются какъ цѣльный организмъ съ его органами, дополняющими букву и форму законодательства живымъ ретроспективно-провиденціальнымъ рѣшеніемъ, въ которомъ играетъ роль тактъ, соотвѣтствіе, правомочіе, положеніе, компетеція, коеффиціентъ довѣрія, рискъ, кассаціонная гарантія и пр. Этотъ видъ политикообщественнаго организованнаго сужденія, рѣшенія и контроля развивается въ рядъ цѣлесообразныхъ послѣдовательныхъ аристологократическихъ инстанцій, іерархически и непрерывно восходящихъ до суверенной власти. Образцомъ такого взаимодѣйствія можетъ служить политикообщественная *судебная* организація (судъ присяжныхъ), а также организація народообразовательнаго дѣла, открывающая мѣсто законномѣрному сочетанію въ училищныхъ совѣтахъ мѣстныхъ (сельскихъ, земскихъ, городскихъ, административныхъ и сословныхъ) автономій съ автономіей спеціальною, принадлежащею организаціи учителей и духовнаго и учебнаго вѣдомствъ.

Государство посредствомъ различныхъ спеціальныхъ видовъ

политико-общественной организаціи (считая въ томъ числѣ общую судебную организацію) по мѣрѣ силъ судить, оцѣниваетъ, отбираетъ, дифференцируетъ, интегрируетъ и объединяетъ благотворною свободосвязностью множество важныхъ функцій. Въ этомъ жизненномъ выраженіи свободосвязнаго моральтехническаго объединенія бытовыя, спеціальныя и политическія условія дифференцируются и интегрируются живымъ раздѣленнымъ и объединеннымъ логосомъ дѣятелей на основаніи опредѣленнаго закономъ и его духомъ разграниченія сферъ мѣрноавтономнаго дѣйствія. Успѣхъ живого синтеза зависитъ, кромѣ матеріальныхъ средствъ, отъ добросовѣстности дѣятелей, отъ уваженія каждымъ изъ нихъ не только своей, но и чужой автономіи. Плохой синтезъ также возможенъ; но, благодаря не только раздѣленію спеціальностей, но и хорошо организованной связи ихъ, недовольная сторона переноситъ дѣло въ высшую инстанцію, восходя въ іерархической постепенности до верховной власти.

Такая организованность, когда она правильно разграничиваетъ автономныя функціи (не впадая ни въ аналитическую крайность, называемую иногда абсолютизмомъ, соціализмомъ, политическимъ позитивизмомъ, бюрократизмомъ, ни въ хаотическую крайность, называемую нигилизмомъ и анархіей), исчерпываетъ все, что можетъ дать въ соотвѣтствующей отрасли разумная политика. Если результаты при этомъ бываютъ иногда плохи, то это явленіе можетъ зависѣть лишь отъ истощенія мѣстныхъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ и ничѣмъ не можетъ быть исправлено, кромѣ улучшенія этихъ средствъ. Другой естественный выходъ для такой спеціальной организованности есть прекращеніе ея существованія, естественная смерть или атрофія соотвѣтствующаго органа соціальнаго организма.

Но нерѣдко спеціальные органы и ихъ функціи атрофируются или погибаютъ не смертью естественною, а преждевременною, которая вызывается либо крайностью мертвящей механизаціи, либо крайностью хаотической диссоціаціи (объ крайности въ сущности смыкаются, такъ какъ и отсутствіе

духовныхъ иниціативъ, и безсмысленное ихъ взаимоуничтоженіе въ хаотическихъ шокахъ одинаково превращаютъ разумный живой волевой психомоторный процессъ въ процессъ мертвый, почти механическій). Въ томъ и другомъ случаѣ плевелы перерастаютъ пшеницу, и если этотъ процессъ захватитъ важнѣйшіе органы государства, то его соціальная организація дряхлѣетъ, засыхаетъ духовно и разрушается, обращаясь въ «историческій свищъ, наполненный прахомъ сгнившаго народа» (А. С. Хомяковъ). Задача государственной гиссеологіи должна состоять въ изысканіи посредствомъ своихъ живыхъ вѣсовъ лѣкарства отъ преждевременной дряхлости. Это лѣкарство въ данномъ случаѣ есть устраненіе въ больной части организма ея жизненой неуравновѣшенности, путемъ приближенія этой части отъ мертвящаго края къ той серединѣ между крайностями, при которой соціальный организмъ дастъ наиболѣе полный плодъ. Лѣкарство, идущее отъ государства, должно соединять въ правильныхъ «дозахъ» просвѣщенный абсолютизмъ (категоричность связи частей съ центромъ) и просвѣщенный аритмологизмъ (некатегоричность, свободосвязность, привлеченіе лучшихъ мѣстныхъ субъектовъ общества къ самодовлѣющей правомѣрной иниціативѣ).

Характеръ организованной политико-общественной свободосвязности какъ въ области собственно судебныхъ отправленій, такъ и въ другихъ мыслемѣрныхъ отправленіяхъ государства обсуждается въ ученыхъ, литературныхъ, общественныхъ и правительственныхъ кругахъ съ разныхъ сторонъ и, между прочимъ, по отношенію къ тѣмъ вопросамъ, которые касаются роли метрическо-индетерминистическихъ элементовъ, опредѣляющихъ отношеніе *мѣстныхъ* автономныхъ (политическихъ и бытовыхъ) вліяній къ центральнымъ и суверенным частямъ государства. Категорическаго согласія мнѣній по этимъ вопросамъ, рѣшаемымъ мѣрно-некатегорически, не существуетъ. Такъ, въ области чисто судебныхъ вопросовъ одна крайняя сторона желаетъ усилить аналитическій элементъ связи мѣстныхъ судебныхъ отправленій съ центромъ госу-

дарственной власти (къ этому взгляду примыкаютъ сторонники болѣе или менѣе значительнаго сокращенія компетенціи суда присяжныхъ и участія общественныхъ элементовъ въ судебномъ рѣшеніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, защитники расширенія компетенціи судей, назначаемыхъ отъ правительства). Противная крайняя сторона желаетъ, наоборотъ, усилить индетерминистическій (хаотическій) общественный элементъ ослабленіемъ и даже разрывомъ аналитическихъ связей мѣстныхъ частей судебнаго организма съ государственнымъ центромъ и добивается осуществленія почти лоттерейнаго начала въ подборѣ присяжныхъ, мировыхъ и другихъ общественныхъ судей, предлагая извлекать этихъ участниковъ судебнаго рѣшенія изъ диссоціированнаго общества такъ, какъ извлекаютъ билеты изъ урны съ перемѣшанными въ ней лоттерейными нумерами. Эти крайнія выраженія взаимонедовѣрія другъ къ другу политическихъ (правительственныхъ) и бытовыхъ (общественныхъ) автономій составляютъ вышеуказанное болѣзное явленіе и основаны, между прочимъ, на непониманіи высшихъ дедукцій и индукцій, служащихъ для здраваго обсужденія постройки судебной организаціи. Взаимное довѣріе является необходимымъ условіемъ всякой положительной общественности, *но при условіи различенія степеней довѣрія и аристологическаго комбинированія ихъ.* Съ одной стороны, здравое ученіе о свидѣтельствахъ и судебныхъ рѣшеніяхъ требуетъ: 1) дифференціальной оцѣнки (посредствомъ личнаго *коэффиціента довѣрія* къ рѣшающему и свидѣтельствующему) личныхъ качествъ самихъ судей и свидѣтелей (оцѣнка эта предполагаетъ особый высшій судъ надъ судьями, а именно судъ іерархическій и научно-гносеологическій и судъ чести) и 2) соотвѣтствующаго цѣлесообразнаго распредѣленія этого личнаго расцѣненнаго строительнаго матеріала въ живомъ зданіи судебнаго организма. Съ другой стороны, высшій по качеству уровень *А* этихъ личныхъ матеріаловъ (какъ бы суверенная часть судебной корпораціи, представляемая наиболѣе опытными, образованными и государственно-мудрыми членами ея) есть очень дорогая личная «соль» судебнаго орга-

низма, которую нужно экономить. Поэтому необходимо обращаться для отправленія судебной функціи и къ болѣе обильному по числу единицъ культурному слою B, къ рядовымъ культурнымъ дѣятелямъ изъ общества, лишь бы въ этотъ составъ не проникали этическіе агностики и юридическіе верхогляды. Коэффиціентъ довѣрія къ этого рода судьямъ (напримѣръ, къ присяжнымъ) повышается посредствомъ аристологической классификаціи частей населеніяхъ привлекаемаго къ судебной функціи, и долженъ быть, какъ установлено математиками (см. у Пуассона, у Буняковскаго), *болѣе* $^1/_2$ (если довѣріе достовѣрнаго судьи или свидѣтеля оцѣнить балломъ 1). При этомъ необходимы еще кассаціонныя гарантіи судебнаго процесса при помощи судей высшаго качества, дабы этотъ засолъ при помощи просвѣщеннѣйшихъ юристовъ и другихъ надежнѣйшихъ лицъ, участвующихъ въ отправленіи судебныхъ функцій, по возможности осредосоливалъ или нейтрализовалъ «кислоту» этическихъ и юридическихъ промаховъ.

Моральтріангуляція, данная къ фактѣ семьи (отецъ+мать+сынъ и отецъ+мать+дочь) и въ пятой заповѣди (чти отца и мать), естественно и искусственно (моральтехнически) развивается въ свободосвязность общества. Наука академически обсуждаетъ примѣненіе къ этой естественной и благодатной свободосвязности методовъ, составляющихъ соціальную моральгеодезію, соціалфизику, соціалтехнику и технику. Государство съ своей стороны практически осуществляетъ изощренную этическую свободосвязность частей общества своими политикообщественными учрежденіями, топорафически и моральгеодезически покрывая ими общество и организуя его въ научнообоснованное и научнонивеллированное моральное культурное зданіе.

Повѣрка прочности и исчисленіе ремонта (реформы) зданія той или другой политикообщественной организаціи производится соотвѣтствующею научно-гносеологическою властью и основана на планомѣрномъ статистическомъ наблюденіи явленій, происходящихъ въ жизни этого организма и въ соціальныхъ послѣдствіяхъ отправляемой имъ государственной и

общественной функціи. Окончательный рѣшающій выводъ изъ этого наблюденія и изъ міросозерцанія есть продуктъ высшаго дедуктивно-индуктивнаго ретроспективно-провиденціальнаго отправленія центральной и суверенной гносеологической политической власти, обнимающій, между прочимъ, законодательную функцію государства.

Третій принципъ: *живое сочетаніе уравненій и личныхъ единствъ съ личными неравенствами и различіями и съ благимъ многообразіемъ видовъ природныхъ и бытовыхъ моральныхъ автономій.* Въ жизни природы и духа очень много естественныхъ уравновѣшивающихъ началъ, создавшихъ живое многообразіе царствъ видимой природы. Такое же многообразіе существуетъ въ уравновѣшенномъ движеніи общества: оно естественно опирается на физическія и моральныя условія и приспособилось къ нимъ своими привычками и дисциплинами; оно способно при наименьшей затратѣ политической силы почти само себя поддерживать, а сбереженная экономія политическихъ и общественныхъ силъ можетъ при этомъ идти прямо къ цѣли: на борьбу съ болѣе существенными несовершенствами, на усовершенствованія, которыя зависятъ отъ политическаго искусства человѣка и ведутъ къ культурному прогрессу. Въ силу этого принципа разумный политикъ щадитъ благотворное естественное личное различіе, неравенство и многообразіе свободосвязной общественной жизни при условіяхъ моральнаго единства (братства по христіанскому началу и по гражданскому закону). Моральариѳметическій принципъ этотъ не совмѣстимъ не только съ наивнымъ признаніемъ универсальности имущественнаго личнаго равенства, но и съ универсальностью другихъ детермирирующихъ уравненій, вытекаютъ ли они изъ абсолютизма Аристотеля и Спинозы, или изъ анализа утилитарной морали, или изъ экономическаго матеріализма, или изъ Кантовскаго категорическаго императива, отрѣшеннаго отъ свободы воли, или изъ отвлеченнаго «гуманизма», призывающаго къ вѣрѣ безъ дѣлъ, къ моральному бездѣйствію, къ непротивленію царству лжи и коварства, изъ мо-

ральнаго безразличія и хаоса, превращающаго общественную закономѣрность въ Демокритову иллюзію, въ мертвый физическій механическомолекулярный фатальный процессъ, въ песчаную пустыню.

Соблазнъ, направленный противъ моральнометическаго принципа и толкающій къ противоположному началу, къ односторонпему почти аналитическому уравнительному началу (къ всеобъемлющему опредѣленію соціальныхъ отношеній личными уравненіями и равенствами) и къ соотвѣствующимъ разнымъ почти аналитическимъ унитарнымъ (объединительнымъ) системамъ, исходитъ не изъ однихъ только центровъ соціалдемократической мысли (видящей въ этой уравнительности высшую справедливость) и не изъ центровъ только космополитическо-буржуазной либеральной мысли (видящей въ синтезѣ крайней индивидуализаціи съ утилитарною моралью соціальное средство создать буржуазный «порядокъ», удобный для эксплуатаціи силъ природы и человѣка), но и отъ узкихъ государственниковъ, подобныхъ Каренину («Анна Каренина»). Эти «либеральные» и «консервативные» государственники—бюрократы и государствовѣды-верхогляды, поставленные передъ практическими условіями подлинной жизни, устрашаются сложностью ея живаго многообразія, въ которомъ они не въ силахъ оріентироваться, впадая сначала въ ложный страхъ, а потомъ въ иллюзію, что выходъ изъ затрудненія данъ въ «упрощеніи» жизненныхъ отношеній на основаніи увлекшихъ ихъ отвлеченныхъ унитарныхъ почти аналитическихъ системъ, обильно разработываемыхъ въ теоретическихъ этюдахъ, весьма интересныхъ и полезныхъ для упражненія спеціализовавшейся мысли, но не способныхъ безъ желѣза объединить всей жизни. Для многихъ узкихъ умовъ такой «упрощенный способъ» сладить съ пугающимъ ихъ жизненнымъ многообразіемъ кажется откровеніемъ, которому они слѣдуютъ съ фанатизмомъ (Ришелье, Робеспьеръ и т. д.). Своими совѣтами эти государственники самоувѣренно и фатально толкаютъ государственную власть къ тому, чтобы она повелительно внѣдрила жизненное благотворное многообразіе въ узкія отвлеченныя

формы, по ихъ мнѣнію, очень «умныя» и будто бы улучшающія жизненныя отношенія и облегчающія, по видимому, управленіе многосложнымъ государственнымъ механизмомъ. Многіе изъ современныхъ, претендующихъ на всеобъемлемость политическихъ унитарныхъ теорій имѣютъ именно такой характеръ и часто втискиваются въ практику политической и общественной жизни то съ «либеральными» терминами «равенства», «свободы», «прогресса» и «правового порядка», то съ «консервативными» терминами «порядка и благочинія».

Эти политическія спекуляціи и авантюры-иллюзіи, можетъ быть, благонамѣренныхъ, но узкихъ государственниковъ иногда осуществляются и создаютъ въ жизни ложныя положенія и отношенія, бездну между дѣйствующимъ мертвымъ «положительнымъ» правомъ и здравымъ желательнымъ правомъ, т. е. живою здравою нравственностью и дисциплиною политическихъ и общественныхъ отношеній. При мысли объ этихъ экспериментахъ узкихъ и поверхностныхъ государственниковъ различныхъ категорій вспоминаются завѣты А. С. Хомякова *): «гибельно вѣчное умничанье отдѣльныхъ личностей, гордыхъ своимъ мелкимъ просвѣщеніемъ, надъ общественною жизнью народовъ»; «вредно уничтоженіе мѣстной жизни и мѣстныхъ центровъ»; «страшно замѣнять историческія нравственныя связи связями условными, а совѣсть и духъ полицейскимъ матеріализмомъ формы и убивать живое растеніе подъ мертвыми надстройками». Въ настоящее время «полицейскій матеріализмъ», о которомъ говоритъ А. С. Хомяковъ, развился въ форму аналитическо-экономическаго, аналитическо-юридическаго и аналитическо-полицейскаго матеріализма съ страннымъ подраздѣленіемъ приверженцевъ матеріалистическаго дѣйствія на два лагеря: либеральный и консервативный. Завѣты А. С. Хомякова отъ этой перемѣны пріобрѣли болѣе важное значеніе, сохраняя тотъ же существенный смыслъ свой.

---

*) Сочин. *А. С. Хомякова*, т. I, стр. („Письмо объ Англіи). Касаясь здѣсь идей А. С. Хомякова, пользуемся случаемъ указать недавно вышедшую книгу проф. *Л. Е. Владимірова*: „А. С. Хомяковъ и его этико-соціальное ученіе“. Москва. 1904 г.

Государственныя унитарныя и уравнительныя системы весьма цѣнны и благотворны, но лишь въ n—мѣрной аналитической плоскости $n+1$—мѣрнаго моральариѳметическаго пространства, имѣющей выходы въ смежныя области живой психоаритмологической координаціи. Эта геомерическо-этическая соціальная координація, совмѣстимая съ многообразіемъ, обнимаетъ въ самосознаніи и въ дѣйствіи многообразныя естественныя спеціальности и различные спеціальные и моральные уровни, находящіеся въ неравныхъ и неодинаковыхъ условіяхъ и положеніяхъ и болѣе или менѣе полезные въ разныхъ отношеніяхъ. Государство, опираясь на самое культурное общество, управляетъ общимъ координированнымъ движеніемъ этихъ уровней, т. е. вноситъ въ нихъ свою гармоническую дедуктивно-индуктивную программу, выведенную изъ статистическаго моральариѳметическаго пассивносозерцательнаго познанія и активнаго правомочнаго сознательнаго распредѣленія личныхъ цѣнностей по ихъ родамъ, классамъ и видамъ и свободосвязно организующую это многообразіе единствъ высшимъ этико-соціальнымъ единствомъ. Всякій разъ, когда это гармоническое единство вытѣсняется спеціальнымъ единствомъ, которое создается фанатизмомъ партій и политическихъ авантюръ, возникаетъ соотвѣтствующій матеріализмъ въ мысли и практической жизни. Отвлеченный идеализмъ (платоническій), пассивный (бездѣятельный) гуманизмъ, вѣра безъ дѣлъ и т. д. представляютъ изнанку того же матеріализма, которая, отвергая актуальныя условія жизни, ввергаетъ ее въ опасности, давая перевѣсъ фатуму, психомеханизаціи и матеріальнымъ стихіямъ надъ живою жизнью и ослабляя интенсивность жизни и опыта чистаго соціальнаго сознанія.

Свободосвязное разнообразіе естественныхъ спеціальныхъ и моральныхъ личныхъ уровней не препятствуетъ однимъ двигаться въ привычномъ собственномъ уровнѣ, а другимъ перескакивать въ другой уровень, если моральная внутренняя и внѣшняя дисциплина подготовила данное лицо къ такому скачку. Нравственная солидарность и Истина гармонически объеди-

няютъ всѣ благія уровни. Въ гармоническомъ свободосвязномъ моральномъ единствѣ одно добро не мѣшаетъ жить другому добру. Почтенъ тотъ мудрый государственникъ—садовникъ, который, унаслѣдовавши разнообразно цвѣтущій садъ и твердою рукою охраняя, улучшая и обрабатывая его, воскликнетъ: «листья, которыми Предвѣчный Садовникъ покрылъ весь садъ, люблю настолько, насколько Онъ даровалъ ихъ во благо» (*Dante*, Paradiso, XXVI, 64—66).

Однако, фанатики партій и партійныхъ утопій и въ наши дни, какъ всегда, рады бываютъ сокрушить такого идеальнаго государственника и не даютъ осуществиться идеально-реальнымъ нормамъ гармоническаго сочетанія личныхъ неравенствъ, различій и многообразія личныхъ уровней. При такихъ условіяхъ государственникъ обязанъ соразмѣрить силы съ величиною антисилы, взявъ въ свои руки лишь разумно выбранную посильную часть, а именно важнѣйшіе *фундаменты* и *магистральныя линіи* свободосвязнаго взаимоотношенія и взаимодѣйствія съ культурнымъ обществомъ. Остальное же необходимо предоставить миссіонерамъ просвѣщенія: священству и учительству и природнымъ автономіямъ, обороняя культуру силою полиціи и войска отъ болѣе опасныхъ презрѣнныхъ активныхъ проявленій тьмы и невѣжества, поддерживаемыхъ хитрою организованною антисилою, имѣющею свое многообразіе отрицательныхъ уровней и спеціальныхъ службъ и свои объединяющіе соціальные «принципы», угрожающіе корнямъ культуры. Этимъ угрожающимъ проявленіямъ антисилы противопоставляется соціальное дѣйствіе страхомъ и матеріальною репрессіей.

Четвертый принципъ: *охрана языка, символовъ и другихъ внѣшнихъ чертъ соціальной дифференцировки.* Внѣшнія черты соціальной дифференцировки, касающейся лицъ и различныхъ интересовъ и вещей, являются опорами для чувства мѣры и моральнаго такта, для гносеологіи, для облегченія правомѣрныхъ отношеній между дифференціальными элементами государства. Естественное и искусственное многообразное раздѣленіе характеризуется этими внѣшними чертами, выработанными культурой

и составляющими особую соціальную дифференціальную и интегральную символику. Эти внѣшнія черты не суть пустыя формы соціальной жизни, какъ пытаются ихъ трактовать тѣ, кому хотѣлось бы стереть тѣ или другіе знаки различія и затѣмъ поживиться на счетъ чьихъ либо интересовъ подъ видомъ безразличія и подъ предлогомъ «братства», «уніи», «солидарности» и т. д. Онѣ, подобно естественнымъ внѣшнимъ обособленіямъ и раздѣленіямъ въ природѣ, необходимы и являются въ одно и то же время и видимою границею правъ и интересовъ лицъ, и документомъ и свидѣтельствомъ, и знаменіемъ, и условіемъ координаціи соціальнаго многообразія, и условіемъ для быстраго статистическаго и моральариѳметическаго вывода объ окружающей насъ средѣ. Историческія и соціалфизическія черты политической географіи, межи владѣній, письменные документы о раздѣлахъ, различіе одежды по поламъ, возрастамъ, сословіямъ, службамъ и т. д., государственныя, церковныя и академическія отличія, языкъ, художество, жесты, внѣшнія отправленія культа—всѣ эти формы и знаки частныхъ, общественныхъ и государственныхъ обособленій и отличій имѣютъ большой гносеологическій и статистическій смыслъ въ правомѣрно организованной жизни культурнаго государства и общества. Для неумѣющаго читать книгу природы и соціальнаго быта смыслъ этотъ бываетъ не понятенъ. Начинающій разбирать ее легко впадаетъ то въ слѣпой символизмъ декадента, то въ протестъ противъ азбуки, литеръ и правилъ чтенія и выраженія міровой и соціальной мысли и воли на языкѣ этой книги и въ этикосоціальное безграмотство. Для привыкшаго читать ея черты и символы, не утратившіе связи съ человѣческими духовными и матеріальными интересами, понятно ихъ важное соціальное назначеніе помогать лицу, обществу и государству во всѣхъ положеніяхъ ориентироваться относительно находящейся въ полѣ ихъ зрѣнія физической и интеллектуальной соціальной панорамы и установить привильное отношеніе къ ней. Важное значеніе этихъ внѣшнихъ чертъ заставляетъ охранять ихъ, улучшать и не мѣнять безъ вѣскихъ основаній.

Политическій здравый смыслъ, напримѣръ, Англіи и Германіи, охраняетъ эти черты: онъ болѣе или менѣе спасалъ ихъ даже въ пылу своихъ реформацій, революцій и войнъ. Политическая мистификація, напротивъ, стремится стереть эти черты и соотвѣтсвующую соціальную дифференцировку подъ предлогомъ «свободы», «равенства» и «братства» и вопреки принципамъ истинной свободы, въ сферѣ которой равенство и братство требуютъ разграниченія и распредѣленія правъ и долга.

Всѣ звуки, жесты, символы и начертанія суть живой словесный и письменный языкъ (въ широкомъ смыслѣ) природы и духа, многообразный и многообъемлющій, распадающійся на безчисленное множество спеціальныхъ языковъ и ихъ организованныхъ грамматикъ. Этотъ языкъ обнимаетъ всѣ формулы, посредствомъ которыхъ мыслящія существа выражаютъ свое міропониманіе и отношеніе къ обществу и къ міру. Языкъ въ тѣсномъ филологическомъ смыслѣ есть лишь спеціальная вѣтка всеобщаго мѣрнаго языка. Охраняя всѣ эти сокровища, поскольку въ нихъ заключены основанія культуры и культурной жизни и условія ея пониманія государство для своихъ потребностей и связей съ племенами избираетъ изъ этого геометрическо-этическо-діалектическо-символическаго многообразія государственный языкъ и государственные символы, подходящіе къ условіямъ его исторической жизни и къ задачамъ его организованной свободосвязной жизни. Такимъ образомъ, создается мыслемѣрно-діалектическо-символическое многообразіе, которымъ пользуется государство, но которое не должно быть замкнутымъ отъ пониманія обще-человѣческаго мѣрно-діалектическо-символическаго многообразія, дабы не переходить въ національную нетерпимость, въ крайности національнаго автономизма, забывающаго идеалы обще-человѣческаго братства и мироваго нравственнаго долга.

Многія внѣшнія черты возможно охранить опираясь лишь на внутренній человѣческій міръ, для котораго внѣшнія черты суть лишь мемуары и который является живымъ цѣни-

телемъ этихъ чертъ и связанныхъ съ ними внутреннихъ самодовлѣющихъ интересовъ. Выраженіе этихъ интересовъ внѣшними средствами воздвигло въ языкѣ и въ культурной общественной жизни памятники религіи, науки, литературы и искусства. Воспитать умъ, сердце и волю человѣка значитъ научить его при своихъ внутреннихъ мотиваціяхъ дѣлать быстрыя справки въ историческомъ, соціалфизическомъ и міровомъ словарѣ, какъ сводѣ мемуаровъ. Изучить на память этотъ великій словарь для человѣка невозможно, не перегружая своихъ душевныхъ силъ и памяти. Государство, какъ личность, оберегая эту книгу мемуаровъ литературными, графическими и другими культурными средствами, раздѣляетъ живое внутреннее пониманіе этихъ чертъ между своими учрежденіями и властями, научая личные ихъ составы методологическимъ пріемамъ справки для подлежащихъ мотиваціи.

Пятый принципъ: *примѣненіе статистики и моральностатистической развѣдки закономѣрностей явленій и расширяющи къ задачамъ государственной гносеологіи, активной статистической индукціи, соціальной техники и антроподинамики.* Въ современныхъ государствахъ съ ихъ многообразнымъ раздѣленіемъ мѣрныхъ автономій и функцій выясненіе условій гармоническаго равновѣсія и движенія частей составляетъ, какъ мы видѣли, основную задачу соціальна-го строительства. Эта задача, рѣшаемая при помощи высшихъ дедукцій и высшихъ индукцій, выполнима лишь тогда, когда государство воспользуется атропогеографическимъ и экономическимъ статистическимъ наблюденіемъ и антроподинамическою статистическою оцѣнкою въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Наблюденіе это совершается посредствомъ статистической и моральстатистической развѣдки то внѣшнихъ чертъ и экономическихъ интересовъ, то внутреннихъ настроеній, раскрываемыхъ обращеніемъ въ мірской совѣсти. Мысль и дѣйствія государства по преимуществу статистическія. Съ точки зрѣнія высшихъ государственныхъ инстанцій управляемые ими процессы представляются какъ массовыя явленія, и часто управленіе ими представляетъ собою активный статистическій

дедуктивно - индуктивный, ретроспективно - провиденціальный пріемъ—развѣдочный, контрольный, императивный, совѣщательный, просительный, наставительный, оцѣночный, судебный, а въ окончательномъ выводѣ психодинамическій и психомоторный. Взвѣшенное на точныхъ статистическихъ вѣсахъ моральной и физической силы слово Государя создаетъ благія гармоническія массовыя индукціонныя вліянія и закономѣрности.

Дедуктивно - индуктивный дѣятельно - познавательный процессъ собирательнаго сознанія государства течетъ по его личнымъ дифференціальнымъ частямъ волнами, лучами, приливами и отливами во всѣхъ направленіяхъ, шагъ за шагомъ и, между прочимъ, въ прямомъ и обратномъ направленіи отъ *центра* управленія государствомъ къ его *мѣстнымъ* частямъ и отъ мѣстныхъ частей къ центру. При этомъ движеніи дѣятельнаго познанія и сознательнаго дѣйствія не только *сила* дѣйствія, но и *зоркость* познавательнаго зрѣнія измѣняется отъ обстоятельствъ, завися и отъ «обратныхъ квадратовъ» разстояній, и отъ «проницаемости» среды для «силы» и для «глаза», и отъ собиранія и разсѣянія лучей мысли, знанія и дѣла соціальными «рефракторами» и «рефлекторами», и отъ миражей (мистификацій), возбуждаемыхъ «преломляемостью» обманчивой и лгущей среды, поддѣлывающей мірскую совѣсть и общественное мнѣніе. Научная этическая и моральариѳметическая гносеологія и ея точные методы и средства, *въ число которыхъ входитъ живое историческое авторитетное міросозерцаніе государства*, преодолѣваютъ эти препятствія, гуманно опредѣляя какъ божественные и аристолократическіе углы народной жизни, такъ и тьму невѣжества и суевѣрія и «вѣтры», которые дуютъ въ спутанныхъ головахъ и сердцахъ,и отыскивая гуманныя средства направить заблуждающіяся и отрицательныя личныя силы гормонически для служенія, Богу, Государю и Обществу, объединенному истинными нравственными принципами св. Церкви.

Государственныя, церковныя, академическія, земскія, городскія и многія общественныя, промышленныя, торговыя

и бытовыя учрежденія понимаютъ цѣну статистики и статистической развѣдки, какъ метода, а потому по своей иниціативѣ и для своего обихода ведутъ свое счетоводство и статистику, содержа для этой цѣли свои администраціи, канцеляріи и конторы и своихъ развѣдчиковъ - статистиковъ. Эти малыя и большія обсерваторіи точныхъ учетовъ закономѣрнаго хода вещей, если онѣ дѣйствуютъ честно и планомѣрно, а не въ кривь и не въ разбродъ, даютъ государственному центральному научному гносеологу-статистику почти готовый матеріалъ, требующій лишь повѣрки и объединяющаго критическаго синтеза, устраняющаго односторонности, являющіяся слѣдствіемъ субъективности и субъективныхъ интересовъ соотвѣтствующей спеціальной политической, общественной или бытовой автономіи, доставляющей матеріалъ.

Каждое государственное и публичное учрежденіе, исполняя на мѣстѣ свои благія спеціальныя функціи въ непосредственномъ соприкосновеніи съ дифференціальными частями государственнаго организма, можетъ въ то же время служить обсерваторіей для государственнаго статистическаго наблюденія, для точнаго изученія свойствъ и потребностей этихъ дифференціальныхъ частей.

Особыя живыя активно-индуктивныя статистическія изслѣдованія о положеніи вещей, объ обязательствахъ, желаніяхъ и ожиданіяхъ сторонъ дѣлаются посредствомъ свѣдущихъ, надежныхъ и дѣловыхъ опытныхъ людей, либо собираемыхъ для совѣщаній, либо опрашиваемыхъ и просимыхъ посредствомъ анкетъ и статистиковъ-счетчиковъ. Эти эмпирическія данныя взвѣшиваются на вѣсахъ живого авторитетнаго міросозерцанія, не допуская слѣпого поклоненія эмпирическимъ кумирамъ и числу—кумиру, но и не игнорируя этой соціалфизической эмпиріи и ея высшихъ индукцій, относящихся къ области мірской совѣсти. Прочная и въ то же время живая этическая свободосвязность государства и общества основана на соціальныхъ какъ бы «тріангуляціяхъ» и «полигонаціяхъ» конкретнаго коллективно міросозерцающаго организма, связующихъ соціалфизическое сооруженіе государства на

всей его волнообразной территоріи то индукціей, какъ активнымъ вліяніемъ (внушеніемъ), то индукціей, какъ пассивнымъ познавательнымъ процессомъ, поучительнымъ для образованнаго дѣятеля.

Сѣть всѣхъ обсерваторій, постоянныхъ, временныхъ и случайныхъ, покрывая государство, должна правильно и систематически по выработанному плану сообщать свои наблюденія въ центральныя познавательныя учрежденія государства, дающія возможность центральному статистику-гносеологу и суверенному сознанію черпать отсюда мѣру вещей и затѣмъ свои законодательные и другіе мотивы. Эта точная система изощреннаго познанія взаимодѣйствій органовъ государства съ его частями возможна, конечно, лишь при условіи поднятія точныхъ знаній среди выполняющихъ эти функціи лицъ и при хорошемъ состояніи средствъ прямого и обратнаго дѣятельно-познавательнаго общенія (взаимообщенія) центра съ мѣстными и дифференціальными элементами государства и, наоборотъ, отдѣльныхъ мѣстъ съ центромъ. Между прочимъ, большою аномаліей является то обстоятельство, что каѳедры статистики и моральной техники, пріуроченные къ юридическому факультету, отрѣшены отъ возможности хорошо ознакомлять статистиковъ и соціалтехниковъ съ математическими началами всеобщей логики и статистическаго метода. Неудовлетворительное состояніе статистическаго мышленія создаетъ особыхъ «статистиковъ» и «юристовъ», оказывающихъ плохія услуги государству и обществу.

Соціальныя зданія и учрежденія поддерживаются, совершенствуются и ниспровергаются не внѣшне формальными только выраженіями и не матеріально принудительными юридическими и полицейскими внѣшними только средствами, а и скрытыми въ людяхъ внутренними положительными и отрицательными тайниками. Есть тайна, правомѣрная и лукавая, и благодаря ея скрытому дѣйствію обращеніе къ мірской совѣсти даетъ различные результаты въ зависимости отъ формы обращенія Опытъ рѣшенія одного и того же вопроса мірскою совѣстью бываетъ иногда различенъ при открытомъ голосованіи и при

закрытой баллотировкѣ. Бываютъ и болѣе глубокіе тайники, не желающіе вовсе являть себя въ указанныхъ выше публичныхъ обсерваторіяхъ. Не можетъ ли мораль-статистикъ, служащій государству, проникать хотя отчасти въ эти тайники? Какъ этого достигнуть, не нарушая этическихъ требованій?

Моральстатистикъ, освобожденный отъ какихълибо функцій поощрять и преслѣдовать и обязанный быть вѣрнымъ лишь принципамъ точнаго научно-планомѣрнаго познанія общественной закономѣрности, можетъ, подобно наблюдательному художнику-писателю, стать въ благопріятныя условія для проникновенія въ глубины этихъ тайниковъ. Онъ не можетъ и не долженъ насильственно проникать въ эти тайники; но онъ долженъ искать случая ихъ изучать и не долженъ устраняться отъ изученія ихъ, если они добровольно предъ нимъ раскрываютъ себя и являютъ достаточныя документы правдивости своего свидѣтельства. Моральстатистикъ, подобно священнику и врачу, долженъ быть обязанъ профессіональною клятвой хранить довѣренную ему тайну, регистрируя моральныя наблюденія этого рода подъ скрытыми символами (шифрами) цѣлесообразнаго научнаго статистическаго словаря. Такое научно-практическое наблюденіе можетъ проникать въ важные углы моральнаго состоянія общества, куда нельзя проникнуть никакакимъ другимъ точнымъ путемъ, кромѣ писательско-художническаго, не дающаго однако коеффиціентовъ своихъ наблюденій. Этотъ путь научнаго познанія отдѣляетъ въ функціяхъ политическаго и общественнаго логоса жизнь и критику чистаго его сознанія, стремящагося познать вещи въ естественномъ состояніи, отъ жизни волнующаго и раздражающаго ощущенія, вызываемаго прикосновеніемъ страстей въ ихъ положительныхъ и отрицательныхъ явленіяхъ. Этотъ путь даетъ политическому логосу познать органическія средства (лѣкарства) къ предосторожностямъ, т. е. мотивъ для провиденціальнаго упорядоченія жизненныхъ нормъ взаимодѣйствія; но этотъ путь не даетъ почувствовать боли и волненія.

Само собою разумѣется, что вообще государственное статистическое наблюденіе должно принадлежать людямъ не только искуснымъ и просвѣщеннымъ, но и вѣрнымъ нравственному долгу и просвѣщенному суверенному началу, объединяющему организмъ государства своею интегральною волею. Право на общую статистическую развѣдку и на выводы отсюда синтетическихъ (по государству и его дифференціальнымъ частямъ) закономѣрностей принадлежитъ исключительно государству и безъ согласія не можетъ быть у него отчуждаемо. Отчужденіе это въ извѣстныхъ случаяхъ есть почти государственная измѣна, шпіонство, которое передастъ зоркость и прозорливость въ чужія руки, можетъ быть, враждебныя обществу и государству или стремящіяся такъ или иначе разрушить благотворную свободосвязность политической и общественной жизни государства.

Съ другой стороны, государство, не достаточно искусно организующее у себя моральстатистику и научно-гносеологическую часть, какъ средство сознательной мотивації правительственной дѣятельности, интегральной (центральной) и дифференціальной (мѣстной), одною этою дисгармоніей даетъ перевѣсъ антитехникѣ, направляемой противъ государствъ. Антитехника эта также изощрилась, угрожая государствамъ, запаздывающимъ или поверхностно оріентирующимся въ своихъ мѣропріятіяхъ. Поэтому государства нынѣ всюду вынуждены пользоваться всѣми средствами точныхъ знаній въ устроеніи политическаго и общественнаго быта. Приходится подражать германской государственной власти, которая взяла въ свои руки государственное страхованіе рабочихъ. Рѣшеніе этихъ проблемъ для государства возможно въ томъ лишь случаѣ, если оно обладаетъ развитою организаціей всесторонняго научнаго государственнаго познанія политическихъ и общественныхъ моральныхъ закономѣрностей, имѣя для этой цѣли самостоятельный гносеологическій государственный институтъ съ учеными при немъ служителями и наблюдателями.

Соціальная физика въ ея разныхъ частяхъ и развѣтвлені-

ихъ должна быть философско-математическою основою государственной моральгеодезіи (оцѣнки связности уровней и положеній), моральной статистики, гносеологіи, динамики и моральтехники.

Сложность понятій научной государственной статистики и статистической гносеологіи и динамики, какъ метода (азбуки) прикладной политической науки, обусловливается тѣмъ, что этотъ методъ имѣетъ въ виду широкую антропологическую проблему, слагающуюся изъ множества задачъ, рѣшаемыхъ по правиламъ высшей индукціи изъ разсмотрѣнія массовыхъ частныхъ явленій и условій человѣческой жизни и частныхъ интересовъ. Статистика эта затрогиваетъ понятія о семьѣ, родѣ, племени, народѣ, націи и ихъ духовныхъ настроеніяхъ и экономическихъ интересахъ. Сложность метода и средствъ рѣшенія упомянутыхъ сейчасъ научнопрактическихъ задачъ характеризуемъ высказанными въ журналѣ профессора *А. Вязигина* словами *М. Павловскаго* *).

«Вліяніе націонализма чувствуется теперь вездѣ: въ Европѣ, Азіи, Америкѣ. О немъ повсюду пишутъ и говорятъ, поэтому вполнѣ естественно остановиться надъ вопросами, что такое нація, народъ, чѣмъ первая отличается отъ послѣдняго и т. д.

«Эти вопросы—дѣло не какой-нибудь узкой спеціальности и частнаго интереса, вовсе нѣтъ, они касаются области народовѣдѣнія, народной статистики, такъ называемой антропогеографіи. Мало этого, политическая экономія, соціологія, наука права не только не чужды затронутыхъ нами вопросовъ, но, напротивъ, очень тѣсно съ ними связаны. Съ тѣхъ поръ какъ историческая школа Савиньи-Пухта разъяснила значеніе соціальнаго явленія, называемаго народомъ, національный принципъ пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе въ особенности въ ученіи о суверенитетѣ народа. Однако съ прогрессивнымъ ростомъ значенія національнаго принципа возникаютъ и большія теоретическія затрудненія,

*) *М. Павловскаго:* „Замѣтки націоналиста“. (Мирный Трудъ, № 6 за 1904 г. Харьковъ).

изъ которыхъ вовсе не такъ просто выбраться, какъ это нѣкоторые утверждаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, если во времена блаженной памяти Шмольца, Клюбера, Мауренбрехера ученые довольствовались опредѣленіями понятій о народѣ и государствѣ, народѣ и правительствѣ, народѣ и подданныхъ, то теперь требуютъ опредѣленія такихъ понятій, какъ понятіе о націи и національности, народѣ и народности, народѣ и племени. Въ настоящее время ищутъ моментъ, въ который осуществляется наличность условій, требуемыхъ для того, чтобы племя, переставши быть таковымъ, сдѣлалось націей или народомъ.

«Теперь желаютъ знать, когда племя или народъ получаетъ право предъявлять «національныя» претензіи, и добиваются разъясненія и опредѣленія сущности происшедшихъ тогда перемѣнъ. Въ самомъ дѣлѣ, что произошло съ такого рода племенемъ? Превратилось ли оно въ народъ, націю и т. д.? Не только этнографія, статистика, но и другія науки живо интересуются этими вопросами, рѣшить которые такъ или иначе является настоятельной необходимостью.

«Чтобы показать, какія затрудненія могутъ возникать при различеніи населенія по національностямъ, возьмемъ, напр. населеніе Восточной Пруссіи и Познани, состоящее изъ нѣмцевъ, поляковъ и евреевъ. Считать ли ихъ за нѣмцевъ или за отдѣльныя національности и чѣмъ руководствоваться при такого рода дѣленіи? Съ другой стороны, если считать нѣмцевъ и поляковъ за основныя группы населенія, то къ какой изъ этихъ группъ отнести евреевъ?..

«Вѣдь нельзя же упускать изъ виду соображенія, что евреи обладаютъ такою совокупностью національныхъ особенностей, которая не даетъ возможности рѣшить окончательно, куда причислить ихъ. Вслѣдствіе такихъ соображеній получился интересный фактъ: въ Галиціи евреи причисляются къ полякамъ, а германскіе статистики разсматриваютъ ихъ подъ угломъ особой національности, живущей при нѣмцахъ.

«Послѣдняго мнѣнія придерживается оффиціальная статистика многихъ европейскихъ государствъ. Однако и при та-

комъ взглядѣ на дѣло, все-таки являются разныя сомнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ быть съ евреями, живущими внѣ польской области германской имперіи, напр., съ евреями Парижа, Лондона, Гамбурга, Страсбурга, Амстердама, считать ли ихъ также особой національностью или приложить тогда иную точку зрѣнія?

«Совершенно аналогичныя сомнѣнія являются по поводу національности швейцарцевъ, голландцевъ, фризовъ и т. д.

«Довольно трудно разобраться, почему, какъ этого требуютъ нѣкоторые статистики, жители Берна, Цюриха и т. д. должны считаться швейцарцами, а не нѣмцами, почему жители Женевы и Невшателя не должны быть причисляемы къ французамъ, такъ же какъ населеніе по равнинѣ между Тичино и Маджіоре, по соображеніямъ этихъ статистиковъ, должно считаться швейцарцами (въ смыслѣ національности), а не итальянцами.

«Обратимся къ населенію Европейскаго Востока, а именно къ славянамъ Восточной Венгріи, Балканскаго полуострова. Здѣсь разобраться еще труднѣе, а между тѣмъ эти вопросы— практическаго значенія, политическій смыслъ которыхъ едва ли можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію. Особенно для насъ, русскихъ людей, весьма важно точно установить, считать ли Болгаръ и Кроатовъ за особую національность, или нѣтъ. Далѣе:—Словаки, Чехи, Рутены, Руссы, отдѣльныя ли націи или, какъ говорятъ панслависты; всѣ эти народы — члены одной великой славянской націи?

«Такимъ образомъ уже изъ этихъ примѣровъ видно, что для статистики далеко не безразлично, какъ смотрѣть на тотъ или другой народъ, считать ли его націей, или нѣтъ. Едва ли нужно говорить, что критеріемъ того или другого рѣшенія должно быть точное и ясное представленіе о народѣ, націи, чего, къ сожалѣнію, нѣтъ не только у публики, но очень часто и у людей, считающихся профессіональными учеными.

«Въ такомъ же положеніи находится затронутый нами вопросъ и въ политической экономіи. Теперь политико-экономы уже понимаютъ, что не совсѣмъ удобно говорить о народ-

номъ, національномъ хозяйствахъ, не зная точно, что такое народъ и нація. Послѣднее обстоятельство не совсѣмъ ясно русскому читателю, такъ какъ экономическая терминологія въ русскомъ языкѣ нѣсколько скрываетъ подъ общимъ названіемъ «политической экономіи» то, что, напр., у нѣмцевъ называется Volkwirtschaft, Nationalökonomie и т. п. Въ русской терминологіи недостаточно выработано различіе между понятіями «національный» и «народный», а между тѣмъ большая разница между понятіями, напр., «народнаго банка» и «національнаго банка». Нельзя не замѣтить, что даже на первый взглядъ въ словахъ національный и народный заключается особый оттѣнокъ, который сплошь и рядомъ упускается изъ виду. Далеко не одно и то же «народный» и «національный» театръ, журналъ, библіотека. Употребленіе того или другого слова вызывается совершенно различными соображеніями. Когда мы имѣемъ въ виду культурное единство, мы говоримъ о націи, если же нами выдвигается на первый планъ политическое единство, то мы употребляемъ слово народъ. Въ самомъ дѣлѣ возьмемъ, напр., евреевъ. Не имѣя своего отдѣльнаго государства они не представляютъ политическаго единства и потому употребленіе слова народъ по отношенію къ нынѣшнимъ евреямъ можно признать вполнѣ не научнымъ. Однако, тѣ же евреи, несмотря на свою разбросанность, связаны многочисленными культурными началами и потому образуютъ націю. Впрочемъ, какъ вполнѣ основательно доказали Mamiani и Mancini еще помимо культурныхъ узъ, для признанія національности чрезвычайно важно *сознаніе* въ соціальной группѣ принадлежности къ той или другой національности. Въ этомъ отношеніи наша исторія служитъ весьма поучительнымъ примѣромъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ X и XI вѣкахъ, мы видимъ, помимо яснаго пониманія родства съ чехами, ляхами и другими «единаго корня» народами, что среди славянъ, обитавшихъ на югѣ нынѣшней Россіи, а впослѣдствіи и на сѣверѣ, жило сознаніе общаго культурнаго единства, выразившееся не только въ законодательныхъ памятникахъ (Русская Правда), но и

въ чисто литературныхъ. «Русь», «Русская Земля» эти два термина были тѣмъ стягомъ, вокругъ котораго сложилось на основаніи культурнаго единства и русское политическое единство. Уже въ XIV-мъ столѣтіи московскіе великіе князья называютъ себя правителями «всея Руси», и затѣмъ шагъ за шагомъ, вслѣдствіе сознанной національной потребности, сложилось политическое единство уже не идеальной, а реальной «всея Руси».

«Итакъ, возвращаясь къ основному вопросу, мы видимъ, что далеко не безразлично для цѣлаго ряда наукъ точное пониманіе такихъ соціальныхъ явленій какъ народъ и нація».

Не входя въ разсмотрѣніе по существу затронутыхъ здѣсь вопросовъ, замѣтимъ вообще, что рѣшеніе этихъ и имъ подобныхъ вопросовъ требуетъ живой логики (академической и политической). Оно зависитъ отчасти отъ самодовлѣющихъ академическихъ *условныхъ* и *программныхъ* научныхъ координативныхъ логическихъ и теоретическихъ опредѣленій (подобныхъ выбору геометра между эвклидовой и неэвклидовой системой), частію же отъ установленныхъ исторіей, нравами и политикой, поддерживаемыхъ соціальною памятью, соціальною волею, соціалфизическими и физическими признаками внѣшнихъ и фактическихъ чертъ.

Изученіе этихъ опредѣленій и чертъ, имѣющихъ иногда характеръ юридическихъ нормъ международнаго и внутренняго права, зависитъ отъ того, какимъ рефракторомъ (средствомъ мѣрить и взвѣшивать) вооруженъ гносеологъ-мѣритель при изслѣдованіи свойствъ разсматриваемыхъ имъ звѣздъ соціалфизическаго неба. Дешевымъ рефракторомъ можно разглядѣть лишь крупныя черты, а сильнымъ рефракторомъ можно видѣть мельчайшія подробности. Соціалфизики, какъ и астрономы, могутъ при условіи планомѣрности систематическаго наблюденія пользоваться дешевыми, какъ и дорогими измѣрительными средствами. Въ этихъ различіяхъ оцѣнокъ и выводовъ научной государственной статистики и гносеологіи нѣтъ коренного противорѣчія. Государство, какъ мѣритель, можетъ съ успѣхомъ и пользою комбинировать и дешевыя точныя

оцѣнки, и дорогія, лишь бы онѣ были планомѣрными (программными) и возможно-точными (не имѣющими не только поддѣлокъ, но и небрежностей). Само собою разумѣется, что полнота познанія требуетъ очень детальныхъ различій, приводящихъ къ разнообразію терминовъ и классификацій. Эти различія приходится усваивать въ соотвѣтствующихъ наблюденіяхъ и приложеніяхъ. Подобное подавляющее разнообразіе изучается въ біофизикѣ, въ бактеріологіи и т. д., и однако оно преодолѣвается спеціалистами и примѣняется техниками врачебнаго дѣла и біологическихъ культуръ къ рѣшенію ихъ практическихъ проблемъ.

Въ государственную статистику и гносеологію входятъ не только антропогеографія и политическая географія и экономія, но и антроподинамика, т.-е. статистическое живое психомоторное *вліяніе* государства на *будущее*, — вліяніе *провиденціальное*, совершаемое активною индукціей (педагогическимъ и политическимъ воспитаніемъ, внушеніемъ, распредѣленіемъ личныхъ сихъ по оцѣнкѣ) и попечительною силовою поддержкою (активнымъ страхованіемъ) людскихъ токовъ, отбираемыхъ и направляемыхъ на профессіи и промыслы и встрѣчающихъ на пути разные виды внутренней и международной конкуренціи и разныхъ истребителей живыхъ личныхъ силъ Это возращеніе, а затѣмъ помѣщеніе въ дѣло и активное страхованіе жизненныхъ силъ соединяются съ особою государственною оцѣнкою, подборомъ и распредѣленіемъ личныхъ силъ на всѣ поприща и сферы жизни государства и общества. Въ эти функціи государственной статистики входитъ владѣть особымъ личнымъ составомъ судей, особымъ родомъ учительства и людей практики и техники, организованнымъ для того, чтобы производить личныя оцѣнки и, между прочимъ, государственный экзаменъ, провиденціально оцѣнивающій особыми коеффиціентами довѣрія и правами на разныхъ ступеняхъ и въ разныхъ спеціальныхъ плоскостяхъ годность людей для службъ, промысловъ и профессій. Государство исполняетъ эту функцію во всѣхъ сферахъ, гдѣ нужно мыслемѣрное организованное свободосвязное взаимодѣйствіе

между государствомъ и обществомъ. Литература для подготовки къ экзаменамъ, школы и всѣ образовательныя средства, съ одной стороны, и, съ другой стороны, рынокъ дѣятельности и труда находятся подъ учетомъ и вліяніемъ этой статистики, тѣсно связываемой съ государственными программами и требованіями на испытаніяхъ и съ антроподинамическими и экономическими задачами государства и общества (въ области профессій, промысловъ и всѣхъ вообще практическихъ успѣховъ).

Плохая система этихъ провиденціальныхъ оцѣнокъ и вліяній (подобная системѣ «дипломовъ», дающихъ привиллегіи, несоотвѣтствующія способностямъ и достоинствамъ лицъ) способна ложными коеффиціентами довѣрія и несоотвѣтствующими привиллегіями спутать живыя духовныя и матеріальныя средства страны, статистически и динамически направляя силы не къ надлежащимъ цѣлямъ, уменьшая въ вышеуказанной (n^0 25) четырехчленной этической классификаціи людей положительныя группы (первую и вторую) и увеличивая третью группу (агностиковъ и неправомочныхъ) и четвертую (отрицательную) группу. Напротивъ, хорошая всесторонняя цѣлесообразная система организованныхъ государственныхъ и общественныхъ провиденціальныхъ личныхъ оцѣнокъ, связанная, между прочимъ, съ опредѣляемыми по заслугамъ, способностямъ и достоинствомъ коеффиціентами довѣрія и соотвѣтствующими правами, дипломами, компетентными рекомендаціями и другими средствами цѣлесообразнаго покровительства и отбора, можетъ оказывать благотворнѣйшее вліяніе, съ одной стороны, на высоту уровня знаній и умѣній, а съ другой стороны, на успѣхи профессій и дѣлъ и на благосостояніе общества. Живая программная система эта бываетъ приспособлена къ дифференціальнымъ тактическимъ и гармоническимъ компенсаціямъ въ познаніяхъ (къ особому соотвѣтствію и такту, вытекающему изъ духа раздѣленія и спеціализаціи задачъ, цѣлей и функцій) и можетъ цѣнить высоко и тѣхъ, кто разумно владѣетъ перомъ, и тѣхъ, кто изощрился выражать свою мысль и волю другими инструментами, которые играютъ роль

въ техническомъ и соціалтехническомъ процессѣ и въ употребленіи которыхъ есть своя соціалграмматика, содержащая трудности, развивающія умъ, сердце и волю. Эти дифференціальныя тактическія оцѣнки позволяютъ сознательно учитывать и правильно помѣщать въ общественное благое дѣло всѣ личныя силы. Люди нужны во всѣхъ плоскостяхъ дѣловаго координированнаго соціальнаго движенія, для котораго нужны и точныя провиденціальныя расцѣнки, чтобы не спутывать дѣлъ и ихъ качествъ и активно застраховать дѣловой процессъ и живые людскіе интересы отъ разложенія, дисгармоніи и упадка. Эта путаница на руку царству хаоса, и странно слышать возраженія (идущія иногда отъ образованныхъ людей) противъ необходимости широкаго развитія правильной дифференціальной провиденціальной оцѣнки людей. Нельзя возставать противъ важнаго значенія, напримѣръ, дипломовъ, какъ знаковъ компетентной практической и академической рекомендаціи и оцѣнки; но нужно помнить, что бываютъ дипломы и «дипломы», оцѣнки и «оцѣнки», отборъ и «отборъ».

Задача экзамена, провиденціальной личной оцѣнки и отбора, связываемая съ практическими антропо-динамическими функціями соціальной жизни, по преимуществу принадлежитъ государству, какъ особая важная судебная (мыслемѣрная) политикообщественная координирующая попечительно—страховая динамическая функція, въ которой оцѣниваемое дѣяніе человѣка дано въ большей или меньшей способности и возможности участія оцѣниваемаго въ созиданіи личнаго и общественнаго блага и принадлежитъ будущему, а не прошедшему (какъ въ обыкновенномъ ретроспективномъ судѣ, оцѣнивающемъ вину).

Въ цѣляхъ изощренія этой особой антропо-динамической провиденціально-судебной функціи полезно ея отдѣленіе отъ прочихъ функцій и, между прочимъ, полезно *отдѣленіе государственной экзаменной оцѣнки и связаннаго съ нею личнаго отбора отъ школьно-воспитательной функціи и оцѣнки*. Это раздѣленіе при условіи гармоничности способно изощрить

постановку обѣихъ функцій, т.-е. какъ государственной экзаменаціонной оцѣнки лицъ и ихъ отбора, такъ и школьно-воспитательной. Въ первой функціи государство, какъ показалъ опытъ Англіи, Франціи, Германіи и другихъ странъ, можетъ проявлять свою статистическо-динамическую расцѣнку съ особенною пользою для общаго направленія, повышенія и поощренія трудоспособности и дѣловитости цѣлой націи въ области профессій, косвенно вліяя на вторую функцію.

Въ исполненіи второй функціи государство заинтересовано вліять на подготовку учительскаго состава и на высоту требованій отъ высшей нормальной школы, вырабатывающей верхній слой личнаго состава церковной, академической и государственной мудрости. Что же касается остальныхъ школъ, то государство должно въ мѣру возможности направлять и контролировать школьный процессъ, не спускаясь однако до пеленокъ школьнаго дѣла, до такихъ дифференціальныхъ частей этого процесса, которыя правильнѣе отдать особой семейной, учительской и политикообщественной автономіи, нормируемой программностью и законодательствомъ, а также участіемъ въ назначеніи учительскаго состава и кассаціонною гарантіей правильности рѣшеній, обезпечиваемою при помощи просвѣщеннѣйшихъ судей учебной іерархіи и надежнѣйшей аристологократической части общества. Ниже мы болѣе подробно характеризуемъ статистическое управленіе школьнымъ многообразіемъ и ту *нормальную* школьную группу, которую государство должно твердо укрѣпить для поддержанія высшаго культурнаго слоя, для питанія его смѣняющимся въ поколѣніяхъ личнымъ составомъ, поднятымъ на высшія ступени учительства, профессорства, мастерства, священства и государственной мудрости и вліяющимъ изъ воплощенной области чистаго сознанія и его опыта и дѣла на всѣ остальныя функціи, слои и уровни соціальной жизни.

Повторимъ опять мысль о необычайной сложности гносеологическо-динамическо-статистическаго процесса, которымъ истинно раціональное и истинно гуманное государство поддерживаетъ въ своихъ дѣятельно-познавательныхъ функціяхъ

и въ своемъ политическомъ логосѣ аристологократическую основу государственной и общественной жизни, достаточную для индукціоннаго просола ею всего зданія соціальнаго организма, опирающуюся на этическую классификацію людей и на ихъ расцѣнку для многообразныхъ объединенныхъ плоскостей соціальнаго зданія и провиденціально направляющую попечительностраховымъ вліяніемъ массовое явленіе государственной и общественной жизни. Побѣжденіе этой сложности настолько трудно даже и для мощныхъ силъ государства, что фатализмъ невольно прорывается въ функціи государственнаго и общественнаго процесса, выражаясь не только въ слѣпыхъ протестахъ противъ правомочной отеческой опеки государства со стороны анархической и революціонной темноты, но и въ правомѣрныхъ возраженіяхъ со стороны образованныхъ либеральныхъ государствовѣдовъ, требующихъ во имя отвлеченнаго идеализма и пассивнаго гуманизма, чтобы государство освободило враговъ отъ всякаго страха и друзей отъ всякаго активнаго застрахованія. Всѣ государства отдаютъ дань тьму или другому фатализму, изъ котораго выходъ въ рукахъ высшаго Промысла, — и чѣмъ государство обширнѣе, тѣмъ труднѣе избѣжать этой фатальности безъ Божіей помощи и безъ благихъ усилій всѣхъ правовѣрныхъ автономій.

Нелѣпа вѣра, что та или другая декадентская партія («либеральная», или «консервативная», или «революціонная»), жадно стремящаяся къ власти и расточающая декадентскія обѣщанія сдѣлаться посредствомъ своихъ волшебныхъ принциповъ – кумировъ и фактовъ—мистификацій спасителемъ общества отъ соціальныхъ дисгармоній и противорѣчій, можетъ оправдать свои самонадѣянныя и обольщающія обѣщанія, если бы этой партіи удалось захватить сверхдолжное въ сферѣ власти.

Наименьшая дань фатализму отдается государствами, у которыхъ есть: 1) трудоспособное, дѣловое, разумное и сердечное населеніе, авторитетно дисциплинированное въ своихъ функціяхъ, правахъ и долгѣ, и 2) благодатная, исторически прирожденная самодержавная воля, усиленно стремящаяся

собрать силы государства воедино, чтобы осуществить солидарными усиліями и всѣми явными, истинно гуманными и раціональными средствами велѣнія живой нравственной Истины, которая просвѣщаетъ всѣхъ и обнимаетъ всѣ общія и спеціальныя благія конституціи человѣческаго рода.

Шестой принципъ: *организація народнаго образованія и статистическое управленіе имъ*. Принципъ этотъ особенно близокъ къ міросозерцанію и къ дѣятельности основателей Московскаго Математическаго Общества. Мы разсмотримъ многообразія, обнимающія этотъ принципъ, особо (см. п^0 30).

Седьмой принципъ: *благая свобода совѣсти и мысли*. Этотъ принципъ имѣетъ въ виду политическую автономію Церкви, Академіи и различныхъ религіозныхъ и академическихъ организацій съ ихъ спеціальными просвѣтительными отправленіями въ области религіознаго культа и академическихъ правовъ, въ области разработки теоретическихъ и практическихъ знаній и распространенія просвѣщенія и высшаго образованія посредствомъ нравственно-критической школы (по всѣмъ отраслямъ философіи, религіи, науки и техники) и, наконецъ, въ области распространенія простого просвѣщенія, образованія и промышленно—профессіональныхъ знаній и умѣній (посредствомъ простой, нравственно-здравомысленной школы, ведущей въ широкихъ размѣрахъ народообразовательное дѣло). Эти общественныя культурныя организаціи съ ихъ священствомъ, учительствомъ и писательствомъ нуждаются для отправленія своихъ просвѣтительныхъ функцій въ особой спеціальной политической автономіи, правильная свобода которой составляетъ моральный фундаментъ культурнаго государства. Государство, имѣя по своимъ убѣжденіямъ господствующую церковь и тѣ или другія господствующія научно-практическія нормы, относится къ разномысленнымъ религіознымъ и академическимъ убѣжденіямъ съ благою вѣротерпимостью. Это разномысліе есть правомѣрное зло, которое принадлежитъ царству закона, сферѣ благотворной свободы и которое въ общемъ міровомъ процессѣ обращается въ благо. Правильно организованная сво-

бода совѣсти и мысли есть одно изъ величайшихъ благъ цивилизаціи.

Нужно отличать эту благотворную организованную свободу отъ хаотической свободы совѣсти и мысли и отъ организованной свободы скоповъ помраченной совѣсти, захваченныхъ царствомъ лжи, лицемѣрія, коварства, обмана, разврата и заблужденія. Здѣсь скрывается особенный рискъ для общественнаго благополучія, истекающій изъ отрицательнаго полюса свободосвязной организованности. Іерархическій строй организаціи священства и учительства, отсѣкающій судомъ своей автономной совѣсти лживыхъ дѣятелей, въ силу своихъ благихъ принциповъ отчасти гарантируетъ возможность политическаго довѣрія къ различнымъ организаціямъ истинной свободы совѣсти и мысли. Политическою гарантіей противъ возможныхъ злоупотребленій свободою совѣсти и мысли служатъ открытыя (гласныя) вѣроисповѣдныя и наукоисповѣдныя нормы, допущенныя къ обращенію среди соотвѣтствующихъ организованныхъ частей государства и котролируемыя по закону соотвѣтствующими политикообщественными органами и судомъ.

Восьмой принципъ: *судъ и возмездіе*. Мы разумѣемъ здѣсь судъ въ спеціальномъ смыслѣ, оцѣнивающій поступки и положеніе лицъ, вышедшихъ изъ границъ своего права и переступившихъ законъ. Этотъ судъ ретроспективный, составляющій главную спеціальность юриста. Гдѣ бездѣйствуетъ этотъ судъ, тамъ дѣйствуетъ открытое кулачное право, открытое насиліе. Но хуже кулачнаго права и открытаго насилія судъ неправомѣрный, лицемѣрный и лукавый, дѣйствующій вопреки всякому праву хитрымъ изворотомъ, покровительствуя обману, подкупу, насилію изъ-за угла, за которымъ скрывается царство лжи. Не повторяя того, что сказано было выше объ основаніяхъ и цѣляхъ судебной репрессіи (суда и возмездія), присоединимъ, что принципъ органической связности политическихъ и бытовыхъ автономій требуетъ, чтобы важнѣйшіе частные интересы въ первой инстанціи разсматривались судомъ, имѣющимъ политико-общественную организацію, кромѣ исключеній, вызываемыхъ особымъ положеніемъ.

Соціальная архитектоника должна покрыть благоустроенное общество сѣтью такихъ учрежденій, которыя дѣлали бы по возможности общедоступнымъ удовлетвореніе потребности скораго, правомѣрнаго и справедливаго суда и рѣшенія, возстановляющаго попранные интересы и нарушенное законное равновѣсіе.

Судъ присяжныхъ основанъ на вѣрномъ теоретическомъ принципѣ, и недостатки его зависятъ отъ практической несогласованности его съ условіями общественнаго быта. Грубыя противорѣчія рѣшеній суда присяжныхъ съ интересами того общества, членамъ котораго преступникъ наноситъ ущербъ, можно ослабить не только кассаціей и апелляціей (при содѣйствіи судей и лицъ съ повышеннымъ коеффиціентомъ довѣрія), но и приведеніемъ состава присяжныхъ въ лучшее соотвѣтствіе съ дифференцировкою соціальной жизни. Русскій судъ присяжныхъ не всегда есть судъ *той* общественной среды, гдѣ преступленіе совершено; чаще онъ есть судъ пришлецовъ изъ другой общественной среды, чуждыхъ данной средѣ по своему чувству мѣры. Этому индифферентному пришлецу приходится дать коеффиціентъ довѣрія не выше и ниже $^1/_2$, такъ какъ ему въ чуждой для него плоскости сужденія (какъ бы при закрытыхъ глазахъ) бываетъ свойствененъ то поверхностный взглядъ, то платоническій идеализмъ, то пассивный гуманизмъ, а не идеалъ-реализмъ и не истинный (активный) гуманизмъ.

Судъ присяжныхъ нужно приблизить къ соотвѣтствующимъ дифференціальнымъ частямъ общества и, если требуютъ экономическія соображенія, удешевить его уменьшеніемъ числа присяжныхъ и упрощеніемъ формальныхъ нагроможденій.

Важнѣйшій залогъ улучшенія функцій общихъ судебныхъ учрежденій лежитъ въ личномъ составѣ судебной магистратуры и адвокатуры. Должно вполнѣ присоединиться къ тѣмъ истинно просвѣщеннымъ юристамъ, которые настаиваютъ на этическомъ характерѣ всѣхъ судебныхъ функцій и признаютъ за юридическій софизмъ утвержденіе, что, будто-бы, этическія начала права «слишкомъ неопредѣленны, не имѣютъ

юридической строгости» [1]). Напротивъ, этическія основанія строги и даютъ геометрическій критерій, чтобы мысленно различать моральные уровни лицъ юридической службы, относя софистовъ юриспруденціи, отвлекающихъ юридическое сужденіе отъ этическихъ началъ, въ уровень наиболѣе безпринципныхъ людей (лицемѣровъ, макіавелистовъ, іезуитовъ, масоновъ, анархистовъ, презрѣнныхъ союзниковъ царства лжи и хаоса), умъ и воля которыхъ совершенно не развили координированныхъ и детерминированныхъ началъ и мѣрилъ въ дисциплинахъ своего мышленія и сознанія. Эта безпринципность цѣнится ниже поклоненія этическимъ принципамъ-кумирамъ, въ которыхъ есть хотя и искаженное, но точно детерминированное отраженіе солнца правды, являющагося нравственною основою права. Безъ этой этической детерминаціи не можетъ быть никакого права и можетъ быть лишь изощренный аморальною техникою *звѣриный* образъ соціальныхъ взаимоотношеній и взаимодѣйствій. Публичный судъ тогда только и цѣненъ, когда прежде всего самый личный составъ суда построенъ на взвѣшенныхъ разумно этическихъ началахъ строгаго подбора.

Безпринципное и казуистическое пониманіе права, отвлекшееся отъ стремленія осуществлять въ правѣ и въ регулируемой имъ жизни истинныя этическія начала, создаетъ бездну между правомъ и жизнію, развращая и расшатывая ея нравственные устои. Проведеніе же въ народную жизнь истиннаго права, основаннаго на этическихъ началахъ, кои вложены какъ въ духъ законодательства, такъ и въ совѣсть людей, укрѣпляетъ устои народной жизни. Твердость въ этико-юридическихъ принципахъ лицъ, призванныхъ судить, является однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ воспитанія тѣхъ частей народа, которыя по чему либо приблизились къ упадку и моральному вырожденію и для которыхъ правильная ретроспективно-судебная репрессія, напоминающая не о правѣ, а о долгѣ, можетъ быть, остается послѣднимъ якоремъ спасенія.

---

[1]) См. гл. III вышеуказанной книги проф. *Л. Е. Владимірова.*

Этическія вліянія судебной службы и твердая судебная репрессія необходимы и полезны, какъ воспитывающее средство въ областяхъ грубыхъ и дикихъ моральныхъ автономій, для которыхъ необузданный порывъ темперамента, нарушающій элементарныя требованія долга, является обычнымъ, заурядным дѣломъ (и такихъ областей еще такъ много въ трущобахъ и подонкахъ большихъ городовъ и въ захолустьяхъ культурныхъ государствъ!). Здѣсь много этической работы для честнаго юриста, который долженъ стремиться къ *активному* (основанному на моральномъ дѣйствіи) умиротворенію столкновеній, вытекающихъ изъ невѣжественныхъ и грубыхъ правовъ, и идти рука объ руку съ священникомъ и учителемъ.

Математическія изслѣдованія о вѣроятностяхъ свидѣтельствъ и коллективныхъ судебныхъ рѣшеніяхъ, лишь некатегорически помогая судебной процедурѣ въ отдѣльныхъ процессахъ и освѣщая, между прочимъ, юридически и математически образованному суду планъ примѣненія кассаціонныхъ гарантій, даютъ моральариѳметическія схемы, которыя въ области судебной практики пригодны къ тому, чтобы служить для моральстатистическаго наблюденія и для вывода статистическихъ оцѣнокъ и закономѣрностей. Эти наблюденія и вычисленія, основанныя на высшей дедукціи и высшей индукціи, могутъ служить не только для изслѣдованія распространенія преступности среди общества, но и для расцѣнки противорѣчій въ судебныхъ рѣшеніяхъ, каковая расцѣнка способна давать мотивы для дальнѣйшей реформы моральнаго зданія судебныхъ учрежденій. Такъ, отправленіе судебныхъ процессовъ съ присяжными засѣдателями, рѣзко отдѣляя въ однихъ и тѣхъ же дѣлахъ мнѣнія предварительныхъ слѣдствій отъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей, даетъ возможность посредствомъ ряда статистическихъ данныхъ изслѣдовать характеръ совмѣстныхъ противорѣчій тѣхъ и другихъ сужденій, а именно: 1) мнѣній предварительныхъ слѣдствій и 2) приговоровъ присяжныхъ [1]). Вы-

[1]) Въ трудахъ *Пуассона* и въ теоріи вѣроятностей *В. Я. Буняковскаго* указаны методы изслѣдованій этого рода.

водъ этотъ, хотя и некатегорическій, цѣненъ для государственной гносеологіи и для мотиваціи судебныхъ реформъ.

Статистическая характеристика функцій суда присяжныхъ была бы еще полнѣе, если бы по каждому процессу было возможно прослѣдить всѣ совпадающія противорѣчія и согласія въ рѣшеніи каждаго судебнаго тезиса различными независимыми сторонами, дающими свой взглядъ на дѣло. Такая статистическая регистрація должна заносить слѣдующіе отзывы: 1) отзывъ предварительнаго слѣдствія, 2) отзывъ состязающейся на судѣ присяжной адвокатуры, 3) отзывъ на судѣ обвинителя, 4) приговоръ присяжныхъ засѣдателей (съ указаніемъ численнаго большинства и меньшинства, какъ общимъ итогомъ, такъ и съ дифференцировкою большинства и меньшинства по соціальному положенію присяжныхъ, при чемъ эта тайна голосованія открывается лишь присяжному моральстатическому учрежденію съ примѣненіемъ статистическаго шифра), 5) мнѣніе присутствующаго состава суда, налагающаго взысканіе, 6) рѣшенія высшихъ инстанцій (судебной палаты и сената), если дѣло прошло и эти стадіи. Говоря о теоретической возможности статистическихъ оцѣнокъ ативной судебной индукціи, весьма важныхъ для характеристики судебныхъ учрежденій и приносимыхъ ими для общества благъ, мы должны сказать, что наблюденій нѣкоторыхъ изъ этихъ противорѣчій не найдется въ издаваемыхъ статистическихъ матеріалахъ судебнаго вѣдомства, такъ какъ принятая этими изданіями схема регистраціи не вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ математическаго статистическаго метода.

Девятый принципъ: *мѣрная свобода печати.* Публицистика (пресса, печать) должна служить цѣлямъ благотворнаго объединенія государства и общества. Служа соціалтехническимъ средствомъ для интеллектуальнаго обмѣна, она находится въ сферѣ всеобщаго этическаго раздвоенія. Положительная публицистика возбуждаетъ положительныя соціальныя наведенія (психоиндукціи): она точно знакомитъ государство и общество съ положительными и отрицательными совершившимися явленіями, относящимися къ области публичнаго (политическаго и

общественнаго) интереса, добросовѣстно оцѣниваетъ естественныя противорѣчія жизни, пользуясь истинными этико-соціальными мѣрилами и мѣрными сужденіями, будитъ общество по поводу тревожныхъ ожидаемыхъ явленій, предвидимыхъ на основаніи симптомовъ и знаменій времени, предвѣщающихъ бури и грозы, и разоблачаетъ фальшивыя тревоги, козни и мистификаціи.

По отношенію къ отправленію властями своихъ политико-общественныхъ функцій публицистика имѣетъ право переходить въ законную оппозизію. Хорошая, синтетически обоснованная оппозиція прессы для задѣтой ею спеціальной власти можетъ показаться зломъ; но этому злу не слѣдуетъ противиться, такъ какъ оно, принадлежа царству закона, обращается въ общемъ ко благу общества и государства.

Отрицательная публицистика принадлежитъ области лжи и беззаконія и заслуживаетъ рѣшительнаго, правомочнаго, осмотрительнаго преслѣдованія. Она нелегально и quasi—легально пользуется естественными противорѣчіями жизни и разными кумирами, чтобы сообразно своей тенденціи создавать то пессимическія, то оптимическія иллюзіи, то ложныя довѣрія, то ложныя недовѣрія, служа соціальной мистификаціи, ослѣпленію общества, направляя его страсти подъ флагомъ благихъ намѣреній къ злѣйшему злу и затѣмъ умывая руки. Эти плевелы прячутся за пшеницу, и тактическое искусство судьи по дѣламъ печати должно быть очень велико, чтобы не давать разрастаться плевеламъ и чтобы съ плевелами не выбрасывать пшеницу (какъ это дѣлывала близорукая цензура).

Важная роль каѳедры публициста ставитъ государству задачу о лучшей подготовкѣ и организаціи дѣятелей прессы и о подчиненіи этой политикообщественной организаціи спеціальной, аристологократически организованной власти. Эта организація должна обезпечить благотворную свободу печати, давая защиту ея правомѣрнымъ дѣятелямъ и обуздывая репрессіей нарушеніе закона и писательскую лживость, которая слишкомъ опасна для менѣе зрѣлой части общества и которую баснописецъ правильно оцѣнилъ ниже разбоя. Желательно

позаботиться о повышеніи уровня образованія рядовыхъ дѣятелей печати, дабы направить ихъ на болѣе вѣрный путь служенія государству и обществу.

Десятый принципъ: *матеріальное этическое дѣйствіе защитниковъ и охранителей.* Государство бываетъ вынуждено правомочно выступать съ матеріальнымъ оружіемъ, силою и страхомъ на защиту своего бытія и на застрахованіе своихъ культурныхъ учрежденій, дѣйствуя физическою и моральною силою на страхъ врагамъ. Выше мы уже говорили о правѣ и обязанности государства давать защиту культурнымъ этическимъ автономіямъ, которымъ постоянно угрожаетъ не только темнота невѣдѣнія, но знающее свой путь царство лжи, крамолы, хаоса и звѣрскаго вырожденія. Эти вооруженные защитники и охранители составляютъ войско и полицію, которыя, дѣйствуя оружіемъ и страхомъ, тѣмъ не менѣе обязаны руководиться рыцарскою совѣстью, должны быть крестоносными, подчиняясь строгой, іерархически организованной дисциплинѣ, ставящей ихъ категорическія дѣйствія въ условія почти аналитическаго (предѣльноаритмологическаго) процесса. Эти защитники и охранители въ истинно культурномъ государствѣ берутся изъ среды защищаемаго и охраняемаго народа, и такимъ образомъ государство получаетъ свой крѣпкій матеріальный этическій національный фундаментъ въ народѣ.

Одинадцатый принципъ: *организація сословнаго суда чести.* Выше мы уже отмѣтили, что естественный агностицизмъ, честная оппозиція, честное разномысліе или различіе настроенія чувствъ и воли, разумный рискъ въ экономическомъ жизненномъ процессѣ, правдивый рискъ рѣшающей къ сроку инстанціи и промахъ правомочно рискующаго, правомѣрная тайна, судебная, полицейская и военная правомѣрная репрессія противъ беззаконія и противъ коварнаго врага и т. д. содержатъ въ себѣ элементы добра и терпимаго зла, имѣющаго право, по разуму и смыслу вещей, по истинно гуманному чувству и по цѣлямъ общественнаго блага, на существованіе въ благоустроенномъ по принципамъ мѣрной свободы обществѣ, въ

правомѣрномъ процессѣ государственной жизни, — того зла, которое въ царствѣ закона и гармоническаго такта и соотвѣтствія необходимо терпѣливо выносить и которое является благотворнымъ ферментомъ общественной жизни. Съ другой стороны, небрежное, надменное и лукавое игнорированіе жизненныхъ цѣнностей, лгущія формы оппозиціи, пилатовское умываніе рукъ, коварныя прикрытія вражескихъ настроеній мысли, чувства и воли, іпіонское прониканіе въ правомѣрную тайну, извращенное сужденіе о правдѣ и чести, жадный азартъ, зависть и алчность, злобный рискъ, измѣна и предательство суть виды лживаго зла, которое не можетъ быть терпимо въ царствѣ закона. Нужно очень развитое чувство мѣры, чтобы практически различать правомѣрное зло отъ лживаго зла. Способность на практикѣ чувствовать это различіе составляетъ *чувство чести*, присущее истинно культурнымъ благонамѣреннымъ людямъ. Внѣшнее соціальное выраженіе чести лица связывается съ нѣкоторыми корпоративными символами, дающими лицу въ соотвѣтствующей плоскости соціальныхъ отношеній повышенный коеффиціентъ довѣрія. Въ личномъ составѣ службъ государства, церкви и академіи чувство чести поддерживается іерархическою организаціей, въ которую необходимымъ звеномъ входитъ іерархическая охрана чести, имѣющая цѣлью правомочно фильтровать личный составъ по отношенію къ его честности и способности нести свой крестъ или свою службу. Но мы разумѣемъ сословную или корпоративную организацію суда чести для корпорацій, занимающихъ опредѣленное соціальное положеніе въ государствѣ и обществѣ и отправляющихъ свою соціальную функцію при условіяхъ особаго довѣрія внутри корпораціи (по отношенію другъ къ другу) и внѣ (по отношенію къ внѣкорпоративнымъ свободосвязямъ и функціямъ). Въ военномъ сословіи существуетъ особо организованный судъ чести, соотвѣтствующій условіямъ военной дисциплины. Въ прочихъ культурныхъ сословіяхъ, слояхъ и классахъ общества, въ которыхъ, по ихъ особому значенію и соціальному положенію, должны высоко цѣниться понятія о чести, так-

же нужна правильная организація суда чести, дабы отдѣлить ихъ личный составъ отъ недостойныхъ элементовъ, которымъ правильнѣе принадлежать къ области диссоціированныхъ и хаотическихъ, а, можетъ быть, и презрѣнныхъ автономій.

Организація обыкновеннаго суда (по уложенію о наказаніяхъ) не достаточна и не можетъ замѣнить функцій суда чести, ибо судъ чести долженъ руководиться особыми мѣрилами и критеріями. Хитрый лжецъ можетъ ловко ускользнуть отъ обыкновеннаго уголовнаго суда, основывающаго свои рѣшенія преимущественно на внѣшнихъ документахъ и свидѣтельствахъ. Обыкновенный ретроспективный судъ приспособляется къ потребностямъ диссоціированнаго общества, включая сюда низшіе и отрицательные слои, не исключая преступниковъ и даже главнымъ образомъ имѣя въ виду преступленіе и нетерпимую въ обществѣ грубость нравовъ. Судъ же чести имѣетъ въ виду верхніе слои морально координированнаго общества, *имѣющіе высокій коэффиціентъ довѣрія*. Этотъ судъ долженъ входить въ болѣе глубокія этическія оцѣнки. Правильная организація его предполагаетъ: 1) опредѣленность положенія въ государствѣ и обществѣ того сословія (класса), которое поддерживаетъ достоинство своего положенія судомъ чести, и 2) участіе въ судѣ представителя отъ государства, какъ непремѣннаго органа во всѣхъ вопросахъ суда.

Судъ чести полезенъ для поддержанія аристолого-кратическихъ свойствъ положительныхъ культурныхъ слоевъ общества, которые обнимаютъ обѣ первыя группы четырехчленной этической классификаціи и самостоятельно заинтересованы, чтобы очистить себя отъ отрицательныхъ элементовъ. При отсутствіи же этого суда съ одной стороны слагается иллюзія, что честенъ всякій, кто не опороченъ судомъ, дѣйствующимъ по общему уложенію о наказаніяхъ; а съ другой стороны усиливается взаимное недовѣріе и подозрѣніе тамъ, гдѣ для истиннаго общественнаго блага нужно цѣлесообразными средствами повысить коэффиціентъ или мѣру взаимодовѣрія данной группы дѣятелей другъ къ другу.

Въ отрицательномъ полюсѣ государственнаго организма, называемомъ «государствомъ въ государствѣ», развивается отрицательный «судъ чести», предназначаемый для отрицательной «координаціи» силъ общества. Эти силы царства лжи и помраченной совѣсти координируютъ себя въ томъ же диссоціированномъ обществѣ, содержащемъ смѣсь пшеницы съ плевелами, и сосредоточиваются въ элементахъ, отрицательно относящихся къ положительной координаціи общественнаго мнѣнія, свободосвязаннаго съ государствомъ, и поддѣлывающихъ «общественное мнѣніе». Если въ обществѣ развивается эта отрицательная координація съ ея «судомъ», терроромъ или правомъ изъ-за угла, съ ея ложными идеалистическими кумирами, восхваляемыми ея «литературою» въ прозѣ и въ стихахъ, то дѣло и долгъ соотвѣтствующихъ властей государства бороться съ этими явленіями.

Двѣнадцатый принципъ: *святость семейнаго союза и отдѣленіе въ мѣру мужскихъ и женскихъ соціальныхъ функцій.* Союзъ семейный есть первичная основа всѣхъ соціальныхъ свободосвязей, историческихъ и соціалфизическихъ. Отецъ, мать и дитя (въ рожденіи по плоти и по духу)—вотъ основная моральная тріангуляція, связующая настоящее съ прошлымъ и будущимъ и объединяющая семьи (по плоти и по духу) въ союзъ общественный ради защиты домашняго очага и истиннаго нравственнаго идеала. Религія, наука и политика признаютъ, поэтому, святость семейнаго союза, функціи котораго освящаются Церковью. Поврежденіе этого союза создаетъ вырожденіе семьи, а затѣмъ рода, племени. Силлогизмы, связанные съ вопросами о вырожденіи семейнаго союза и, наоборотъ, объ охраненіи его повѣряются статистическимъ, наблюденіемъ, которое можно пріурочивать къ изслѣдованіямъ о движеніи населенія.

Исторія и антропологія записали на своихъ страницахъ много силлогизмовъ, связанныхъ съ движеніемъ, сохраненіемъ, вырожденіемъ и разсѣяніемъ расъ, племенъ и населеній. Поучителенъ тотъ фактъ, что святость семейнаго союза у евреевъ создала прочность еврейскаго племени среди всѣхъ

условій, которыя окончились вырожденіемъ и разсѣяніемъ для расъ—сверстницъ еврейства на исторической аренѣ.

Физіологическая природа предрѣшила, чтобы въ сферѣ семейной, общественной и политической жизни мущина и женщина, будучи раздѣлены въ своихъ функціяхъ, оставались дополняющими другъ друга существами. Мущина на соціальной аренѣ есть воинъ-судья, психомоторный центръ котораго ретроспективно и провиденціально напрягаетъ себя главнымъ образомъ въ сферѣ внѣшней защиты и трудового обезпеченія существованія домашняго очага и родины. Женщина наполняетъ содержаніе домашняго очага и родины внутренними этическими и эстетическими эмоціями, имѣющими также провиденціальный и ретроспективный характеръ. Женская доблесть и мужская доблесть дополняютъ одна другую тактическимъ и гармоническимъ соотвѣтствіемъ. Образованность женщины можетъ соотвѣтствовать требованіямъ той или другой изъ положительныхъ группъ четырехчленной этической классификаціи людей. Положительная синтетическокритическая научная образованность (высшее образованіе) нужна для того слоя женскаго личнаго состава, который посвящаетъ себя критически изощренному труду въ сферѣ школьной педагогики, семейнаго быта, литературы, искусства, медицины и дѣла милосердія.

30. Будучи учителями учителей среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, основатели Московскаго Математическаго Общества стояли близко къ вопросамъ народнаго образованія и имѣли ясныя понятія о законахъ педагогической психологіи и педагогики и объ устояхъ моральнаго зданія народообразовательнаго дѣла. Представляется интереснымъ обозрѣть съ точки зрѣнія ихъ міросозерцанія современное положеніе народнаго образованія и обсудить вопросъ, какова должна быть правильная организація школы и народообразовательнаго дѣла.

Основанія правильной организаціи народнаго образованія въ теоріи установлены давно; но въ примѣненіи къ жизни они не вполнѣ усвоены государствами, въ которыхъ школьная система еще не окрѣпла и не только медленно развивается, но иногда

тормозится безполезными колебаніями и смѣнами школьной системы, направляющей народообразовательное дѣло.

Школьныя занятія, отношенія, правила, привычки, самыя школьныя стѣны, въ которыхъ учились ряды поколѣній, и всѣ вообще добрыя школьныя традиціи святы и не должны быть предметомъ измѣненій безъ крайней необходимости. Однако съ интересами школы не совмѣстимы школьная рутина и застой. Обдуманная реформа школьной системы, поэтому, бываетъ нужна; но она бережетъ все доброе старое и совершается постоянно и непрерывно, открывая и исправляя дѣйствительно плохое, надстраивая благое новое на здоровомъ старомъ, посильно расширяя народообразовательную сѣть новыми путями, ведущими къ усвоенію положительныхъ и полезныхъ знаній и навыковъ.

Въ наше время всесторонніхъ массовыхъ запросовъ относительно развитія народнаго образованія и школьныхъ реформъ особенно важно оцѣнить пути и средства правильнаго удовлетворенія этимъ запросамъ, примѣняя къ выслушиванію ихъ и къ правильному удовлетворенію всѣ правила точнаго изслѣдованія, сочетающаго здравое теоретическое міросозерцаніе съ живыми эмпирическими данными, добытыми посредствомъ совѣщаній и статистическимъ наблюденіемъ соотвѣтствующихъ явленій и движеній совѣсти и сознанія.

Живое великое народообразовательное зданіе, входящее, какъ существенная часть, въ организмъ государства, имѣющее свою общую архитектуру и многообразную классификацію и функціональную дифференцировку, уже существуетъ, возведенное трудами всѣхъ предшествующихъ поколѣній, и нуждается въ достройкѣ и исправленіи и въ прочности устоевъ. Въ этомъ зданіи текутъ живые людскіе (ученическіе) потоки и функціонируютъ своимъ индукціоннымъ воздѣйствіемъ на нихъ живые школьные строительные матеріалы, учителя, являющіеся источниками знанія и навыка для ученическихъ поколѣній. Строительные матеріалы эти дороги и невсегда имѣются на лицо. Школа же съ поверхностными «учителями» способна возбуждать хаотическія и отрицательныя индукціи въ ученическихъ токахъ, создавая недоро-

слей и опасныхъ верхоглядовъ, и не заслуживаетъ даже названія школы, являясь учрежденіемъ скорѣе вреднымъ, нежели полезнымъ. Планы, смѣты и расчеты по исправленію и улучшенію народо-образовательнаго зданія требуютъ научныхъ методовъ и эмпирическо-статистическаго изслѣдованія матеріаловъ и грунта для постройки.

Массовыя данныя, собранныя нынѣ въ центральномъ управленіи учебнаго вѣдомства отъ свѣдущихъ людей статистическо-совѣщательнымъ путемъ, могутъ дать эмпирическое основаніе, дабы освободить реформаторовъ отъ отвлеченности, при которой благой мотивъ реформы народообразовательной системы не ведетъ къ благу. Центральный статистикъ, обрабатывающій собранные отъ свѣдущихъ людей совѣстные совѣты и отвѣты на запросы и прочіе добытые эмпирически матеріалы, долженъ внимательно прислушаться къ этимъ даннымъ и разсмотрѣть ихъ не только *общегосударственный* вѣсъ, но и *мѣстное* и *дифференціальное* значеніе, пропустивъ ихъ чрезъ строй тѣхъ истинныхъ этико-соціальныхъ принциповъ, которые сложились въ личномъ авторитетномъ міросозерцаніи русскаго государства, нераздѣльнаго съ авторитетами русской Церкви и Академіи и съ русскимъ народомъ въ его сословіяхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и лицахъ.

Правильная планомѣрная государственная организація народообразовательнаго дѣла не должна терять изъ вида прежде всего крупныхъ основныхъ подраздѣленій школьной сѣти, каковыя подраздѣленія тѣсно связаны съ вышеуказанною этическою четырехчленною классификаціей людей (*п*⁰25). Эта организація должна имѣть цѣлью переводить, по мѣрѣ возможности, людей третьей группы (агностиковъ и неправомочныхъ), а также и людей четвертой группы (отрицательной) въ одну изъ положительныхъ группъ: либо въ первую группу (въ число людей, обладающихъ положительными критическими навыками къ дѣлу и синтетическо-критическимъ пониманіемъ авторитетныхъ инициативъ), либо во вторую группу (въ число рядовыхъ культурныхъ дѣятелей, воспитанныхъ въ здравыхъ привычныхъ мотивахъ и началахъ, принятыхъ на вѣру отъ

истинныхъ авторитетовъ). Школьная народообразовательная система, построенная на этической основѣ, должна имѣть въ виду увеличивать какъ ту, такъ и другую группу положительныхъ людей,и поэтому въ составѣ школьной сѣти должны существовать двѣ соотвѣтствующія нормальныя школьныя группы *A* и *B*, изъ которыхъ должны течь два крупныхъ потока положительныхъ людей.

Эти двѣ почтенныя людскія группы одинаково важны, и трудно сказать, какая изъ нихъ необходимѣе, такъ какъ культурное общество не можетъ существовать безъ той или другой изъ нихъ.

Природныя склонности, семейныя и соціальныя приспособленія и индивидуальныя дарованія однихъ влекутъ въ одну группу, а другихъ въ другую. При недостаткѣ на соціальной аренѣ положительныхъ людей той или другой группы, соціальное колесо начинаетъ плохо вертѣться, т.-е. государство и общество переживаютъ моральный кризисъ, подобный тому, какой переживаетъ армія, если въ ней недостаетъ либо хорошихъ офицеровъ, либо хорошихъ солдатъ. Высокій уровень ремесла и техническаго мастерства и промысла матеріально цѣнится очень дорого, какъ главное непосредственное условіе успѣха промышленно-технической жизнедѣятельности, отъ которой зависитъ приростъ матеріальнаго благосостоянія общества. Отсюда слѣдуетъ необходимость соотвѣтвѣтствующихъ правъ и естественныхъ привиллегій для лицъ, прошедшихъ чрезъ высшіе уровни школъ группы *B*, факультетскія линіи которыхъ, *находясь въ опредѣленномъ соотвѣтствіи съ техническими каѳедрами въ школьной группѣ A*, даютъ ученыхъ ремесленниковъ и мастеровъ техники и промысла. Напротивъ, научно-критическая образованность требуетъ отъ ея представителей матеріальныхъ жертвъ, неразлучныхъ съ преданностію мастерству мышленія и духу изслѣдованія. Поэтому, если школьная дифференцировка достигаетъ большого изощренія, то школы группы *A* наполняются либо людьми обезпеченными матеріально, либо увлеченными особымъ дарованіемъ при соотвѣтствующей поддержкѣ стипендіями. Основная естественная привиллегія лицъ, про-

шедшихъ чрезъ школы группы *A* и достигшихъ соотвѣтствующихъ степеней чисто академической и академическо-технической мудрости, есть право учительства и профессорства по роду своей спеціальности.

Отличительныя признаки школъ той и другой изъ группъ *A* и *B* не всегда осуществляются въ строгомъ категорическомъ различіи и раздѣленіи, и ниже мы будемъ говорить о школахъ смѣшаннаго типа, составляющихъ среднюю группу *C*.

Каждая изъ школьныхъ группъ *A*, *B* и *C* народообразовательной сѣти представляетъ собою многообразіе различныхъ школъ и школьныхъ *линій* или рядовъ школъ, по которымъ идутъ учащіеся. Каждая законченная школьная линія, представляющая рядъ или цѣпь школъ, проходимую учениками до выхода въ жизнь, разбивается на концентры *общеобразовательный* и *факультетскій* (въ смыслѣ выбора спеціальности по способностямъ и наклонностямъ ученика), обнимающій спеціальныя и профессіональныя знанія и навыки. Первый (общеобразовательный) концентръ данной школьной линіи является общею школьною дорогою къ многообразно развѣтвленному по родамъ спеціальностей и практики второму (факультетскому) концентру. За этимъ вторымъ концентромъ начинается наука и практика самой жизни, какъ третій концентръ. Первый и второй концентры школьной линіи въ свой чередъ разбиваются на болѣе мелкія концентрическія части (по возрастамъ, классамъ и курсамъ).

Общеобразовательный концентръ въ школьныхъ линіяхъ группы *B* (начальная школа+двухклассное продолженіе въ сельскихъ министерскихъ училищахъ или начальная школа + трехъ-четырехклассное продолженіе въ городскихъ по положенію 1872 года училищахъ) коротокъ и простъ и почти не зависитъ отъ его факультетскихъ развѣтвленныхъ продолженій, имѣющихъ мѣсто въ школахъ ремесленныхъ и низшихъ техническихъ различнаго рода. Этотъ общеобразовательный концентръ если и испытываетъ на себѣ вліянія, то не факультетскія, а экономическія и другія, содержащіяся въ общихъ и мѣстныхъ жизненныхъ соціальныхъ и физическихъ условіяхъ.

Напротивъ, въ длительныхъ школьныхъ линіяхъ группы *A*, подготовляющей къ положительному критическому синтезу въ сужденіи и навыкѣ дѣйствія, общеобразовательный концентръ (дѣтская элементарная школа+средняя научно-общеобразовательная школа) сложенъ и продолжителенъ.

Та часть этого концентра, которая называется *среднею школою* и является продолженіемъ дѣтской приготовительной (элементарной) школы, испытываетъ на себѣ, кромѣ разныхъ жизненныхъ соціальныхъ и физическихъ вліяній, факультетскія вліянія, т.-е. вліянія необходимости приспособляться къ послѣдующимъ многообразнымъ задачамъ спеціальныхъ и профессіональныхъ знаній. Необходимость этихъ приспособленій вызываетъ большое разнообразіе типовъ средней школы въ смѣшанной группѣ *C*. Таковы духовныя, коммерческія, техническія, сельско-хозяйственныя и другія среднія школы.

Въ типахъ среднихъ школъ нормальной группы *A* намѣчаются двѣ подгруппы: 1) древнеязычная гимназія и 2) новоязычная гимназія. Эти два типа гимназій соотвѣтствуютъ приспособленію ихъ къ двумъ различіямъ факультетскихъ каѳедръ университетовъ и политехникумовъ (представляющихъ собою новѣйшіе технические университеты).

Одинъ каѳедры задаются преимущественно экстраполяціей въ область прошлаго, иногда очень далекаго, находя великій интересъ въ историческомъ изученіи. Историко-культурныя, историко-юридическія, историко-богословскія и естественно-историческія спеціальности относятся къ каѳедрамъ этой категоріи. Изученіе это, какъ мы видѣли выше (*пп*⁰ 22 и 23), открываетъ нравственныя и физическія начала, имѣющія затѣмъ непреходящее и вѣчное значеніе, а потому важныя, какъ незыблемые законы и для настоящаго, и для будущаго. Для многихъ каѳедръ этого рода необходима уже въ средней школѣ особая усиленная подготовка къ пониманію древности и древнихъ культуръ; и древнеязычная средняя школа, соединяющая изученіе древнихъ подлинныхъ и переводныхъ литературъ съ математическими, логическими, геометрическо-этическими, словесно-этическими, юридическими и моральариѳметическими (психоаритмологическими)

дисциплинами, является фундаментомъ для этихъ факультетскихъ каѳедръ.

Другія же каѳедры спеціализировались иначе: онѣ задаются не столько экстраполяціей въ область болѣе или менѣе далекаго прошлаго, сколько заняты интерполяціей, которая захватываетъ главнымъ образомъ области настоящаго и будущаго и болѣе или менѣе близкаго прошлаго. Эти каѳедры изучаютъ стаціонарные процессы современности въ связи съ непосредственными вліяніями на нихъ ближайшихъ причинъ, ближайшихъ цѣлей и ближайшихъ ожиданій (къ такому типу принадлежатъ науки, изслѣдующія текущую закономѣрность явленій природы и человѣческаго общества, а также техническія, моральтехническія и юридическо-техническія спеціальности). Новоязычная средняя школа, соединяющая изученіе новыхъ языковъ и литературъ съ математическими, логическими, геометрическо-этическими словесно-этическими, юридическими и моральнѳметическими дисциплинами, приспособляетъ своихъ учениковъ къ этимъ каѳедрамъ, подготовляя къ пониманію современности, современныхъ культуръ, функцій и цѣлей вмѣстѣ съ средствами ихъ осуществить въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ.

При всей важности древнеязычной гимназіи, дающей намъ историческое свидѣтельство и историческую перспективу въ святую даль прошлаго, она, опираясь на греко-римскую литературу и науку, не даетъ въ древнемъ языческомъ литературномъ матеріалѣ всего того фона, на которомъ складывается и имѣетъ сложиться «жизнь будущаго вѣка». Грекоримская культура, какъ почва, на которой впервые посѣяна была высшая христіанская культура, была низка для этой новой культуры, ибо греческая образованность была хотя и многогранна, но не глубока, слишкомъ расплывчата и слишкомъ беллетристична (по сравненію съ мѣрностію боговдохновенно-ідейскаго и евангельско-апостольскаго просвѣщенія), а римская этическая координація была слишкомъ груба и узка. Древняя математика также была не высока. Христіанство, посѣянное на грекоримскую почву, было обречено на колебаніе между эллинскими увлеченіями инкоординаціей (еретичествами

и другими явленіями диссоціаціи этической мысли) и римскими жесткими увлеченіями субординаціей. Современный языкъ (языкъ св. Церкви и ея писателей, языкъ философіи, науки и соціалтехники, языки Данте, Шекспира, Гете, Виктора Гюго, Пушкина, Гоголя, Достоевскаго, Толстого и пр.) и, съ другой стороны, современныя средства точной геометрическо-этической координаціи и моралъ-ариѳметическаго (психоаритмологическаго) сужденія даютъ болѣе глубокую и широкую многогранную и многообъемлющую форму для воспріятія того посѣва, который есть «свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка, приходящаго въ міръ» (Іоанн., I, 10). Новоязычная гимназія можетъ воспользоваться новымъ фономъ, представляемымъ современною культурою, уже переработанною подъ вліяніемъ христіанства и способною къ болѣе интенсивному образовательному вліянію на учащихся. Нравственное Солнце правды осталось прежнее; но языкъ, наука и образованіе не суть стоячія воды, исчерпываемыя лишь заднимъ историческимъ обзоромъ и воспроизведеніемъ задовъ въ будущемъ. Напротивъ, интересы человѣка и человѣчества не только позади, но и впереди, и вся цѣль образованія и просвѣщенія состоитъ въ томъ, чтобы «ветхаго человѣка» преобразовать въ «новаго человѣка».

Отношеніе классическаго міра къ современной исторіи, опредѣляющее отношеніе древнеязычной гимназіи къ новоязычной, Н. В. Бугаевъ характеризовалъ слѣдующими словами:

«Когда мы говоримъ о духѣ классической древности, то мы уважаемъ въ ней то развитіе и совершенствованіе человѣчества, которое проявилось въ исторіи античнаго міра. Но это уваженіе не должно заслонять отъ насъ того развитія человѣчества, которое проявилось въ современной исторіи.

«Классическій міръ, какъ славное прошедшее человѣчества, заслуживаетъ полнаго уваженія, но прошедшее должно стоять въ гармоническомъ соотношеніи къ настоящему и будущему. Его надо уважать, но оно не должно давить настоящаго и будущаго. Между классическимъ міромъ и нашею цивилизаціею стоитъ около двухъ тысячелѣтій.

«Съ появленіемъ христіанства измѣнилось все міросозерцаніе человѣчества.

«Въ классическомъ мірѣ человѣкъ подчинялся року и смотрѣлъ на природу, вспоминая постоянно о безжалостной и непреклонной судьбѣ. Въ древнемъ мірѣ человѣкъ былъ или рабъ божій или рабъ природы. Классическіе боги пожирали другъ друга и были завистливы къ развитію человѣчества (мифъ Прометея). Въ христіанскомъ мірѣ человѣкъ есть сынъ божій, ему указывается великая цѣль стремиться къ безконечному развитію. Богъ для христіанъ является не завистливымъ существомъ, а Отцемъ, указывающимъ намъ на безконечное совершенствованіе (Будьте совершенны аки Отецъ вашъ небесный).

«Нашъ славянскій міръ примыкаетъ не только къ Греціи и Риму, не только къ индоевропейскому міру, а ко всему человѣчеству. Онъ отовсюду долженъ черпать указанія для своего развитія. Въ этомъ истинномъ гуманитарномъ направленіи русскаго народа мы и должны искать основъ для нашей школы. Не классическая гуманность древняго міра, а истинный гуманизмъ, завѣщанный намъ нашею религіею, нашею страдальческою исторіею, долженъ быть нашею путеводною звѣздою при обсужденіи реформъ русской школы».

И древнеязычная, и новоязычная гимназіи, если можно такъ выразиться, однобоки, какъ всякій живой организмъ, приспособляющійся къ падающему на него съ опредѣленной стороны лучу Свѣта. Эта однобокость есть здоровый зачаточный переходъ къ факультетскому началу, къ научной спеціализаціи функцій сознанія и воли,—переходъ, который долженъ стоять на общемъ нравственномъ фундаментѣ и общности элементарной школы, а также на коррективахъ. Новоязычная гимназія ради корректива должна знакомить по экстрактамъ и переводамъ съ элементами древней культуры, а древнеязычная школа должна искать средствъ ознакомить учащихся съ важнѣйшими сторонами новой культуры, не переходя въ многоязычность (вызываемую присоединеніемъ новыхъ языковъ къ древнимъ). Для той и другой школы нужны

серьезность и послѣдовательность системы и соотвѣтствующее возврату напряженіе силъ *). Несерьезныя и неинтенсивныя школы того и другого рода являются напрасною тратою времени и средствъ.

Эти два типа средней школы (средняго концентра школьныхъ линій группы *А*), т.-е. древнеязычная и новоязычная гимназіи, одинаково необходимы и полезны и во многомъ дополняютъ другъ друга.

Лѣстница познанія, по которой размѣстились авторитеты истиннаго познанія и благой воли съ ихъ авторитетными принципами, такъ велика, что общій обзоръ ея, если онъ не поверхностенъ, требуетъ большого напряженія ученическихъ и учительскихъ силъ, выступающихъ во всеоружіи логики нравственныхъ и естественныхъ наукъ. Этотъ обзоръ возможно выполнить лишь при особомъ использованіи *самодѣятельности* учениковъ и *таланта* учителей, и при особомъ императивѣ во имя общей пользы, которому, какъ

*) Н. В. Бугаевъ (въ словахъ которыя мы приводимъ ниже по другому случаю) выдвинулъ противъ чрезмѣрности напряженія ученическихъ силъ многоязычность древнеязычной гимназіи, каковая многоязычность въ гимназіяхъ романскихъ и германскихъ народовъ не давитъ школу потому, что для этихъ расъ латинскій языкъ есть то же, что для русскихъ церковнославянскій языкъ.

Изученіе заграничной средней научно-образовательной школы привело *А. Н. Шварца* къ взгляду о двухъ нормальныхъ типахъ средней школы. Вышеуказанное названіе этихъ типовъ мы заимствуемъ у А. Н. Шварца, который видитъ удовлетворительный образецъ новоязычной гимназіи въ 9—классной нѣмецкой Obertrealschule и въ enseignement moderne французскихъ лицеевъ. Эти школы нужно отличать отъ нашей реальной школы, крайне несовершенной.

Реформа нынѣ осуществляетъ гимназію съ однимъ древнимъ (латинскимъ) и двумя новыми языками. Этотъ промежуточный типъ, существующій у нѣмцевъ подъ именемъ Realgymnasium, имѣетъ у насъ много сторонниковъ. Многоязычность русской классической гимназіи (2 древнихъ+2 новыхъ+церковнославянскій языкъ), наличность образованныхъ филологовъ, могущихъ преподавать латинскій языкъ научно, и недостатокъ образованныхъ учителей новыхъ языковъ склоняютъ сочувствіе общества къ этому типу гимназіи, который однако классики считаютъ компромиссомъ.

школьному святому закону, должны подчиняться и учителя, и семьи, и ученики, и общество, и печать. Школы группы *A* задаются цѣлью провести учениковъ по нижнимъ, среднимъ и верхнимъ вѣтвямъ этой лѣстницы и обозрѣть ее въ средней школѣ всю по правилу: non multum, sed multa, а въ высшей при условіяхъ спеціализаціи, изощряющей познаніе до тончайшаго разсмотрѣнія соотвѣтствующихъ деталей.

Продолжительность школьнаго ученья зависитъ отъ умѣнья учениковъ и учителей производительно использовать время, чтобы пройти ту или другую часть лѣстницы познанія. Силы школы нужно концентрировать во времени, пріучая учениковъ сообразно возрасту къ активности, къ самодѣятельности и экономя расходумый во времени трудъ учителей, число которыхъ всегда мало въ сравненіи съ числомъ учениковъ публичной школы. Это требованіе создаетъ условія особой дисциплины и планомѣрности въ использованіи силъ учителей, какъ руководителей учениковъ, и силъ разныхъ учительскихъ помощниковъ (домашнихъ наставниковъ, института школьныхъ репетиторовъ и туторовъ и т. д.).

Къ этимъ условіямъ, между прочимъ, относится правило, чтобы легкія и посильныя занятія учащійся выполнялъ при наименьшей помощи руководителя и чтобы болѣе напряженное учительское руководство, происходящее въ часы класснаго и курсоваго занятія, отдавалось болѣе труднымъ предметамъ. Къ самодѣятельности въ пріобрѣтеніи знаній и навыковъ, руководимой наставниками, школа должна приготовлять учениковъ уже въ общеобразовательномъ концентрѣ школьной линіи. Развитіе положительной самодѣятельности необходимо для наивыгоднѣйшаго использованія силъ и времени какъ въ процессѣ школьнаго ученія, такъ и въ жизненномъ процессѣ.

Слѣдующія слова Н. В. Бугаева должны быть вписаны въ основные принципы педагогической психологіи, педагогики и народнаго образованія:

«Психологія ясно показываетъ, что источникомъ и матеріаломъ для всѣхъ операцій ума являются ощущенія. Воспи-

таніе и развитіе органовъ внѣшнихъ чувствъ должно играть въ школѣ первостепенную роль. Во всѣхъ вопросахъ, касающихся умственной дѣятельности, развитіе органовъ внѣшнихъ чувствъ составляетъ основную задачу школы. Матеріалъ, предлагаемый внѣшними чувствами, даетъ реальное содержаніе и конкретную форму нашимъ представленіямъ, а слѣдовательно и нашимъ понятіямъ, и нашимъ сужденіямъ.

«Представленія и понятія, если они не сопровождаются конкретнымъ содержаніемъ, отличаются отвлеченностію и безсодержательностію. Въ этомъ случаѣ слова, соотвѣтствующія этимъ понятіямъ, будутъ только простыми и отвлеченными звуковыми символами, за которыми ничего не стоитъ. Это будутъ банковые билеты, которыхъ нельзя размѣнять.

«Внѣшнія чувства сохраняются тщательнымъ гигіеническимъ уходомъ за ихъ дѣятельностію. Они развиваются также изученіемъ такихъ предметовъ, въ которыхъ проявляется наблюдательность въ области внѣшнихъ чувствъ, гдѣ играютъ роль описаніе, сравненіе, сопоставленіе, гдѣ существуютъ формы и краски.

«Я обращу вниманіе на то, что притупленіе мускульнаго чувства, благодаря отсутствію физическаго развитія, а также ослабленіе и разстройство органовъ зрѣнія и слуха значительно содѣйствуетъ и ослабленію ума. Эти недостатки въ интеллектуальныхъ проявленіяхъ человѣка ослабляютъ конкретный элементъ, придающій умственнымъ операціямъ силу и реальное содержаніе. Школа не должна пренебрегать культурою внѣшнихъ и внутреннихъ чувствъ въ интересахъ умственнаго развитія. Утверждать, что, ослабляя внѣшнія чувства, можно развить умъ—значитъ совершать большую ошибку. Нельзя развивать ума, притупляя внѣшнія чувства. Ослабляя ихъ, мы до нѣкоторой степени погашаемъ и умъ. Притупляя ихъ, мы совершаемъ оскопленіе ума.

«Развѣ не объясняется этими школьными фактами наклонность нашей молодежи къ безпочвеннымъ абстракціямъ? Развѣ не объясняется этимъ безотвѣтственность нашихъ словъ и разладъ между словомъ и дѣломъ.

«Здоровье, внѣшнія чувства и эмоціи, правильно развитыя воспитаніемъ и наблюденіемъ—это та черноземная почва, на которой покоятся и самыя дарованія и великіе таланты.

«Только на почвѣ правильно развитыхъ внѣшнихъ чувствъ можетъ сформироваться и большой здравый смыслъ—элементъ, столь необходимый для всякой личной и общественной жизни.

«Повторяю, плохо развитыя внѣшнія чувства ослабляютъ содержаніе и силу интеллектуальныхъ проявленій человѣка.

«Мало того, они притупляютъ и развитіе многихъ эмоцій, и въ особенности одной наиболѣе важной эмоціи эстетической. Не даромъ говорятъ нѣкоторые художники, что искусство есть мышленіе въ образахъ.

«Какъ же правильно развиться эстетическому чувству, если за мышленіемъ или вовсе не стоитъ или стоитъ блѣдный и безсодержательный образъ?

«Правильное развитіе эстетической эмоціи нужно не одному писателю и художнику; оно необходимо и ученому. Умственныя операціи пріобрѣтаютъ особую силу, когда онѣ сопровождаются стройностію и художественностію изложенія. Ученому необходимо не только доказывать, но и убѣждать.

«Мы въ значительной степени замѣчаемъ упадокъ эстетическихъ эмоцій и на литературномъ стилѣ теперѣшнихъ писателей и на нашемъ неуваженіи къ родному языку. Богатый русскій языкъ загрязняется и обезличивается на нашихъ глазахъ.

«Какъ далеко мы ушли въ этомъ направленіи отъ Пушкина и Лермонтова. Конечно, не вся вина въ этомъ лежитъ на одномъ утилитарномъ направленіи нашего общества. Значительная часть вины въ этомъ падаетъ на нашу школу, которая въ погонѣ за формами разныхъ языковъ позабыла то, что придаетъ особенную силу, конкретность, гармонію и художественную красоту рѣчи.

«Эстетическія эмоціи нужны для облагороженія человѣка и для внесенія идеальнаго элемента въ наше общежитіе. Они необходимы также для правильнаго проявленія воли.

«Идеи цѣлесообразности и активности лежатъ въ тѣсной

связи съ эстетическими чувствами гармоніи, соотвѣтствія и свободнаго художественнаго творчества. Наконецъ, конкретное содержаніе, даваемое внѣшними чувствами, и эстетическія волненія необходимы для того, чтобы человѣкъ въ своей активной дѣятельности зналъ мѣру и содержаніе своихъ дѣйствій.

«Не должно въ школѣ все направляться такъ, чтобы въ учащемся развивались только одни пассивныя добродѣтели и таланты. Не одно пассивное знаніе имѣетъ значеніе. Для человѣка необходимо, чтобы знаніе было дѣятельно, чтобы оно могло приспособляться къ проявленію активной стороны человѣка.

«Знаніе должно служить на пользу окружающей среды, должно возбуждать волю къ дальнѣйшему самостоятельному и самодѣятельному развитію. Гдѣ нѣтъ активности, тамъ нѣтъ и творчества. Творчество же играетъ великую роль въ жизни каждаго общества.

«Настоящая школа, воспитывая и отдавая предпочтеніе пассивной сторонѣ духа надъ активною, какъ бы обнаруживаетъ сочувствіе буддійской нравственности.

«Наша христіанская точка зрѣнія требуетъ, чтобы человѣкъ свободно, самодѣятельно и самостоятельно стремился къ совершенствованію себя и другихъ.

«Въ словахъ Спасителя «Царствіе Божіе завоевывается силою» (усиліемъ) мы должны находить основаніе для пріученія нашихъ молодыхъ поколѣній къ свободному и самодѣятельному развитію.

«Изъ этихъ общихъ соображеній само собою видно, въ какомъ направленіи мы должны идти, обдумывая улучшенія теперешней школы.

«Во-первыхъ нужно обратить вниманіе на физическое воспитаніе и развитіе внѣшнихъ чувствъ, прибѣгая къ тѣмъ средствамъ, которыя даетъ современная наука, и вводя тѣ предметы, которыя развиваютъ наблюдательность не въ одной только области слова, но и въ области природы и человѣческаго общества.

«Во-вторыхъ необходимо развить эстетическое чувство, поставить на правильную дорогу русскую словесность и русскій языкъ.

«Въ-третьихъ необходимо такъ поставить школу, чтобы учащемуся оставалось время для самодѣятельнаго и самостоятельнаго развитія.

«Этому развитію должны помогать не только изученіе наукъ, но также изученіе искусствъ, ремеслъ, если у учащагося есть къ тому способности и силы».

Мысли эти расширяютъ взгляды современной психологіи вообще (и педагогической психологіи), не уничтожая ея пріобрѣтеній. Психологія эта съ ея опытомъ, съ ея изслѣдованіемъ ощущенія и внѣшняго чувства и съ ея законами (Вебера-Фехнера, Вундта, Гельмгольтца, Сѣченова и пр.), соотвѣтствующими пассивному состоянію сознанія и воли, узка, но оцѣнена высоко за тѣ яркія краски, которыя ощущеніе налагаетъ на понятія и образы чистаго сознанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Н. В. Бугаевъ не замыкаетъ психологію пассивнымъ процессомъ внѣшняго ощущенія и присоединяетъ къ ней законъ творчества, активнаго разрыва съ пассивнымъ состояніемъ, но не для произвола, а для того, чтобы руководиться въ жизни эстетической эмоціей, гармоніей, соотвѣствіемъ и истинно христіанскою точкою зрѣнія и чтобы жить въ то же время образами родного языка и родной среды.

Школа должна примѣнять эти психологическіе принципы къ своему дѣлу. Педагогика и народное образованіе при этихъ условіяхъ должны пойти, какова бы ни была школьная линія, по истинно русскому пути, не теряя ничего существеннаго изъ общечеловѣческихъ культурныхъ пріобрѣтеній. Драгоцѣнны эти завѣты Николая Васильевича.

Школа группы *А*, какъ пропедевтика мудрой жизни, должна не только пріучать ученика самодѣятельно пользоваться своею механическою памятью и механическимъ навыкомъ дѣйствія по правилу, по формулѣ или рецепту, но и научить сознательно пользоваться памятниками и критически оріентироваться въ предпосылкахъ положительнаго дѣйствія, представляемыхъ

здравыми теоріями, разумными вѣрованіями и авторитетными міросозерцаніями. Начиная съ легкаго и постепенно переходя къ трудному, школа должна опасаться тратить дорогое время на долгую остановку въ низшемъ грамматическомъ, логическомъ, литературномъ и математическомъ уровнѣ, соблазнительномъ своею легкостью и лѣнивою пріятностью. Это долгое стояніе на мѣстѣ превращается въ умственный заслонъ, мѣшающій подняться на высшія уровни этико-соціальной грамотности и литературы, и создаетъ общій низкій уровень средняго, а затѣмъ и высшаго образованія. Нужно учить старшихъ учениковъ сознательно владѣть литературнымъ памятникомъ и математическимъ справочникомъ и библіотекою и пріучать разбирать темы и рѣшать задачи съ открытою книгою въ рукахъ для справокъ въ ней. Облегчивъ память, можно расширить объемъ матеріала, воспринимаемаго пониманіемъ и умѣньемъ пользоваться не только памятью, но и подходящею серьезною книгою и мемуаромъ при рѣшеніи вопросовъ. «Натаскиваніе» по учебнику, по шаблону и формулѣ не должно быть устраняемо изъ школьныхъ методовъ, такъ какъ оно необходимо для выработки цѣлесообразныхъ навыковъ, о которыхъ всякая школа должна въ мѣру заботиться. Но въ школахъ группы *А*, начиная съ среднихъ и старшихъ классовъ гимназіи, этотъ методъ обученія постепенно разбавляется другимъ важнымъ методомъ, цѣль котораго есть развитіе положительной критической повѣрки знаній, привычекъ и мотивовъ при помощи систематическаго міросозерцанія и посредствомъ сознательной справки у авторитетныхъ источниковъ. Обильное примѣненіе этого метода составляетъ главное отличіе школъ группы *А* отъ школъ группы *В*. Въ этихъ послѣднихъ школахъ, напротивъ, долженъ быть развитъ не столько критическій рефлексъ, сколько простой здравый смыслъ и ученое мастерство, т. е. выработка искуснаго дѣйствія практически затверживаемымъ образцамъ, формуламъ и шаблонамъ, необходимымъ цѣнному мастеру — ремесленнику и мастеру—технику.

Разнообразіе культурныхъ и физическихъ условій жизни

вызываетъ, между прочимъ, большое различіе школьныхъ линій нормальныхъ группъ A и B въ отношеніи *длительности* ихъ, т.-е- продолжительности пребыванія учащагося, идущаго по данной линіи школъ, на школьной скамьѣ. Такъ, въ школьномъ многообразіи B сельскія школьныя линіи b_1 бываютъ по длительности короче городскихъ школьныхъ линій b_2, и это зависитъ какъ отъ экономическихъ, такъ и отъ другихъ условій сельской и городской жизни. Еще большее разнообразіе длительности школьнаго ученья соотвѣтствуетъ школьнымъ линіямъ группы A, въ которой пути средняго и высшаго образованія то длятся minimum 13 и 14 лѣтъ (гимназія + университетъ въ Пруссіи), то проходятся въ 10 и 11 лѣтъ (Баварія, Австрія, Англія).

Безусловно необходимы такія длительныя школьныя линіи, которыя, какъ *нормальныя*, задаются использовать продолжительное школьное ученіе съ тою цѣлью, чтобы поднять во что бы то ни стало часть населенія, имѣющую возможность долго оставаться на школьной скамьѣ, до высшихъ уровней критическаго пониманія синтеза познанія и дѣйствія. Эта часть населенія поддерживаетъ высшіе уровни академическаго образованія и личнаго состава учительства и профессорства и высшей государственной мудрости.

Число нормальныхъ школъ группы A должно соотвѣтствовать потребности государства въ этой соли, которая представляется высшимъ уровнемъ академическаго образованія и личнаго состава учительства, профессорства и политическаго искусства и которою нужно посолить всѣ культурныя и образовательныя учрежденія. Интересы культурнаго государства *категорически* требуютъ, чтобы нормальныя школьныя линіи группы A были поставлены особенно разумно и умѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ твердо и внѣ колебаній духа времени, уступка которому въ этомъ случаѣ равносильна духовному самоослѣпленію.

Но государство, укрѣпившее въ своей школьной сѣти нормальную школьную группу A, являющуюся какъ бы верхнимъ основаніемъ пирамидоподобной народообразова-

тельной сѣти и верхнею подвѣсною опорою истинной культуры, можетъ разумно и съ открытыми глазами идти и къ цѣлесообразнымъ *укороченіямъ* длительности школьныхъ линій группъ *A*, *B* и *C*, вызываемымъ различными условіями соціальной жизни, въ каковыхъ укороченіяхъ заинтересованъ какъ населеніе, такъ и государство, имѣя въ виду, между прочимъ, экономію времени и недостатокъ силъ духовныхъ и матеріальныхъ для оборудованія неукороченныхъ линій. Укороченныя нормальныя школьныя линіи группы *A* наполняютъ послѣдующій за верхнимъ основаніемъ нижележащій слой народообразовательной пирамиды, постепенно расширяющейся въ направленіи къ нижнему своему основанію.

Правильное укороченіе школьныхъ линій группъ *A*, *B* и *C* достигается, исходя изъ разсмотрѣнія соотвѣтствующихъ неукороченныхъ линій и выбрасывая изъ нихъ части, легко восполняемыя либо самостоятельнымъ домашнимъ занятіемъ, контролируемымъ посредствомъ системы школьныхъ наставленій и экзаменовъ и государственныхъ экзаменовъ, либо занятіемъ въ культурныхъ и промышленныхъ учрежденіяхъ внѣ школы при условіи тѣхъ же экзаменовъ.

Къ этому послѣднему способу укороченія и удешевленія нормальныхъ школьныхъ линій группы *A*, между прочимъ, принадлежитъ отнятіе тѣхъ послѣднихъ частей *факультетскаго* концентра, которыя могутъ быть восполнены службою и практическими занятіями въ культурныхъ и культурно-промышленныхъ учрежденіяхъ, способныхъ замѣнить учебно-вспомогательныя учрежденія при факультетскихъ вѣтвяхъ школы. На фабрикахъ, на механическихъ заводахъ, на заводахъ нефтяныхъ маслъ и другихъ химическихъ минеральныхъ продуктовъ, на заводахъ спирта, сахара, кожи, сала, рыбы и другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства и лова, въ культурныхъ сельскихъ, лѣсныхъ и горныхъ экономіяхъ, на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ и водяныхъ и другихъ культурныхъ путей сообщенія, въ городскихъ и земскихъ больницахъ, въ государственныхъ и общественныхъ культурныхъ учрежденіяхъ (судебныхъ, административныхъ, учебныхъ, церковныхъ, зем-

скихъ, городскихъ и пр.), въ конторахъ банковъ и торговыхъ предпріятіяхъ, въ финансовыхъ учрежденіяхъ и т. д.—во всѣхъ этихъ мѣстахъ даны культурныя арены не только для службы, но и для спеціальныхъ *учебныхъ* факультетскихъ практическихъ занятій и *ученыхъ* техническихъ открытій,—арены, часто не уступающія факультетскимъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ и даже превосходящимъ эти послѣднія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Если школа разумно сближена съ жизнью, то соотвѣтствующія послѣднимъ курсамъ факультетскія практическія занятія могутъ быть переносимы въ эти внѣшкольныя культурныя учрежденія съ укороченіемъ школьнаго факультетскаго ученія. Такимъ образомъ могутъ возникать упрощенные университеты, политехникумы, лицеи и т. д., доступные тѣмъ, для кого закрыты болѣе длительные факультетскіе школьные пути. Эти высшія школы даютъ учащимся преимущественно тѣ научныя теоріи современнаго знанія, которыя являются предпосылками современныхъ практическихъ знаній и техники, и тѣ пропедевтическія практическія упражненія, которыя предваряютъ отвѣтственное участіе въ практическомъ дѣлѣ. Пройдя этотъ укороченный факультетъ, практиканты затѣмъ служатъ и учатся во внѣшкольныхъ культурныхъ учрежденіяхъ, руководимые старшими опытными сослуживцами, а также экзаменными программами, компендіумами, указателями и спеціальною литературою. Государственный экзаменъ, который въ этомъ случаѣ долженъ руководиться мнѣніемъ ученыхъ практиковъ, повѣряетъ результаты этихъ практическихъ занятій и даетъ успѣвшимъ дополнительную оцѣнку, уравнивающую ихъ съ тѣми, кто прошелъ неукороченную соотвѣтствующую школьную линію того же рода.

Соціальныя и экономическія условія заставляютъ допускать между группами *A* и *B* народообразовательной сѣти особую промежуточную группу *C* школъ и школьныхъ линій. Школы группы *C* содержатъ соединеніе разнородныхъ нормъ педагогики, какія соотвѣтствуютъ, съ одной стороны, школамъ группы *A* и, съ другой стороны, школамъ группы *B*, и задаются цѣлью выпускать учениковъ съ нѣкоторыми повышенными (по срав-

ненію съ *B*) общими и пониженными (по сравненію съ *A*) факультетскими знаніями и навыками не въ высшую школу, а прямо въ жизнь, въ качествѣ среднихъ моральтехниковъ и техниковъ (священниковъ, учителей, техниковъ, офицеровъ и пр.). Къ этой категоріи принадлежатъ, напримѣръ, среднія коммерческія, техническія, сельскохозяйственныя школы, духовныя семинаріи, учительскіе институты, юнкерскія училища и т. д. Школы и школьныя линіи этой группы, существующія рядомъ съ нормальными и нормально укороченными школами группы *A*, удешевляютъ высшее образованіе. Школы группы *C*, поэтому, необходимы и полезны, если онѣ руководятся положительными школьными идеалами и задачами, если онѣ задаются цѣлью руководить развитіемъ положительнаго сужденія учащихся и положительныхъ навыковъ и давать такъ или иначе (на вѣру или критическимъ способомъ) лучшія наставленія, образцы и рецепты дѣйствія. Эти школы и школьные пути, которые послѣдователямъ крайняго категоризма разныхъ направленій кажутся «компромиссами», на самомъ дѣлѣ заслуживаютъ поощренія, такъ какъ онѣ вызываются категорическими и тактическими требованіями, соціальнымъ тактомъ и благими цѣлями и условіями жизни, вытекающими изъ необходимости сгладить и примирить неустранимыя жизненныя противорѣчія, развивающіяся въ бытіи и движеніи ученическихъ потоковъ, текущихъ по школьнымъ линіямъ нормальныхъ группъ *A* и *B*.

Ученическое движеніе, совершающееся по разнымъ нормальнымъ и смѣшаннымъ школьнымъ линіямъ, происходитъ не безъ треній и напряженій, зависящихъ отъ природы школьнаго процесса. Замѣчаются побочные ученическіе токи въ направленіи отъ *B* къ *C* и отъ *C* къ *A* и въ обратномъ направленіи. Явленіе это зависитъ отъ рода дарованій учениковъ и отъ множества другихъ обстоятельствъ. Въ Россіи дисгармоническія привиллегіи школъ, ведущія къ неправильной расцѣнкѣ людей по профессіямъ, создали форсированный ученическій токъ отъ *B* къ *C* и къ *A* и отъ *C* къ *A*. Въ Германіи и Англіи, наоборотъ, установилось болѣе гармоничное равновѣсіе прямого тока съ обратнымъ.

Выходы изъ школъ и непослѣдовательные переходы съ одной школьной линіи на другую, переполненіе нормальныхъ, нормально укороченныхъ и смѣшанныхъ школьныхъ линій, не вмѣщающихъ всѣхъ, кто желаетъ учиться, и разныя подневольныя и самодовлѣющія, личныя и общія обстоятельства вызываютъ массовые побочные школьные процессы и побочные ученическіе токи, показывающіе недостаточность группъ *A*, *B* и *C* для удовлетворенія насущной потребности въ образованіи. Для этихъ побочныхъ людскихъ потоковъ правильная народообразовательная система должна предусмотрѣть тактическіе выходы и подать своевременную руку помощи, дабы не толкнуть этихъ людей въ отрицательный антроподинамическій потокъ.

Ученическія коллизіи, представляющія явленія въ жизни такихъ учениковъ, которыя сдвинулись съ первоначальной линіи, по которой направила ихъ судьба, касаются интересовъ не только такъ называемыхъ неудачниковъ, но и лицъ съ особыми дарованіями,—лицъ въ которыхъ выросла внутренняя сила и потребность перейти изъ одного потока въ другой (Ломоносовъ, Фарадэй, Эдиссонъ, Кулибинъ и пр.), болѣе соотвѣтствующій характеру, духовному складу и личнымъ самодовлѣющимъ влеченіемъ. Эти люди обладаютъ иногда своеобразною, но высоко-развитою этико-соціальною грамотностью, опирающеюся на врожденную всѣмъ людямъ логику и на личный опытъ и самодѣятельность. При незначительномъ поощреніи число такихъ положительныхъ людей-самородковъ возрастаетъ въ государствѣ очень сильно. Приверженцы ортодоксальной грамотности низко оцѣниваютъ ихъ своеобразный, но мудрый логосъ. Однако, эти схоластики часто сами стоятъ ниже ихъ по пониманію соціальной и міровой закономѣрности. Недоразумѣнія эти приводятъ ко многимъ разногласіямъ въ оцѣнкахъ между практиками и теоретиками, если они, какъ экзаменаторы—судьи, лишены соотвѣтствующаго такта.

Для разрѣшенія многихъ ученическихъ коллизій необходима не только промежуточная школьная группа *C* между группами *A* и *B*, но и другія живыя свободосвязки, спайки и буферы.

Особые приготовительные классы, курсы, устраиваемые при школахъ и другихъ культурныхъ и культурно-промышленныхъ учрежденіяхъ, и программы испытательныхъ комитетовъ, оцѣнивающихъ положительныя качества, пріобрѣтенныя учениками путемъ самообразованія, суть средства для разрѣшенія ученическихъ коллизій, оздоровляющія организмъ народообразовательнаго дѣла.

Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ важностью задачъ государственнаго экзамена какъ для провиденціальной оцѣнки способностей, знаній и умѣній лицъ, такъ и для тактическаго отбора людей къ профессіямъ и народопромышленнымъ функціямъ, а равно и для наблюденія, дающаго государству эмпирическо-логическій силлогизмъ народообразовательнаго и народопромышленнаго дѣла. Въ окончательномъ итогѣ всѣ побочныя школьныя коллизіи, всѣ дисгармоніи и аномаліи, вызываемыя раздѣленіями и разностями многобразной народообразовательной системы и сѣти, практически сглаживаются и гармонизируются хорошо организованною внѣшкольною, но примыкающею къ школьной жизни системою экзамена, оцѣнки и отбора людей для жизненныхъ поприщъ, если, конечно, эта система построена съ мудрою предусмотрительностью, съ гибкою и разумною отзывчивостью на жизненныя потребности государства и общества. Школа же не можетъ разрѣшить этихъ коллизій ученическихъ интересовъ и устранить аномаліи одна, безъ особаго правильно организованнаго института судей, умудренныхъ наукою, жизненнымъ опытомъ и знаніемъ задачъ и цѣлей государства.

Институтъ этотъ въ Россіи существуетъ въ видѣ разныхъ испытательныхъ учрежденій при университетахъ и другихъ высшихъ школахъ, при учебныхъ округахъ, при среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но онъ нуждается въ оживленіи и улучшеніи организаціи и нормъ дѣйствія.

Школьно-статистическія изслѣдованія, связанныя съ экзаменами и съ прочими важнѣйшими моментами жизни учениковъ и учителей, даютъ путь точно изучать массовое народообразо-

вательное дѣло, открывать въ немъ лучшія и худшія стороны и управлять имъ, устраняя рутину и недостатки и поддерживая въ школѣ живые источники свѣта истиннаго знанія и полезныхъ навыковъ.

При разсмотрѣніи вопроса о построеніи статистическихъ сужденій по народообразовательному дѣлу, мы должны вспомнить теперь почти забытыя заслуги въ этомъ отношеніи А. Ю. Давидова, который, будучи знатокомъ примѣненій математическихъ знаній къ наукѣ объ обществѣ, въ концѣ своей жизни съ большимъ искусствомъ и интересомъ статистически оцѣнилъ уровень математическихъ знаній въ среднихъ школахъ, сдѣлавъ наблюденія посредствомъ той формы экзамена, которая называлась письменнымъ испытаніемъ зрѣлости. Замѣчанія его о преподаваніи математики въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ Московскаго учебнаго округа, основанныя на этихъ наблюденіяхъ, представляли большой интересъ, точно указывая какъ на ненормальности, такъ и на желательныя улучшенія въ постановкѣ преподаванія математики. Ненормальности эти, обусловливаемыя неудовлетворительною программою математики и схоластическимъ направленіемъ ея преподаванія, не дающаго ученикамъ живыхъ представленій о пространствѣ, о родахъ и свойствахъ величинъ и ихъ функціональной связи, о значеніи и примѣненіи математическаго вывода, остаются во всей силѣ до настоящаго времени. Эта неподвижность средней школы въ исправленіи крупнаго ея недостатка, задерживающаго работу въ высшей школѣ, составляетъ явленіе, устраненіе котораго ожидается.

Производя свои школьныя наблюденія, А. Ю. Давидовъ смотрѣлъ на письменныя испытанія зрѣлости, какъ на школьную статистическую анкету, удобную для объективнаго научно-практическаго изслѣдованія и имѣющую въ виду исправленіе недостатковъ школы, при деликатномъ отношеніи къ ея положенію, къ ея дѣятелямъ и задачамъ. Этотъ родъ школьной статистики даетъ возможность примѣнить къ оцѣнкѣ той или другой стороны школьнаго процесса общій масштабъ (въ формѣ общей для всѣхъ школъ учебнаго округа темы письмен-

наго испытанія),—масштабъ, мѣрнонекатегорическій, приводящій въ рукахъ высокообразованнаго изслѣдователя, какъ А. Ю. Давидовъ, къ точнымъ выводамъ, къ взвѣшеннымъ эмпирическо-логическимъ сужденіямъ. Такіе изслѣдователи вѣрно отмѣчаютъ и недостатки, и средства ихъ исправленія. Выводы свои А. Ю. Давидовъ сообщилъ учебнымъ заведеніямъ, покрывъ имена статистическимъ шифромъ, и эта манера означала его тактъ, который онъ считалъ необходимымъ при сообщеніи дѣятелямъ учебныхъ заведеній некатегорическихъ сужденій, имѣющихъ общее значеніе и предназначенныхъ для того, чтобы освѣдомить дѣятелей школы и помочь имъ оріентироваться, не задѣвая ихъ лично. Отсюда видно, насколько этому высокообразованному судьѣ и дѣятелю Московскаго Университета, Математическаго Общества и Учебнаго Округа чужды были съ одной стороны пассивность, неумѣстная при управленіи, а съ другой стороны безтактные укоры, которые обращаются къ людямъ, дѣйствующимъ въ школѣ не за страхъ, а за совѣсть.

Школьныя экзаменныя статистическія наблюденія по методу, которымъ пользовался А. Ю. Давидовъ, почти перестали производиться вслѣдствіе разныхъ недоразумѣній съ экзаменами зрѣлости и вслѣдствіе переходнаго состоянія, переживаемаго школою и спутавшаго подлежащія и сказуемыя школьной жизнедѣятельности. Существенныя недоразумѣнія съ этимъ средствомъ статистическаго наблюденія вытекали, между прочимъ, изъ несочувствія къ испытаніямъ зрѣлости и изъ дурного пониманія этой процедуры, вызывавшаго не тѣ послѣдствія, какія соотвѣтствовали благой цѣли и самаго экзамена, и школьно-статистическаго изслѣдованія, связаннаго съ письменными отвѣтами при общей темѣ для всѣхъ среднихъ школъ округа. Неудачная система выбора темъ, испытывавшая силы памяти, а не разумѣнія, поощряла потерю времени и силъ на «натаскиваніе» учениковъ къ экзамену зрѣлости и вызывала другія уловки. Самая обстановка письменныхъ испытаній зрѣлости имѣла нѣкоторыя излишнія осложненія, которыя считались признаками крайняго недовѣрія къ лич-

ности школы и къ ея непосредственнымъ дѣятелямъ и начальникамъ.

Однако, по устраненіи всѣхъ этихъ недоразумѣній и при условіи объективнаго и деликатнаго отношенія къ дѣятелямъ школы и къ разнымъ заинтересованнымъ сторонамъ, необходимо вернуться къ статистическимъ средствамъ изслѣдованія, объединенія и управленія массовымъ народообразовательнымъ процессомъ и притомъ необходимо расширить и оживить эти средства. Государство, задавшись ясными задачами и цѣлями образованія, имѣетъ обязанность и право производить время отъ времени общія школьныя статистическія экзаменныя изслѣдованія, повѣряющія достиженіе цѣлей однимъ масштабомъ, т. е. посредствомъ письменныхъ экзаменныхъ отвѣтовъ учащихся на одну общую тему для всѣхъ школъ той или другой округи или всей территоріи государства. Оно должно стремиться дѣлать эти и разныя другія статистическія наблюденія съ достаточною разносторонностью, имѣя въ виду разныя школьныя цѣли, идеалы и нормы, съ которыми сопоставляется измѣряемая наблюденіемъ дѣйствительность, и, поэтому, мѣняя точки приложенія своихъ мѣрилъ, т. е. мѣняя подлежащее и сказуемое того жизненнаго эмпирическаго психоаритмологическаго силлогизма, какой желательно построить статистическимъ наблюденіемъ того или другого рода. Тогда получится интересная объективная общая картина уровней познаній учащихся, правильно намѣчающая тѣ учебныя части, которыя опустились ниже нормы и требуютъ средствъ поднятія.

Само собою разумѣется, что статистическая развѣдка, связанная съ производствомъ лишь письменныхъ испытаній, при всей ея важности и практичности, все еще не полна. Принадлежа къ эпистолярной формѣ статистическаго наблюденія и управленія, такая развѣдка при легкости осуществленія страдаетъ всѣми недостатками бумажнаго дѣлопроизводства. Эпистолярныя статистическія формы управленія такимъ живымъ дѣломъ, какъ народообразовательное, не могутъ всецѣло замѣнить живыхъ статистическихъ процессовъ управленія, которые состоятъ въ съѣздахъ и совѣщаніяхъ директоровъ, учителей и дѣяте-

лей народообразовательнаго дѣла при учебно-административныхъ центрахъ. Подлежащія и сказуемыя жизненныхъ силлогизмовъ, эмпирически выясняемыхъ такими совѣщаніями, должны охватывать въ программной послѣдовательности весь школьный процессъ. Недоразумѣнія, связанныя съ совѣщаніями, должны быть устраняемы, но не должны служить поводомъ къ тому, чтобы ослабить этотъ способъ изслѣдованія и мудраго государственнаго управленія.

Совѣщаніями свѣдующихъ людей при округахъ и въ центральномъ управленіи главные недостатки средней школы выяснились глубоко и всесторонне для лицъ, посвященныхъ въ идеалы и основныя задачи школы. Эти недостатки въ отношеніи школъ группы *A* состояли, между прочимъ, въ чрезмѣрно долгомъ пребываніи ученической мысли на нѣкоторыхъ, хотя и важныхъ, ступеняхъ лѣсницы познанія и воли. Лѣсница эта, какъ мы уже говорили, велика, а гимназіи и реальныя училища стояли, во все продолженіе своего курса, главнымъ образомъ на нижнемъ ея концѣ, изучая нижнюю ступень съ изумительною тщательностью, необходимою развѣ для спеціалиста, и не заботясь обозрѣть ее всю по вышеупомянутому правилу: non multum, sed multa.

Однако, наступившее переходное время средней школы, вызванное благими намѣреніями устранить выясненные школьные недостатки и нужды, еще не дало ожидаемаго улучшенія дѣла вслѣдствіе существенныхъ неблагопріятныхъ вліяній. Обозрѣніе лѣстницы познанія и воли теперь дѣлается, но оно, къ сожалѣнію, облеклось въ поверхностныя діалектическія и беллетристическія формы сужденія и опыта, при прежнемъ застоѣ, между прочимъ, въ усвоеніи христіанской и гражданской этики и азбуки научнаго познанія, т. е. математическихъ элементовъ. Математика, ея оцѣночная роль, ея геометрическо-этическая координація и психоаритмологическое сужденіе и ея математическо-діалектическо-эмпирическій методъ дѣятельнаго познанія оставлены въ средней школѣ на прежней нижней ступени.

Эти недоразумѣнія переходнаго времени, надо полагать, въ значительной степени сократятся при окончательной централь-

ной статистической обработкѣ собранныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія матеріаловъ, поступившихъ отъ свѣдущихъ людей чрезъ учебные округа и непосредственно. Центральный статистикъ, подготовляющій окончательный мотивъ школьной реформы, еще занятъ переработкою этихъ обширныхъ матеріаловъ и не сказалъ своего окончательнаго вывода. Само собою разумѣется, что онъ, при всей тщательности своей работы, не избѣжитъ всѣхъ недоразумѣній и рисковъ. Добросовѣстные люди не осудятъ его за эти неизбѣжныя противорѣчія и сопряженные съ ними риски, лишь бы замышляемая реформа по существу своего направленія не увлеклась ложнымъ духомъ.

Существуютъ въ литературѣ по школьному дѣлу наклоны и къ ложной школьной реформѣ; а потому центральный статистикъ долженъ остерегаться сѣтей лжи, которая искусно умѣетъ опутывать мысль и волю реформаторовъ. Обиліе естественныхъ противорѣчій въ народообразовательномъ дѣлѣ даетъ приверженцамъ ложныхъ школьныхъ реформъ множество поверхностныхъ аргументовъ для ихъ школьныхъ теорій: 1) для толстовскаго общаго отрицанія значенія всѣхъ высшихъ знаній и высшихъ формъ народнаго образованія и народнаго труда, 2) для неэтической демократической школьной теоріи, требующей стереть характерное различіе школьныхъ группъ *A*, *B* и *C* и обнимаемыхъ ими разнообразныхъ школьныхъ линій и замѣнить это многообразіе общимъ унитарнымъ школьнымъ потокомъ *X* съ лоскомъ демократическо-беллетристическаго образованія, съ тою легкою грамотностью этико-соціальнаго сужденія, которая характеризуетъ иногда блестящій, но плохо ассоціированный по внутреннему смыслу политическій паѳосъ поверхностнаго журналиста, поверхностнаго государствовѣда, поверхностнаго общественнаго дѣятеля, поверхностнаго беллетриста-ученаго, беллетриста-философа и беллетриста-теолога и которая въ сущности является нелогичностью и этико-соціальнымъ безграмотствомъ (плохою геометрическо-этическою координаціей мотивовъ и плохою внутреннею логическою ассоціаціей понятій и идей), и 3) для неэтической

аристократической теоріи народообразовательнаго дѣла, требующей особой категорической спеціализаціи людей, а именно категорическаго присоединенія патриціевъ къ группѣ *A*, а плебеевъ къ группѣ *B*. Всевозможные самоувѣренные Титы Титычи и Митрофаны Простаковы, желающіе проявлять въ образовательномъ дѣлѣ дикую «самодѣятельность», лишенную истиннаго пониманія какъ границъ своего правомочія, совмѣстимаго съ благомъ, такъ и святости правъ Церкви и Академіи и высшихъ правомочій Государства и его политическихъ автономій, требуютъ отъ государства и отъ учебнаго вѣдомства либо безразличія и пассивности, либо насилія надъ живымъ организованнымъ многообразіемъ народобразовательнаго дѣла въ угоду ихъ соціальнымъ кумирамъ.

Государство, имѣющее свое историческое активное аристологическое (аристологія дана въ христіанствѣ и въ христіанской наукѣ) міросозерцаніе, должно относиться къ реформаторскимъ запросамъ жизни, обнаружившимъ себя въ статистическихъ совѣщательныхъ матеріалахъ, идущихъ отъ мірской совѣсти, отъ жизненной общественной и дѣловой среды, внимательно, но не безразлично и не пассивно. Оно имѣетъ свое естественное право и мыслемѣрило и обязано своимъ здравымъ разсудочнымъ процессомъ правомочно отвѣвать нездравые факты, опыты, индукціи, замыслы и запросы, относясь сочувственно ко всѣмъ здравымъ и выполнимымъ желаніямъ, не противорѣчащимъ праву и существеннымъ интересамъ прикосновенныхъ сторонъ. Этимъ путемъ статистическаго отбора эмпирическихъ сужденій о народообразовательномъ дѣлѣ, собранныхъ отъ свѣдущихъ и просвѣщеннѣйшихъ людей, русское правительство вмѣстѣ съ положительною частью общества уже создало въ Россіи народное образованіе, требующее однако новаго и новаго дифференціальнаго развитія и интегральнаго напряженія силъ. На этомъ пути нельзя отставать русскому народу, центральныя области котораго по разнообразію и плотности школьной сѣти, къ сожалѣнію, слабѣе не только западно-европейскихъ государствъ, но и многихъ русскихъ окраинъ.

Народообразовательное дѣло находится подъ дѣйствіемъ многочисленныхъ вліяній, которыя часто оказываются сильнѣе вліянія школы и ея дѣятелей. Поэтому не слѣдуетъ возлагать на школу надеждъ, которыхъ она не можетъ оправдать. Вліяніе школы условное и ограниченное. Школьное вліяніе пріобрѣтаетъ значеніе лишь при тщательномъ синтезѣ его съ прочими вліяніями и съ вліяніемъ крупнѣйшей собирательной личности, т. е. государства.

Массовый народообразовательный процессъ соединенъ нѣкоторою свободосвязностью съ жизненнымъ народопромышленнымъ и народопрофессіональнымъ дѣломъ и экономическимъ успѣхомъ. Объ этой свободосвязности не будемъ говорить здѣсь подробно, но отмѣтимъ важность заботы о ея организаціи при помощи особаго посредничества между школами и дѣловою жизнью,—посредничества, не только дѣлающаго статистическій отборъ подготовленныхъ лицъ для жизненныхъ поприщъ, но и облегчающаго первые шаги жизни выпущеннаго въ нее школяра. Эта «пшеница» требуетъ государственнаго страхованія отъ «огня», отъ «града» и другихъ истребителей и бичей. Государство можетъ помочь въ международномъ и внутреннемъ состязаніи слабыхъ самодѣятельныхъ ученическихъ силъ съ крупными міровыми силами. Въ противномъ случаѣ плоды школы погибаютъ, такъ какъ наступаетъ разладъ, ставящій ученичество подъ удары фатальной случайности и облегчающій захваты жизненныхъ поприщъ дѣятелями, пришлыми извнѣ. „Тарифъ“, покровительствующій внутреннему рынку, болѣе необходимъ въ отношеніи распредѣленія и помѣщенія личныхъ цѣнностей, фабрикуемыхъ школою, нежели въ отношеніи сбыта товаровъ. Экономическій успѣхъ государства тѣсно связанъ съ охраною и удачнымъ помѣщеніемъ этихъ личныхъ цѣнностей и силъ. Народъ, который въ этомъ отношеніи не умѣетъ постоять за себя, обреченъ на эксплуатацію пришлыхъ дѣльцовъ, захватывающихъ какъ иниціативы дѣйствія, такъ и самыя поприща дѣятельности и труда.

При заботѣ государства и общества о молодыхъ личныхъ

цѣнностяхъ невольныя недоразумѣнія создаются раздѣленіемъ властей и прочихъ автономій, и устраненіе этихъ недоразумѣній требуетъ искусства и такта. Междувѣдомственная дисгармонія мѣшаетъ правильно связать народообразовательный трудъ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ народопромышленнымъ трудомъ, завѣдываемымъ Министерствами Финансовъ, Земледѣлія, Путей Сообщенія и пр. Эти неучебныя вѣдомства могутъ, конечно, задавать школамъ свои уроки. Для этой цѣли они даже завели свои школы и школьныя линіи, ведущія учениковъ отъ альфы до омеги; ученичество же собственно учебнаго вѣдомства остается оторваннымъ отъ жизни, получая проблематическіе «дипломы» и отправляясь съ ними въ жизнь на всѣ четыре стороны, такъ какъ учебное вѣдомство не имѣетъ спеціальныхъ приспособленій устраивать карьеры своихъ учениковъ. Вѣдомства неучебныя ведутъ учебную функцію и даютъ карьеру, получая расположеніе общества; а учебное вѣдомство при неправомочіи въ устройствѣ карьеръ не можетъ помочь своему ученичеству, возбуждая противъ себя неудовольствіе общества, основанное на обвиненіи въ безпечномъ выбрасываніи на улицу неприспособленныхъ къ жизни учениковъ. Эти соціальныя дисгармоніи, дѣйствуя какъ бактеріи, прогрызающія спеціальное учебное вѣдомство съ боковъ и снизу, угрожаютъ самому существованію Министерства Народнаго Просвѣщенія. Дисгармоніи эти, конечно, противорѣчатъ не буквѣ, а духу закона, вносящаго въ функціи государства и соціальной жизни извѣстныя раздѣленія для блага, а не для хаоса, и могутъ быть устранены учрежденіемъ института для равномѣрнаго покровительства ученичеству при выходѣ его изъ школы въ жизнь.

Однако, государство, охраняя личныя молодыя силы и необходимые для нихъ народные промыслы и професіи отъ разныхъ неблагопріятныхъ условій и отъ чужеземныхъ посягательствъ, не можетъ принять на себя всю отвѣтственность за жизненные успѣхи и карьеры учениковъ, такъ какъ сами ученики и всѣ прочія автономіи, участвующія во вліяніяхъ на массовый народообразовательный и

народопромышленный процессъ, несутъ на себѣ и долю отвѣтственности. На школу и на самихъ школьниковъ, обязанныхъ вырабатывать въ себѣ дисциплины и навыки, т. е. истинную самодѣятельность, требующую такта и недопускающую ни пассивности, ни игнорирующаго чужое правомочіе самоуправства, падаетъ большая доля отвѣтственности, такъ какъ имъ и ихъ доброй волѣ и труду принадлежитъ въ синтезѣ всѣхъ вліяній свой плюсъ или минусъ. Школьный плюсъ этотъ обнаруживаетъ себя въ быстротѣ развитія духовныхъ и матеріальныхъ силъ населенія, въ успѣхахъ науки, промышленности и техники, опирающихся на здравое ученическое логическое этико-соціальное сужденіе, на здравую дисциплину и энергію личнаго ученическаго психомоторнаго центра, т. е. сердца, которое нужно хранить, какъ высшую личную цѣнность, являющуюся духовнымъ источникомъ жизни, ея движеній, желаній и надеждъ (Сравн. Притч. Солом., IV, 23).

32. Гармоническая связность, законы которой опредѣлялись основателями Московской математической школы, должна находить себѣ выраженіе въ педагогикѣ, какъ наукѣ и искусствѣ. Желательно опредѣлить положеніе въ университетѣ каѳедры педагогики, научно разрабатывающей и преподающей эту спеціальность. Министерство Народнаго Просвѣщенія предложило историко-филологическому факультету представить соображенія о введеніи въ университетѣ каѳедры педагогики. Историко-филологическій факультетъ, обсудивъ означенный вопросъ, единогласно высказался *за* учрежденіе каѳедры педагогики для историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ *совмѣстно*. Историко-филологическій факультетъ имѣлъ въ виду, что при этой совмѣстности каѳедра педагокики, служа развитію одной изъ важнѣйшихъ отраслей научно-практическаго знанія, въ то же время явится однимъ изъ средствъ гармоническаго объединенія историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ, составлявшихъ когда-то одинъ общій философскій факультетъ. Такое объединеніе является въ настоящее время желательнымъ и необходимымъ. Обладая своимъ матеріаломъ, входящимъ въ

кругъ логики, философіи, психологіи, физіологіи и соціологіи, физико-математическій факультетъ можетъ внести въ это гармоническое объединеніе съ историко-филологическимъ факультетомъ благотворное оплодотворяющее вліяніе на развитіе знаній вообще и на развитіе педагогики.

Математическій элементъ, какъ мы видѣли, даетъ для оцѣнки и критики міросозерцаній, началъ, причинъ, функцій, цѣлей и всѣхъ вообще системъ точные вѣсы, охраняющіе истинную свободу мысли отъ двойственности философскихъ, научныхъ, историческихъ, педагогическихъ, политическихъ и этическихъ опредѣленій, если пользующійся этими вѣсами самъ себя не запутываетъ въ ложныхъ опредѣленіяхъ, оцѣнкахъ и логическихъ кругахъ вслѣдствіе поверхностнаго отношенія. Выясненію этой стороны дѣла помогаютъ взгляды союза основателей Московскаго Математическаго Общества, ихъ философское, педагогическое, ученое и практическое міросозерцаніе. Оно, между прочимъ, ясно показываетъ, что ни теорія и практика познанія, ни логика, ни физіологія, ни психологія, ни, слѣдовательно, педагогика, ни личная, соціальная и міровая психофизіологія не могутъ обойтись безъ азбуки точныхъ наукъ т. е. безъ математическаго такта и элемента. Всеобщее гармоническое объединеніе научныхъ знаній и университетскихъ каѳедръ зиждется не только на словѣ (филологіи), но и на математикѣ. Если съ этой точки зрѣнія взглянуть на различныя прекрасныя программы, введенія, курсы и сравнительныя очерки по исторіямъ педагогики и педагогической психологіи, а также по исторіямъ философской мысли, науки, культуры, политики, права и т. д., которыя составляются историко-филологическими, естественно-историческими, юридическими и богословскими факультетами, то окажется, что въ нихъ всего много и все это чрезвычайно интересно, но все это очень часто предлагается въ формѣ то диссоціаціи неорганизованныхъ идей, то случайной ассоціаціи, имѣя калейдоскопическій характеръ за отсутствіемъ систематизирующаго и координирующаго ключа. Возстановленіе этой координаціи тормозится вслѣдствіе крайняго дробленія знаній, необхо-

димаго въ цѣляхъ спеціализаціи, и, между прочимъ, вслѣдствіе раздѣленія факультетовъ Богословскаго, Историко-Филологическаго, Юридическаго и Физико-Математическаго *при отсутствіи въ подготовительномъ общемъ (среднемъ) образованіи объединяющаго логическаго философско-математическаго фундамента.*

Это раздѣленіе у однихъ оставило гармоническую и тактическую координацію матеріала безъ самаго матеріала, а у другихъ—матеріалъ безъ координаціи. Отъ этого пострадали многія науки и многія дѣла синтетическаго характера, требующія всеобщаго логическаго, практическаго и этическаго синтеза, къ каковымъ дѣламъ на первомъ планѣ принадлежитъ педагогическое дѣло во всѣхъ его функціяхъ: священническихъ, учительскихъ и профессорскихъ.

Педагогика, какъ искусство популяризовать науки, имѣетъ цѣль, въ которой заинтересованы всѣ университетскія каѳедры. Но ближайшее отношеніе къ педагогикѣ имѣютъ, кромѣ теологіи, филологія и математика, идущія рука объ руку въ гармоническомъ объединеніи наукъ посредствомъ заключенныхъ въ нихъ научно-философскихъ основъ. Отсюда вытекаетъ естественность объединенія историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ именно посредствомъ совмѣстной каѳедры педагогики. Это совмѣщеніе возможно не по формѣ только, а по содержанію и духу и по внутренней связи психологическихъ дисциплинъ.

Мысленно мы идемъ еще далѣе въ желаніи путемъ гармоническаго объединенія знаній возвысить общій уровень научнаго образованія. Мы полагаемъ, что, съ одной стороны, каѳедра педагогики должна развиться въ спеціальный факультетъ, въ *Нормальную Школу* для подготовки гимназическихъ учителей, а, съ другой стороны, основные элементы того гармоническаго познавательнаго объединенія, которое должно входить въ пропедевтическое образованіе педагога, обязаннаго быть живымъ цѣльнымъ человѣкомъ и прежде всего человѣкомъ, должны гармонически объединять и *всѣ* прочіе факультеты, подготовляющіе для государства и общества истин-

ную интеллигенцію. Очевидно, эти элементы должны войти въ *среднюю* школу, подготовляющую молодыхъ людей къ высшему образованію и могущую создать въ умахъ своихъ питомцевъ внутреннюю связность убѣжденныхъ поколѣній. Въ русской школѣ съ ея высокими, но диссоціированными идеалами безусловно необходимъ этотъ элементъ общаго образованія, параллельный Закону Божію, какъ ученію о благодати, и необходимый какъ ученіе о соціальной морали, какъ точная организація, ассоціація и апологія всѣхъ истинныхъ этико-соціальныхъ идеаловъ здравой интеллигенціи и какъ идеалистическо—реальная координація всѣхъ интеллигентныхъ службъ и моральнотехническихъ дѣлъ. Во французскихъ лицеяхъ преподается французская гражданская мораль; въ русскихъ гимназіяхъ желательно преподавать (въ старшихъ классахъ) *русскую* гражданскую этику, научно-философски обоснованную и согласованную съ авторитетнымъ міросозерцаніемъ русскаго государства. Это преподаваніе называютъ (подъ другимъ угломъ зрѣнія) *законовѣдѣніемъ*, каковое названіе встрѣчается и у Н.В. Бугаева въ одномъ изъ его упоминаемыхъ ниже Петербургскихъ докладовъ (въ коммисіи объ улучшеніяхъ въ средней общеобразовательной школѣ). Однако терминъ этотъ впослѣдствіи подалъ поводъ къ недоразумѣніямъ относительно содержанія этого предмета, заставляя думать, что здѣсь разумѣется преподаваніе новаго логически-неорганизованнаго сухого балласта фактовъ и перечней изъ практическаго законовѣдѣнія, а не школьно-академическая филолого-математическая (логическая, геометрическо-этическая, словесно-этическая, морально-ариѳметическая и юридическая) общая координація міросозерцанія учащихся по отношенію къ закономѣрностямъ, являемымъ такою конкретною собирательною живою личностью, какъ русское государство съ его Закономъ, т. е. общимъ сводомъ мѣрилъ отношенія къ Богу, міру, Государю, Родинѣ, родовымъ собирательнымъ личностямъ и отдѣльнымъ гражданамъ.

Что же касается упомянутой *русской* (ожидаемой) Нормальной Школы, то она, внѣдряясь въ современный многораз-

дробленный по спеціальностямъ университетъ, какъ одинъ изъ его спеціальныхъ факультетовъ, и какъ наивысшая изъ высшихъ университетскихъ школъ а именно, какъ высшая учительская школа, можетъ возродить въ себѣ многіе черты стараго гуманитарнаго университета и вмѣстѣ съ тѣмъ осуществить высшую форму связи историко-филогическихъ и физико-математическихъ дисциплинъ,—связи, построенной на почвѣ единаго всеобъемлющаго авторитетнаго русскаго міросозерцанія, обнимающаго и родовыя задачи Отечества.

Мнѣніе о необходимости объединенія историко-филологическаго познанія съ физико-математическимъ есть новое, но уже не первое выраженіе мудраго голоса просвѣщеннѣйшихъ нашихъ гуманистовъ и классиковъ за необходимость математики въ системѣ гуманитарныхъ знаній. Истинные гуманисты знаютъ, что недостаточно слово и не достаточны также слово и дѣло и что необходимы *мысли*, *слово и дѣло*, разсматриваемыя познающимъ глазомѣна почвѣ Истины и Закона. Этимъ гуманистамъ, филологоматематикамъ, обязаны своимъ возникновеніемъ старо-гуманитарныя гимназіи и старый философскій университетскій факультетъ (до раздѣленія его на факультеты историко-филологическій и физико-математическій). Это истинное гармоническое единство школы (которое, не исключая многообразія и некатегорическаго раздѣленія познавательныхъ функцій, опирается на единство психическаго примата и его всеобщей логики и на единство этическихъ началъ міра и которое не слѣдуетъ смѣшивать съ механическимъ и формальнымъ единствомъ) отстаивали просвѣщеннѣйшіе русскіе Министры Народнаго Просвѣщенія, изъ числа которыхъ наиболѣе замѣтный слѣдъ своими иниціативами и благотворными, освобождающими отъ мертвенности, вліяніями оставили графъ Уваровъ и Боголѣповъ. Это же внутреннее единство отстаивали наиболѣе выдающіеся профессора Московскаго университета, которые, разноглася въ частныхъ вопросахъ, никогда не расходились въ основахъ міросозерцанія и никогда не мирились съ мертвящимъ формализмомъ въ программахъ и дисциплинахъ школъ, созданнымъ бюрократическимъ матеріализмомъ

и фатализмомъ канцелярій, комитетовъ и департаментовъ. Истинно просвѣщенные люди Московскаго университета (и въ ихъ числѣ такіе антагонисты какъ Чичеринъ, Дмитріевъ и другіе и ихъ академическіе противники: Катковъ, Леонтьевъ и Любимовъ) понимали одинаково глубоко, что гуманитарное образованіе существовало лишь до осуществленія мертвящаго категорическаго раздѣленія философскаго факультета на два факультета: историко-филологическій и физико-математическій.

Не только Контовскія, Миллевскія, Спенсеровскія и пр., но и Кантовскія, Гегелевскія, Шопенгауэровскія и пр. философскія раздѣленія и соотвѣтствующія имъ практическія (политическія и педагогическія) раздѣленія и конституціи *мертвы*. Они мертвою гранью и мертвыми терминами отдѣляютъ мысль отъ воли и дѣла, эмпирію отъ умозрѣнія, филологію и словесность отъ математики, юридическую форму отъ совѣсти, судебную власть отъ прочихъ властей и отъ силы, государство отъ общества и отъ индивидуума, природу отъ ея Творца. Между тѣмъ необходимая отдѣляющая грань здѣсь должна быть не мертвою, но живою, *мыслемпрною*. Пусть это явленіе будетъ правильно понято хотя бы только педагогами, прошедшими вышеуказанную университетскую Нормальную Школу, и пусть эти понятія будутъ посѣяны ими въ болѣе широкой средѣ, въ гимназіи,—и это уже было бы побѣдою истиннаго познанія и истиннаго гуманизма. При этихъ понятіяхъ и спеціализація и свобода служили бы не узости и не хаосу, а тактической изощренности и гармоніи (физической и моральной).

Не слѣдуетъ уничтожать естественнаго раздѣленія, ибо раздѣленіе (дифференціація, перерывъ) также жизненно и необходимо, какъ и объединеніе. Этому мнѣнію даетъ глубокое обоснованіе Московская философско-математическая школа. Но она утверждаетъ, что раздѣленіе должно быть гармоническое, мѣрное, тактическое, изощряющее анализъ и синтезъ посредствомъ психоаритмологическаго ретроспективно-провиденціальнаго мышленія, а не слѣпо произвольное и не тупо категорическое и механическое; объединеніе также должно быть гармоническое, логическое, психоаритмологиче-

ское, міросозерцающее въ духѣ и истинѣ, а не слѣпопроизвольное и не тупо категорическое и механическое. Она освѣжаетъ идеи Лейбница о предустановленной гармоніи; она съ точки зрѣнія современной математической науки и современнаго опыта указываетъ психологическій и логическій законъ *предустановленной идеально-реальной гармоніи*, дѣйствующей въ мірѣ и въ человѣческомъ обществѣ и основанной на единствѣ сознанія и его ретроспективно-провиденціальной власти (мыслемѣрной свободы воли), при раздѣленіи функцій собирательнаго сознанія живыми психоаритмологическими и физическими гранями, зависящими не только отъ буквы и отъ формулы, но и отъ живаго творящаго духа и его математическо-діалектическо-эмпирическаго логоса.

Московская математическая школа выражала свое убѣжденіе въ томъ, что существующее мертвое отдѣленіе математическихъ элементовъ познанія отъ дисциплинъ юридическаго факультета въ высшей степени неблагопріятно отражается также и въ этой сферѣ образованія. Истинно просвѣщенные юристы, конечно, знаютъ эту академическую дисгармонію юриспруденціи. Вотъ почему Юридическій Факультетъ Московскаго университета, между прочимъ, сочувственно отнесся къ заявленію математической каѳедры о преподаваніи математическихъ дисциплинъ съ приложеніями къ юриспруденціи для студентовъ—юристовъ *). Но при недавнемъ

*) Заявленіе объ этомъ преподаваніи высказанное математическою каѳедрою посредствомъ особой записки, подписанной, между прочимъ, основателями Математическаго Общества В. Я. Цингеромъ и Н. В. Бугаевымъ, обсуждалось Юридическимъ Факультетомъ въ январѣ 1898 года, и предметъ былъ включенъ въ учебный планъ Юридическаго Факультета, хотя желательный курсъ (теорія вѣроятностей съ приложеніями къ наукѣ объ обществѣ) до сихъ поръ не осуществился за отсутствіемъ преподавателя. Записка математической каѳедры представляетъ интересъ по мотивировкѣ. Приводимъ извлеченіе изъ этого документа.

„Въ Юридическій факультетъ. Теорія вѣроятностей съ ея приложеніями сдѣлала въ послѣднее полустолѣтіе немало успѣховъ, которыми она обязана въ значительной степени русскимъ ученымъ. Достаточно упомянуть, напримѣръ, имена Буняковскаго, Давидова и особенно Чебышева.

сужденіи о реформѣ университетскаго строя эта живая потребность юридическаго образованія была, кажется, забыта и похоронена въ массѣ словъ, цыфръ и проектовъ.

32. Мы вошли въ подробное разъясненіе всего вышеизложеннаго ради того, чтобы выяснить по мѣрѣ нашихъ силъ,

---

„Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что содержаніе той или другой науки нельзя безъ ущерба для дѣла отдѣлять отъ основныхъ ея методовъ. Такое ненормальное разобщеніе всегда порождало застой, препятствующій правильному истолкованію соотвѣтствующихъ явленій, лишая, съ другой стороны, методологію возможности изощряться посредствомъ цѣлесообразнаго ея примѣненія. Къ сожалѣнію, такое разобщеніе, вредное для успѣховъ образованія, существуетъ между юридическими науками, вѣдающими явленія общественной и государственной жизни, и теоріей вѣроятностей, которая даетъ математическіе методы для систематическаго изслѣдованія этихъ явленій. Ненормальность такого положенія характеризовалъ профессоръ Янсонъ слѣдующими словами: „Къ сожалѣнію, статистики мало знакомы съ теоріей вѣроятностей, а математики, прилагавшіе математическія вычисленія къ анализу числовыхъ данныхъ объ общественныхъ явленіяхъ, смотрѣли на нихъ какъ на отвлеченныя величины, не принимали въ разсчетъ особыхъ свойствъ этихъ явленій, и поэтому приходили къ выводамъ граничащимъ съ нелѣпостью“ („Теорія статистики“, стр. 490. Спб. 1891). Необходимость устраненія этого разобщенія посредствомъ надлежащаго обезпеченія преподаванія на Юридическомъ факультетѣ теоріи вѣроятностей съ ея приложеніями къ явленіямъ общественной жизни мотивируется многими соображеніями. Такъ, ученіе о вѣроятностяхъ даетъ строгое выраженіе и полное истолкованіе такъ называемаго закона большихъ чиселъ, т. е. массовыхъ явленій, къ которымъ принадлежатъ, между прочимъ, явленія жизни общественной и государственной. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта наука даетъ методы для изысканія наиболѣе осторожныхъ предположеній, относящихся къ будущимъ случайнымъ явленіямъ, напримѣръ, къ явленіямъ экономической и финансовой жизни. Наконецъ, для образованнаго юриста не можетъ не представлять интереса примѣненіе теоріи вѣроятностей къ свидѣтельствамъ и судебнымъ рѣшеніямъ.

„Такъ какъ въ настоящее время при изслѣдованіи общественныхъ явленій нельзя обойтись безъ всякихъ свѣдѣній по теоріи вѣроятностей, то отчасти выводы ея и теперь сообщаются на юридическомъ факультетѣ; но, къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія, при скудности ихъ, крайне отрывочны, не всегда точны и притомъ предлагаются студентамъ на вѣру т. е. безъ всякихъ доказательствъ, необходимыхъ не только для убѣдительности, но и для отчетливаго пониманія границъ примѣненія сообщае-

что есть широкое геометрическо-этическое и аритмологическое міросозерцаніе и соотвѣтствующая этому міросозерцанію широкая общая тактическая и гармоническая, ретроспективно-провиденціальная психо - аритмо - механическая (психофизіологическая) формула міровыхъ закономѣрностей и что разъясненіе основныхъ общихъ элементовъ этой формулы мы можемъ найти у основателей Московскаго Математическаго Общества. Эта формула дѣйствительно открываетъ сознанію координированные истинно раціональные выходы и въ царство физической необходимости, и въ царство истинной гуманности, истинной свободы, права и истиннаго долга,—однимъ словомъ во всѣ области, какими интересовалась упорядоченная критическая человѣческая мысль, гордясь по справедливости своими завоеваніями въ нихъ. Эта формула азбучная; но эту азбуку мудрецовъ многіе плохо понимаютъ, искажаютъ и игнорируютъ въ наукѣ, въ школьномъ образованіи и въ примѣненіи къ человѣческому обществу.

Не многолюденъ былъ академическій союзъ основателей Московскаго Математическаго Общества; но это былъ союзъ истинно мудрыхъ, сплотившійся въ цѣляхъ развитія принциповъ точнаго познанія и лучшихъ принциповъ практики,

---

мыхъ методовъ. Въ оправданіе такого ненормальнаго положенія приводилось соображеніе, что математическій анализъ вѣроятностей требуетъ примѣненія высшей математики, знакомства съ которой нельзя ожидать отъ студентовъ юридическаго факультета. Но въ настоящее время это соображеніе утратило свое значеніе, благодаря трудамъ Чебышева и усиліямъ послѣдующихъ русскихъ математиковъ. Выдающаяся заслуга Чебышева заключается не только въ томъ, что онъ далъ болѣе общее математическое выраженіе закона большихъ чиселъ, но также въ томъ, что онъ необычайно упростилъ доказательство этой важнѣйшей теоремы теоріи вѣроятностей. Нынѣ всѣ существенныя части этого ученія и его приложенія могутъ быть преподаны учащимся элементарно, основываясь на математическихъ познаніяхъ, опредѣляемыхъ гимназическою программою. Такимъ образомъ, этотъ предметъ можно сдѣлать доступнымъ для студентовъ юридическаго факультета. Само собою разумѣется, что лекціи по теоріи вѣроятностей, приспособленныя для юристовъ, должны отличаться отъ курса, преподаваемаго математикамъ; но онѣ могутъ сохранить строгую научность при обильномъ содержаніи».

посвятившій излюбленному дѣлу значительную часть своихъ силъ, предъявлявшій къ своей мысли, совѣсти и власти высокія требованія и часто дополнявшій и остерегавшій другъ друга въ своихъ совѣщаніяхъ, разномысліяхъ и совмѣстныхъ трудахъ. Эти свойства союза и руководимой имъ школы, запечатлѣвшіяся въ разныхъ документахъ Общества, въ его опубликованныхъ протоколахъ и отчетахъ, въ разныхъ ученыхъ и философскихъ трудахъ и въ практической, по видимому, скромной и малозамѣтной, а по смыслу весьма важной и назидательной дѣятельности, повышаютъ академическій авторитетъ союза, давая его мнѣнію высокій коеффиціентъ довѣрія въ разныхъ плоскостяхъ міросозерцанія и дѣла. Мы хотимъ сказать, что этой цѣльности и полноты не было бы, если бы разсѣчь этотъ живой союзъ. Полнота міросозерцанія и авторитета принадлежитъ всему союзу, не дозволяя отдѣлить Н. В. Бугаева отъ В. Я. Цингера, В. Я. Цингера и Н. В. Бугаева отъ Ѳ. А. Бредихина, А. Ю. Давидова и П. Л. Чебышева и всѣхъ этихъ отъ остальныхъ. Мы старались взвѣсить этотъ авторитетъ по всей совокупности его болѣе характерныхъ мнѣній, опредѣляя оцѣнку совѣсти, мысли и дѣла этого избраннаго союза.

Отмѣчая то обстоятельство, что Московская математическая школа стремилась по мѣрѣ силъ выяснить важную въ дѣлѣ точнаго познанія роль не только внѣшняго чувства и ощущенія, но и внутренняго импульса сознанія и воли и этическихъ началъ и мотивовъ, мы не хотимъ преувеличивать заслугъ этой школы по сравненію съ трудами другихъ школъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Мы даже ставимъ ей въ особую заслугу ея связь съ прошлымъ въ этихъ вопросахъ, бывшихъ достояніемъ великихъ мыслителей какъ древняго, такъ и новаго міра. Мудрѣйшіе изъ западно-европейскихъ философовъ-математиковъ и естествоиспытателей давно признали безусловную необходимость въ точномъ научномъ познаніи этическихъ началъ, координаціи положенія, соотвѣтствія, такта, дисциплины, гармоніи и ариѳметическихъ законовъ мѣрной свободы, и, напримѣръ, біофизикъ и соціалфизикъ

Бюффонъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ философовъ-естествоиспытателей, назвалъ свою соціальную теорію не моральнымъ анализомъ, а *моральною ариѳметикой*. Однако Московская математическая школа, храня связь съ прошлымъ общечеловѣческой мысли, не была подражательною, оставалась истинно самодѣятельною и внесла въ науку, философію и практику оригинальные элементы, соотвѣтствующіе русскому самосознанію.

Помня связь русской науки и образованности какъ съ древнею и средневѣковою образованностью, такъ и съ новою наукою Запада, Николай Васильевичъ Бугаевъ носилъ въ себѣ особенно яркіе образы сознанія русской и славянской обособленности, самодовлѣющей оригинальности и самобытности. Эта важная черта его личности и его таланта выливалась въ дѣлаемыхъ имъ характеристикахъ міроваго положенія русскаго государства и русскаго самосознанія. Вотъ одна изъ такихъ его характеристикъ отношенія Россіи къ средневѣковой Европѣ (къ Византіи и Риму) и къ Европѣ новыхъ временъ:

«Сближеніе съ Европой имѣетъ то значеніе, что оно практически внесло въ наши отношенія къ человѣчеству христіанское начало солидарности и сближенія. Ни одинъ народъ не можетъ вполнѣ развиваться и совершенствоваться, если онъ отрицаетъ въ своей жизни это начало. Однако это начало вовсе не означаетъ, чтобы народъ рабски слѣдовалъ за всѣми указаніями Европы.

«Мы европейцы и арійцы, но можемъ и должны примыкать къ классическому міру по своему.

«Между нами и классическимъ міромъ стоитъ христіанство, наша внѣшняя и внутренняя природа и своеобразная историческая жизнь.

«Если мы всмотримся въ Европу, то замѣчаемъ тамъ двѣ расы: романскую и германскую.

«Для романской расы латинскій языкъ есть тоже, что и церковно-славянскій для насъ. Онъ есть языкъ церкви и языкъ, послужившій коренною основою для языковъ французскаго,

италіянскаго, испанскаго и португальскаго. Что же касается до Германіи, то, благодаря своеобразнымъ историческимъ условіямъ, германцы въ теченіе 600 лѣтъ воображали, что они римляне и что Германская есть Римская имперія. Судъ, право, лѣтописи, литература и вся образованность проявлялись въ Германіи на латинскомъ языкѣ.

«Изучая латинскій языкъ, германецъ прямо и непосредственно примыкаетъ къ своему прошлому.

«Такое искаженіе національнаго духа и жизни нѣмецкаго народа отразилось на самомъ нѣмецкомъ якыкѣ.

«Когда въ Германіи наступило національное пробужденіе, то она за свое рабское подчиненіе римскому міру заплатила реформаціей съ тою борьбою и кровію, которыми сопровождалось ея введеніе и распространеніе. Германскій міръ долженъ былъ порвать всякую связь съ своимъ прошлымъ въ самомъ дорогомъ и существенномъ элементѣ своей духовной жизни—въ его религіи и въ его вѣрованіяхъ.

«Германія должна была перестроить свои идеалы и стала поклоняться другимъ богамъ. Она теперь рѣзко распадается на два лагеря: протестанскій и римско-католическій.

«Римъ вноситъ въ западную Европу не одну культуру, но также инквизицію и іезуитизмъ. Наконецъ Европа была страна феодальная, а этотъ феодализмъ былъ источникомъ сословной исключительности и велъ прямо и непосредственно къ революціи.

«Для многихъ европейцевъ революція и реформація—великое благо. Мы можемъ только радоваться, что у насъ не было ни революціи, ни реформаціи.

«Наша жизнь шла совершенно особою дорогою. Классическій міръ никогда не давилъ насъ въ нашей исторической жизни. Наше право, наша соціальная жизнь, наша литература и нашъ языкъ развивались на нашей собственной національной основѣ, въ близкой связи къ народу и его потребностямъ. Вотъ почему нашъ языкъ достигъ такого высокаго развитія, не смотря на то, что мы отстали въ нашей внѣшней культурѣ отъ Европы. Самое нашествіе монголовъ, хотя и принесло большой вредъ нашему внутреннему развитію, не могло

совершенно убить зародышей нашей общественной жизни. Оно освободило русскій народъ отъ славянскаго недостатка, проявляющагося въ духѣ взаимой вражды и подозрительности. Оно пріучало насъ къ политической дисциплинѣ. Оно дало возможность въ лицѣ русскаго государства отстоять цѣлую славянскую расу отъ опасностей политической и культурной гибели.

«Если мы имѣли нѣкоторое отношеніе къ классическому міру въ лицѣ византійскихъ грековъ, то оно существенно отличается отъ отношеній остальной Европы къ римскому міру. На западѣ классическій міръ въ лицѣ Рима властно и повелительно относился ко всѣмъ сторонамъ и проявленіямъ народной жизни.

«У насъ греки при всей своей хитрости только могли молить о помощи. Римъ таскалъ Европу за волосы и обращался къ ней съ окриками. Грецію просила милости и пощады и обращалась къ намъ со слезами. Результаты этихъ отношеній вышли совсѣмъ иные. На слезы грековъ Русь отвѣтила ихъ освобожденіемъ отъ турецкаго ига.

«Нашъ славянскій міръ примыкаетъ не только къ Греціи и Риму, не только къ индоевропейскому міру, а ко всему человѣчеству. Онъ отовсюду долженъ черпать указанія для своего развитія».

Великому Петру въ области политики и великому Ломоносову въ области научныхъ практическихъ и теоретическихъ познавательныхъ началъ принадлежитъ геніальный порывъ широко соединить обновленные и изощренные принципы точнаго знанія и моральной техники съ основами нравственнаго міросозерцанія православно-русскаго народа. Порывъ этотъ, много разъ спутываемый неумѣніемъ и непониманіемъ, затѣмъ обновился въ XIX вѣкѣ особенно послѣ законодательной кодификаціи императоровъ Александра I и Николая I, подготовившей благотворноосвободительныя реформы императора Александра II. Плоды этихъ посѣвовъ даны въ народномъ самосознаніи, проявлявшемся весьма наглядно въ царствованіе императора Александра III и ярко выражающемся въ текущихъ событіяхъ, составляющихъ испытаніе духовной крѣпости частей русскаго народнаго организма на полѣ брани

съ отважнымъ и искуснымъ варварскимъ (нехристіанскимъ) врагомъ.

Замыслы людей текущаго времени, стремящихся по мѣрѣ силъ направить дальнѣйшую благотворную реформу по естественному историческому пути, исходящему изъ истинныхъ нравственныхъ началъ, внѣдрившихся въ народное сознаніе, и расширяемому при помощи современныхъ принциповъ науки, знанія, техники и моральтехники, обѣщаютъ дальнѣйшее поступательное движеніе. Благородные порывы нашего времени ярко выразились въ цѣломъ рядѣ Высочайшихъ указаній и рескриптовъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія и въ Высочайшемъ Манифестѣ 26 февраля 1903 года. Въ силу этого Манифеста реформа народнаго быта должна вникнуть въ моральное зданіе Народности и народообщинности, имѣя въ виду дать народу не право-кумиръ и не хаосъ-право, а истинное право; она должна будетъ насквозь пронивеллировать геометрическо-этическими и моральариѳметическими мѣрилами народный бытъ и интересъ и поднять въ разныхъ плоскостяхъ не только технику народнаго труда и промысловъ, но и моральтехнику труда и взаимодѣйствія, дабы союзомъ солидарности прочнѣе застраховать народныя цѣнности (семейный союзъ, общинный союзъ и ихъ святыни и матеріальныя удобства); она должна многія функціи децентрализовать, но свободосвязать ихъ съ центромъ государственнаго объединенія на аристологократической исторической моральной основѣ, какъ нравственной гарантіи прочности страхованія; она должна привести въ соотвѣтствіе и гармонію народопромышленное дѣло съ народообразовательнымъ. Агностическія, ирраціоналистическія и морально-отрицательныя вліянія, сводящія свободу, равенство и братство къ царству неорганизованнаго хаоса, къ безразличію, къ подрыву исторической политической аристолого-кратичности, къ механической лотерейности соціальнаго процесса, къ мертвой, безшабашной и безотвѣтственной конституціи, будутъ, конечно, болѣе или менѣе продолжать спутывать координированный вкладъ также и нашего времени въ сокровищницу русскихъ и истинныхъ

общечеловѣческихъ интересовъ; но тѣмъ не менѣе наши ожиданія, что этотъ вкладъ будетъ въ окончательномъ итогѣ положительнымъ, должны составлять нашу вѣру, поддерживающую въ нашемъ поколѣніи мыслителей и дѣятелей энергію дѣйствія, направленнаго къ истинному общему благу.

Не будемъ терять изъ вида, что задачи и завѣты основателей Московскаго Математическаго Общества цѣнны, между прочимъ, потому, что они тѣсно соприкасаются съ практическими научными, образовательными, техническими и моральтехническими задачами нашего времени, съ современною текущею дѣятельностію Московскаго Университета, Московскаго Учебнаго Округа, Министерства Народнаго Просвѣщенія и Русскаго Государства.

Образовательныя задачи нашего времени ярко выражалъ членъ-основатель А. В. Лѣтниковъ. Между прочимъ, въ знаменательной рѣчи на юбилеѣ Московскаго Константиновскаго Межеваго Института онъ высказалъ слѣдующія слова, составляющія для насъ одинъ изъ важнѣйшихъ завѣтовъ:

«Въ наше тяжелое время шатанія понятій, слабости мысли и воли, въ наше время кажущагося торжества идола-матеріи, нерѣдко слышатся рѣчи о новыхъ принципахъ воспитанія, которые идутъ на замѣну старыхъ отжившихъ... Но неужели же на самомъ дѣлѣ въ тридцать послѣднихъ лѣтъ человѣкъ измыслилъ такъ много, передумалъ и пережилъ столько, что прожитыя тысячелѣтія ему стали ни почемъ? Или въ наше время измѣнились понятія о нравственномъ долгѣ, совѣсти и чести, или мы что-нибудь прибавили къ великому ученію о всепрощающей христіанской любви, или, наконецъ, преподанные намъ историческіе примѣры гражданской доблести и любви къ отечеству перестали быть для насъ поучительными?

«Основа воспитанія лежитъ въ старомъ незыблемомъ и вѣчномъ ученіи о христіанской нравственности. Будемъ же хранить эту старую школу и ея преданія, и скажемъ слово благодарности Межевому Институту, который сумѣлъ устоять среди искушеній и сохранить въ себѣ тѣ начала порядка, нравственной и умственной дисциплины, которыя всегда были

и будутъ истинными для школы, ведущей свое дѣло серьезно и съ сознаніемъ той величайшей, страшной отвѣтственности, которую она несетъ передъ обществомъ настоящимъ и будущимъ».

Основатели Московскаго Математическаго Общества, являвшіеся нашими учителями, были воодушевлены любовью не только къ наукѣ, но и къ своему профессорскому и учительскому призванью. Тактическую строгость (въ сферѣ безусловно обязательнаго) они умѣли гармонически сочетать съ тактическою снисходительностію, открывавшею просторъ выбору и самодѣятельности, поощряющій починъ ученика. Чуждые педантизма въ оцѣнкѣ учениковъ, они умѣли отбирать талантливыхъ учениковъ. Для руководства и испытанія силъ молодыхъ ученыхъ служило Математическое Общество, куда являлись ихъ ученики въ качествѣ начинающихъ ученыхъ изслѣдователей, встрѣчавшихъ здѣсь наставническій совѣтъ и компетентное сужденіе. По отношенію къ молодымъ ученымъ основатели исполняли свой профессорскій долгъ живымъ общеніемъ съ ними на этой учено-академической общественной почвѣ. Поэтому-то Московское Математическое Общество въ его прошломъ оказывалось для молодыхъ ученыхъ плодоносною почвою, живымъ разсадникомъ, истинною ученою школою, которая трудилась въ тишинѣ своего небольшого, тѣсно связаннаго съ Московскимъ университетомъ, кружка и которую тѣмъ не менѣе знаютъ и цѣнятъ всѣ, интересующіеся успѣхами точнаго познанія.

Школа эта сумѣла передать намъ крупное духовное наслѣдство. Она не только оставила намъ многочисленные труды, но и помогла своими ученіями и дѣйствіями выработать нѣчто болѣе цѣнное, а именно: міросозерцаніе и убѣжденіе. Это живо чувствуютъ тѣ, кто учился на физико-математическомъ факультетѣ въ періодъ цвѣтущей совмѣстной дѣятельности основателей школы, когда еще ни одинъ изъ нихъ не сходилъ съ университетской и нашей общественной арены и когда всѣ они были въ разцвѣтѣ силъ. Они были истинно свободными служителями храма науки, окруженные внимавшими имъ

учениками и дѣйствительно образовавшіе школу, какъ организмъ. Эта математическая школа всею совокупностью дѣлъ, совершаемыхъ ея основателями на академической аренѣ, вдохновенно и свободно учила и говорила своимъ ученикамъ какъ-бы слѣдующими словами древняго мудреца, расположеннаго къ своему ученику: «Слушай меня, сынъ мой, и учись знанію, и внимай сердцемъ твоимъ словамъ моимъ. Я показываю тебѣ ученіе *обдуманное* и передаю знаніе *точное*» (Прем. Сираха XVI, 24 — 25).

33. Воздавая должную дань уваженія и почтенія трудамъ всѣхъ высокопросвѣщенныхъ членовъ-основателей Московскаго Математическаго Общества, мы должны признать, что самымъ энергичнымъ и живымъ проводникомъ того духа, которому служили эти основатели, и самымъ неутомимымъ и вдохновеннымъ труженикомъ среди нихъ безспорно былъ Николай Васильевичъ Бугаевъ. Его живая энергія и его широкое міросозерцаніе дѣлали его отзывчивымъ на всѣ предъявленные ему духовные запросы. Уже въ силу этого Николаю Васильевичу по справедливости и по заслугамъ принадлежитъ выдающееся мѣсто въ ряду основателей и дѣятелей Математическаго Общества, и онъ дѣйствительно сдѣлался общепризнаннымъ главою школы Московскихъ математиковъ. Это признаніе ярче всего выразилось на юбилеѣ Московскаго Математическаго Общества, когда многочисленная семья русскихъ математиковъ и естествоиспытателей горячо привѣтствовала Николая Васильевича.

Посвятивъ свою дѣятельность чистой математикѣ и главнымъ образомъ аритмологіи (*теоріи прерывныхъ функцій*, а не теоріи только чиселъ) и связанныхъ съ нею исчисленій, Николай Васильевичъ не замкнулся въ своей спеціальности, но выступалъ какъ философъ-математикъ, и итогъ его философской проповѣди, его послѣднее вдохновенное слово философа-математика вылилось въ форму глубокаго по мысли, общедоступнаго и очень сжатаго очерка: «Математика и научно-философское міросозерцаніе». Это произведеніе, намѣчающее съ точки зрѣнія математика магистральный путь точнаго познанія, — путь, въ которомъ должны сливаться всѣ частные и

спеціальные пути,—заставляетъ насъ признать Николая Васильевича особенно выдающимся провиденціальнымъ мыслителемъ. Къ сожалѣнію, не всѣ понимали Николая Васильевича даже и въ кругу образованныхъ лицъ. Тѣмъ дороже для него было Московское Математическое Общество, гдѣ онъ неукоснительно присутствовалъ во всѣхъ занятіяхъ и находилъ для себя благопріятную среду, вполнѣ способную цѣнить и понимать его таланты и знанія и подвигъ его «смиренномудрія». Слово «смиренномудріе» было его выраженіемъ, когда онъ обрисовывалъ характеръ истинныхъ философовъ и тружениковъ науки, вступающихъ въ трезвую борьбу съ заблужденіемъ ума и совѣсти посредствомъ свѣта истиннаго познанія.

Взгляды Николая Васильевича на школу, на задачи педагога, на внутреннее тактическое и этическое единство многообразно развѣтвленнаго школьнаго дѣла и на школьную реформу выразились особенно рельефно въ рядѣ его интереснѣйшихъ докладовъ въ Высочайше учрежденной коммиссіи по вопросу объ улучшеніяхъ въ средней общеобразовательной школѣ (см. «Труды» этой коммиссіи. Петерб. 1900). Эти доклады проникнуты воодушевленіемъ и возвышеннымъ знаніемъ дѣла.

Есть особая заслуга Николая Васильевича предъ Математическимъ Обществомъ и вмѣстѣ предъ русскимъ образованнымъ обществомъ. Эта заслуга имѣетъ отношеніе къ русскому научно-литературному языку. Николай Васильевичъ хорошо понималъ огромное значеніе литературы по предметамъ точнаго знанія на *родномъ* языкѣ. Сознавая богатство русскаго языка, чувствуя въ немъ выразительныя формы для изложенія мѣрной мысли и для опредѣленія физической и моральной закономѣрности, онъ зналъ также, что языкъ въ свою очередь, соприкасаясь съ выраженіемъ предметовъ точнаго знанія, долженъ еще болѣе совершенствоваться. Связь языка съ предметами точнаго познанія опредѣляетъ для самаго языка истинный путь развитія, возводя его отъ изображенія будничной реальности, отъ красивой звукоподра-

жательности и музыкальности къ истинно художественному, точно координированному выраженію идей и идеаловъ и ихъ тонкихъ и глубокихъ отраженій въ конкретной живой дѣйствительности. Въ то время какъ русскія ученыя учрежденія и университетскія общества печатали свои ученыя изслѣдованія по наукамъ физико-математичеткаго факультета преимущественно на иностранныхъ языкахъ, Николай Васильевичъ при самомъ основаніи Московскаго Математическаго Общества энергично настоялъ на томъ, чтобы журналъ этого Общества издавался на русскомъ языкѣ. Этотъ починъ затѣмъ нашелъ себѣ распространеніе и въ другихъ ученыхъ русскихъ математическихъ обществахъ. Своимъ починомъ и твердымъ настояніемъ Николай Васильевичъ достигъ того, что въ Россіи создалась-таки хорошая русская математическая литература, доступная широкому кругу русскихъ людей и не понизившая, а, напротивъ, повысившая русскій вкладъ въ общечеловѣческую сокровищницу знанія.

Чтобы вполнѣ оцѣнить эту заслугу, нужно вникнуть въ значеніе и свойства научно-философскаго и научно-практическаго языка въ его отличіи отъ общепринятаго литературнаго языка. Для выраженія глубокихъ философскихъ и научныхъ идей и закономѣрностей природы и духа беллетристическій языкъ получаетъ у всѣхъ культурныхъ народовъ обдуманную надстройку, органически связывающую природный языкъ даннаго народа съ общечеловѣческими пріобрѣтеніями, выработанными философіей, наукой и культурой. Хорошій беллетристическій языкъ, являясь цѣннымъ органическимъ орудіемъ живого объединенія частей организованнаго народа, вездѣ бываетъ не вполнѣ достаточенъ, что и выражается неудачами даже великихъ писателей-беллетристовъ всѣхъ странъ, когда они порываются, чтобы поднять насъ при помощи беллетристическаго языка въ высшія сферы мѣрной мысли и выражаемыхъ ею міровыхъ и соціальныхъ закономѣрностей. Выдающіеся русскіе писатели далеко опередили писателей всѣхъ странъ въ этихъ прекрасныхъ порывахъ, но и ихъ успѣхамъ положенъ предѣлъ въ ограниченности самого ихъ языка,

какъ орудія. Починъ Николая Васильвича привилъ нашему родному языку нѣкоторыя цѣнныя свойства точнаго научно-философскаго и научно-практическаго языка, уравнявъ его въ этомъ отношеніи съ европейскими языками.

Кто мы, какое положеніе занимали и занимаемъ мы въ мірѣ, въ какомъ контактѣ находимся мы съ окружающею средою, какими физическими и духовными функціями, средствами и методами можемъ мы располагать для нашихъ задачъ, цѣлей и дѣлъ въ будущемъ,—эти вопросы требуютъ для своего рѣшенія прежде всего точныхъ азбучныхъ принциповъ, обоснованію которыхъ многіе изъ основателей Московскаго Математическаго Общества и въ ихъ числѣ Николай Васильевичъ посвятили трудъ цѣлой своей жизни. Этимъ принципамъ, представляющимъ собою азбуку мудрецовъ, они дали глубокое, мудрое, благочестивое, покорное дѣлу Творца, научное, практическое и философское разъясненіе.

Да будетъ же вѣчно памятнымъ весь союзъ основателей Московскаго Математическаго Общества, и да будетъ незабвеннымъ имя Николая Васильевича Бугаева.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.